ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 41

2026

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.
Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.
Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru
Адрес сайта журнала: http://legallinguistics.ru/
Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947
Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Юридическая герменевтика	
Жуков Д. Е. ***ПРЕДИКАТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ***	6
Юридическая техника	
Блинова Ю. В. ***ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ***	11
Кирюшина И. В. ***О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТЕСНАЯ СВЯЗЬ ПРАВА С ЛИЧНОСТЬЮ» И «ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦА» ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ УСТУПКИ ПРАВ***	17
Новикова Л. И., Соловьева Н. Ю. ***«ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ***	23
Сергеева А. А., Питулько К. В. ***К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ ИТОГОВ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА***	29
Титаренко Е. П., Филиппова Т. А. ***О МЕЖОТРАСЛЕВОМ ХАРАКТЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ***	33
Правовая коммуникация	
Корчагин А. А. ***ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЕГО ЦЕЛЕЙ***	38
Лингвоэкспертология	
Винников А. В. ***О ПОНЯТИИ ПОНИМАЕМОСТИ И ЕГО ПРИКЛАДНОМ ЗНАЧЕНИИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ***	44
Дударева Я. А., Воронько А. А. ***ПЕРСОНОТЕКСТ И НЕЙРОТЕКСТ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВЫХ И СГЕНЕРИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ***	50
Огорелков И. В. ***ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ***	60
Язык и право	
Кузнецова И. С. ***ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «УБИЙСТВО» КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ***	65
Зарубежная юрислингвистика	

Дудурич О. В. ***ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В ПОВСЕДНЕВНОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)***	72
Шнайдер Й. ***КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ НОРМЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ РАБОТА: СТРУКТУРИРУЮЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ ФРИДРИХА МЮЛЛЕРА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ***	77
Суггестивная функция языка и речевое манипулирование	
Клёцкина А. А. ***КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МАСКИРОВКИ СОДЕРЖАНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ***	84
Рецензии. Хроника. Информация	
Бабич М. Е. ***РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ИСКУССТВО (НЕ)ПРОСТОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПИСЬМА» (А. В. КНУТОВ, А. В. ЧАПЛИНСКИЙ, П. А. МИЩЕНКО, Д. Р. АЛИМПЕЕВ). - М.: "ПРОСПЕКТ", 2026. – 192 С.***	91
Васильев А. А., Зацепина О. Е. ***РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. М. БАРАНОВА, В. Е. ЗАМАЛЬДИНОВА «НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»***	95
Доронина С. В. ***НА СТЫКЕ ЯЗЫКА И ПРАВА (К 80-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ДАНИЛОВИЧА ГОЛЕВА)***	98

CONTENTS

Legal hermeneutics	
Zhukov D. E. ***PREDICATE OFFENCE: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT***	6
Legal Techniques	
Blinova Yu. V. ***CONCEPTS AND CATEGORIES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW***	11
Kiryushina I. V. ***THE RELATIONSHIP BETWEEN 'CLOSE CONNECTION OF LAW AND THE PERSON' AND 'LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL' IN ASSESSING THE ASSIGNABILITY OF RIGHTS***	17
Novikova L. I., Solovjeva N. Yu. ***"IMPORT SUBSTITUTION" IN MODERN RUSSIAN: LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS***	23
Sergeeva A. A., Pitulko K. V. ***ON THE INTERPRETATION OF THE SUBSTANCE OF CRIMINAL PROCEDURE PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF THE OUTCOMES OF THE NUREMBERG TRIAL***	29
Titarenko E. P., Filippova T. A.	33

ON THE INTERDISCIPLINARY NATURE OF CERTAIN CONCEPTS IN FAMILY LAW	
Legal Communication	
Korchagin A. A. ***ORGANIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS A PREREQUISITE FOR ACHIEVING THEIR GOALS***	38
Linguoexpertology	
Vinnikov A. V. ***ON THE CONCEPT OF COMPREHENSIBILITY AND ITS APPLIED SIGNIFICANCE IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION***	44
Dudareva Ya. A., Voronko A. A. ***PERSONATEXT AND NEUROTEXT: CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN NATURAL LANGUAGE AND AI-GENERATED TEXTS BASED ON COMPARATIVE PROFILING***	50
Ogorelkov I. V. ***LINGUISTIC ASPECTS OF AUTHORSHIP STUDIES***	60
Language and law	
Kuznetsova I. S. ***LINGUISTIC FEATURES OF ANTON CHEKHOV'S SHORT STORY «THE MURDER» AS A MEANS OF REVEALING THE RELIGIOUS AND LEGAL ISSUES OF THE WORK***	65
International Perspectives in Forensic Linguistics	
Dudurich O. V. ***SPECIFICS OF THE CONCEPT «FREEDOM» REPRESENTATION IN EVERYDAY AND LEGAL DISCOURSE (WITH REFERENCE TO THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)***	72
Schneider J. ***CONCRETIZATION OF LEGAL NORMS AS LINGUISTIC WORK: FRIEDRICH MÜLLER'S STRUCTURING THEORY OF LAW FROM THE PERSPECTIVE OF LEGAL LINGUISTICS***	77
Suggestive Function of Language and Speech Manipulation	
Kletskina A. A. ***COMMUNICATIVE AND SEMIOTIC MECHANISMS OF CONTENT MASKING IN ADVERTISEMENTS***	84
Reviews. Chronicle. Information	
Babich M. E. ***REVIEW OF THE BOOK "THE ART OF (NON)SIMPLE LEGAL WRITING" (A.V. KNUTOV, A.V. CHAPLINSKY, P.A. MISHCHENKO, D.R. ALIMPEEV)***	91
Vasiliev A. A., Zatsepina O. E. ***REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.M. BARANOVA, V.E. ZAMALDINOVA «OBSCENE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE LEGAL LINGUISTIC ANALYSIS»***	95
Doronina S. V. ***WHERE LANGUAGE AND LAW MEET (ON THE 80TH ANNIVERSARY OF NIKOLAI DANILOVICH GOLEV)***	98

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 6-10,doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4101

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА *УДК 343.2/.7, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.21, Код ВАК 5.1.4*

Предикатное преступление: философско-правовой анализ понятия

Д. Е. Жуков

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: dmitriy.zhukov@dorf.ru

В статье представлен философско-правовой анализ понятия «предикатное преступление» как особой онтологической структуры, связывающей разнородные уголовно наказуемые деяния в системное единство. Основная гипотеза исследования заключается в том, что предикатное преступление представляет собой не просто технический прием или частный случай множественности, а выражение фундаментальной онтологической функции, обеспечивающей связывание разрозненных элементов криминальной деятельности в осмысленную целостность.

Исследуются логические истоки предикатной связи через классическую схему суждения «S есть P», где основное преступление занимает позицию субъекта, а предикатное – позицию предиката, сообщающего деянию юридически значимое свойство. Опираясь на идеи Г. Фреге о пропозициональной функции и гегелевскую диалектику отношения, автор раскрывает онтологию предикатной связи как «скрепы», удерживающей множественность эпизодов в системном единстве правовой оценки.

В результате анализа Особенной части УК РФ выделяются три качественно различных вида предикатной связи: логическая (через предмет преступления, как при легализации доходов), функциональная (через цель или мотив, как при содействии террористической деятельности) и генетическая (организационно-техническая предпосылка, как при создании преступного сообщества). Обосновывается, что каждый вид предъявляет специфические требования к доказыванию и влияет на квалификацию преступлений.

Особое внимание уделяется методологическому развитию юридической техники: появление предикатных конструкций маркирует переход уголовного права от натуралистического (изолированно-казуистического) к деятельностному (системному) мышлению. Автор приходит к выводу, что философско-правовая рефлексия предикатных связей имеет непосредственное практическое значение для законодательной техники, судебного толкования и квалификации преступлений, а ее дальнейшее развитие способствует формированию целостного учения о системных связях в условиях усложнения современной преступности.

Ключевые слова: уголовное право, предикатное преступление, квалификация преступлений, философия права, законодательная техника.

Predicate Offence: Philosophical and Legal Analysis of the Concept

D. E. Zhukov

Kuban state university

149 Stavropolskaya St., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: dmitriy.zhukov@dorf.ru

The article presents a philosophical and legal analysis of the concept of «predicate offence» regarded as a special ontological structure integrating disparate criminally punishable acts into a coherent systemic whole. The main hypothesis of the study is that predicate offence is not just a technical device or a special case of multiplicity, but rather an expression of a fundamental ontological function that enables the integration of disparate elements of criminal activity into a meaningful whole.

The logical origins of the predicative relation are investigated through the classical scheme of proposition «S is P», where the principal offence occupies the position of the subject, and the predicate offence occupies the position of the predicate, which gives the act a legally significant property. Based on G. Frege's ideas about the propositional function and the Hegelian dialectic of relation, the author reveals the ontology of predicative relation as a «bond» that holds the multiplicity of episodes in the systemic whole of legal assessment.

As a result of the analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, three qualitatively distinct types of predicative relation are distinguished: logical (through the object of the crime, as with money laundering), functional (through a goal or motive, as with facilitation of terrorism) and genetic (organizational and technical prerequisite, as with the establishment of an

organizrd criminal group). It is proved that each type imposes specific evidentiary requirements and affects the qualification of crimes.
Special attention is paid to the methodological development of legal technology: the appearance of predicate constructions marks the transition of criminal law from naturalistic (isolated-casuistic) to activity-based (systemic) thinking. The author comes to the conclusion that the philosophical and legal reflection of predicative relations is of direct practical importance for legislative technique, judicial interpretation and qualification of crimes and its further development contributes to the development of a holistic doctrine of systemic relationships in the context of the growing complexity of contemporary crime.

Key words: criminal law, predicate offence, crimes qualification, philosophy of law, legal technique.

Рассмотрение предикатного преступления в современной уголовно-правовой науке демонстрирует любопытный парадокс. С одной стороны, термин прочно вошел в профессиональный оборот: его употребление можно встретить как в международных соглашениях и нормативных актах, так и в диссертациях, монографиях, научных статьях, учебной литературе. С другой стороны, его содержательное наполнение остается крайне неопределенным. Предикатным, как правило, называют преступление, выступающее условием или предпосылкой другого преступления (в большинстве случаев – отмывания преступных доходов), и на этом теоретическая база заканчивается.

Происхождение рассматриваемого термина берет свое начало в науках логики и языкознания. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова слово «предикат» описывается как «понятие, определяющее предмет суждения (субъект)» в логике и как «член предложения, обозначающий отнесенный ко времени признак» в грамматике (Ожегов 1990: 603). При этом нормативное закрепление термина «предикатное преступление» в юриспруденции связывают с принятием в 2004 г. международных антиотмывочных стандартов, когда Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) включила его в свои «40 Рекомендаций» [1]. Именно тогда странам, применяющим указанные рекомендации, было предложено устанавливать наиболее широкий перечень предикатных преступлений по отношению к легализации (отмыванию) преступно полученного имущества.

Сам факт появления и закрепления в уголовно-правовой терминологии понятия «предикатное преступление» свидетельствует о возникновении принципиально нового способа осмыслить преступное деяние. Природа такого способа восприятия может быть раскрыта в том числе посредством философского дискурса, о котором будет сказано далее. Основная гипотеза состоит в том, что предикатное преступление как особый вид противоправного деяния не сводится ни к техническому приему отсылки, ни к частному случаю множественности. Напротив, такого рода преступление является выражением фундаментальной онтологической функции «связывания разрозненных элементов в осмысленную целостность» [Антонченко 2023: 15], без которой уголовное право утратило бы способность иметь дело с комплексными, системно организованными формами криминальной деятельности.

Чтобы приблизиться к пониманию онтологической характеристики предикатной связи в уголовном праве, необходимо обратиться к ее логическим истокам. Классическая схема суждения «S есть P», впервые введенная Аристотелем, представляет собой не просто грамматическую форму, но фундаментальную структуру мышления о мире. Субъект (или подлежащее) фиксирует то, о чем нечто высказывается; предикат (или сказуемое) – то, что именно высказывается о субъекте [Смирнов 2016: 9-10]. При этом, вопреки распространенному представлению, предикат не выступает чем-то внешним и второстепенным по отношению к субъекту. Наоборот, именно через предикат субъект получает свою определенность, обретает очертания, становится доступным для мышления. Без предикации субъект остается нераскрытым, лишенным свойств и отношений, иначе говоря, не существует как предмет мысли [Полозова 2020: 64].

Перенос изложенной логической модели в уголовно-правовую среду позволяет взглянуть на устоявшийся термин с принципиально иного ракурса. Когда законодатель конструирует состав преступления, содержащий логическую отсылку к иному уголовно наказуемому деянию, он, по существу, воспроизводит структуру предикативного суждения, которое представляет собой условную зависимость (формулу): «основное преступление – предикатное преступление» (перевод – Д. Ж.) [Murray 2016: 448–449]. Основное преступление занимает позицию субъекта: это то, что подлежит юридической оценке. Предикатное преступление занимает позицию предиката или «предмета», через который основное преступление получает свою уголовно-правовую квалификацию. Так, легализация (отмывание) преступных доходов как самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 174 или 174[1] УК РФ, остается логически незавершенным или неопределенным без указания на происхождение имущества: именно денежные средства или иное имущество, полученные преступным путем или в результате совершения преступления, выступают предметом легализации (отмывания) как обязательным признаком указанного состава преступления. Иными словами, предикатное преступление выполняет ту же функцию, что и логический предикат: оно сообщает основному деянию юридически значимое свойство, без которого то не может существовать как самостоятельное преступление.

Однако предикатная связь не является симметричной. Если в классической логике субъект и предикат связаны отношением принадлежности признака, то в уголовном праве можно встретить более сложную структуру, в которой квалификация основного преступления в ряде случаев невозможна без установления предикатного деяния. Здесь предикат не просто характеризует субъект, но обосновывает саму возможность существования последнего. Это сближает юридическую предикацию с тем, что Г. Фреге называл «мыслью», то есть некоторой пропозицией, содержащей переменную, которая становится истинностным суждением только после подстановки конкретного значения [Фреге 2008: 29-30].

[1] Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf

Предикатное преступление и есть та переменная, от подстановки которой зависит, будет ли иметь место основное преступление как юридический факт.

Зафиксировав вышеизложенные онтологические признаки предикатных связей, необходимо задать вопрос более высокого порядка: что стоит за самим фактом появления и распространения предикатных конструкций в уголовном законодательстве? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к методологии юридического мышления. Г. П. Щедровицкий, характеризуя эволюцию научного знания, выделил два фундаментальных типа мышления – «натуралистическое» и «деятельностное». Первое рассматривает объект как данность, как вещь с присущими ей свойствами, подлежащими описанию и классификации. Второе рассматривает объект как продукт и момент деятельности, то есть не как вещь, а как узел отношений, включенный в процессы и структуры [Щедровицкий 1994: 334-338]. Данный тезис можно проследить в истории развития отечественного уголовного права.

Уголовное право России до середины XIX в. тяготело к натуралистическому мышлению: каждое преступление мыслилось как изолированный акт индивида, обладающий собственными объективными и субъективными признаками и получающий самостоятельную квалификацию. Связи между преступлениями если и учитывались, то в качестве внешних, случайных обстоятельств. Появление прототипов предикатных преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ознаменовало поэтапный переход к «деятельностному» мышлению законодателя при составлении уголовно-правовых норм. Преступление здесь уже не просто изолированный акт, а элемент структурированной преступной деятельности. Данная «системность» раскрывается через указание на совершение иного преступления как необходимого условия привлечения к уголовной ответственности за совершение основного преступления [Ашин 2009: 251]. Подобную отсылку можно встретить, например, в ст. 308 Уложения, где уголовная ответственность устанавливается за взлом тюрьмы или иного места заключения, который с целью освобождения или увода заключенных сопряжен с убийством или поджогом.

В советский период понятие преступления, равно как и понятие состава преступления, получили переосмысление во многом благодаря трудам А. Н. Трайнина, В. Н. Кудрявцева, А. А. Пионтковского и других видных правоведов. Отмечая «переход от буржуазной к социалистической модели юридической науки», А. Н. Трайнин утверждал, что понятие преступления в советском праве неразрывно связано с его материальным признаком – общественной опасностью [Трайнин 1951: 14]. Тем самым отстаивалась идея материального определения преступления как противопоставления подходу «буржуазного права», где определяющим выступал формальный признак – запрещенность. Это отразилось на системном толковании уголовно-правовых норм, что обусловило появление более развитых предикатных связей в конструкциях статей УК РСФСР 1960 г. (например, в статьях, устанавливающих уголовную ответственность за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, – ст. 208, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность – ст. 210 и др.).

Современное российское уголовное право наследует отдельные наработки дореволюционной и советской теории уголовного права, закрепляя в определении преступления, данном в ст. 14 УК РФ, как нормативный (запрещенность уголовным законом) так и материальный признаки (общественная опасность), а также виновность и наказуемость [Наумов 2021: 110]. Более того, понятие преступления, закрепленное в действующем российском уголовном законе, более не привязывается к определенному классовому мышлению. Из этого можно заключить, что таким образом происходит переход от натуралистического или казуистичного описания уголовно-правовой нормы к деятельностному (абстрактному).

Такого рода методологическое развитие имеет значительные последствия для юридической техники. Если натуралистическое мышление оперирует эмпирическим опытом познания окружающей среды и требует казуистичного описания уголовно наказуемого деяния, то деятельностное мышление предполагает конструирование системного, унифицированного вида правовой нормы, где квалификация одного преступления может быть поставлена в зависимость от квалификации другого, а правовая оценка деятельности виновных лиц в целом не сводится к сумме оценок ее частей. Соответственно, способом познания и описания предикатных связей является не просто классификация по предложенным видам, а выявление технических и логических связей с другими элементами системы. Предикатное преступление в этом контексте выступает как «результат абстрагирования» или «мыслительной деятельности метатеоретического характера» [Коренная 2023: 33]. Так, законодатель, вводя предикатную связь, фактически предписывает правоприменителю рассматривать данное деяние не само по себе, а в его системном положении [Тыдыкова 2023: 46].

Следующий шаг в осмыслении природы предикатного преступления требует ответа на вопрос: какова онтология самой связи между предикатным и основным деяниями? Является ли она чисто мыслимой конструкцией, существующей лишь в сознании законодателя и правоприменителя, или за ней стоит некоторая объективная структура криминальной деятельности?

Г. В. Ф. Гегель, говоря об отдельных аспектах гражданского общества и государства, неоднократно отмечал, что любое отношение не обладает самостоятельным существованием в отрыве от соотносящихся сторон, но вместе с тем оно и не сводимо к ним: будучи установленным, отношение само становится фактором, определяющим свойства вовлеченных в него элементов [Гегель 1990: 63-64]. А. Н. Муравьев, анализируя природу отношения философского знания к эмпирическому опыту, указывал, что отношение не может быть сведено ни к отдельной вещи, ни к совокупности вещей, представляя собой феноменологический способ явленности одного явления через другое [Муравьев 2004: 53]. Е. С. Линьков, рассуждая о природе отношения ко всеобщему, справедливо замечает: «единичное не может господствовать над особенным, но особенное спокойно господствует над единичным» [Линьков 2018: 44-46]. При этом предикатная связь в уголовном праве обладает именно такой юридической природой. Она не существует как самостоятельное явление наряду с предикатным и основным преступлениями, но и не является фикцией. Будучи закрепленной в диспозиции правовой нормы, она реально определяет значение обоих деяний, а именно влияет на уголовно-правовую квалификацию.

Более того, предикатная связь выполняет в уголовном праве ту функцию, которую в общей теории систем называют функцией онтологической скрепы [Лукин 2011: 106]. Комплексная криминальная деятельность, например, функционирование преступного сообщества, предполагающее множественность тяжких и особо тяжких преступлений,

совершаемых в его составе, может включать в себя достаточно широкий перечень разнородных составов преступлений, каждый из которых имеет собственные объективные и субъективные признаки. Без предикатных связей такая совокупность преступлений оценивалась бы судами как группа изолированных эпизодов, без учета системного характера криминальной деятельности. Именно предикация, по сути «привязывая» одно уголовно наказуемое деяние к другому, удерживает эту раздробленную множественность в рамках единой правовой оценки, подобно тому, как в классической метафизике форма удерживает материю от распада.

Анализ действующего уголовного законодательства и судебной практики позволяет выделить три качественно различных вида предикатной связи, каждый из которых обладает собственной онтологической характеристикой.

Логическая предикация имеет место там, где одно преступление выступает смысловым определением другого через предмет или объект. Наиболее известный пример – легализация (отмывание) преступных доходов (ст. 174 и 174[1] УК РФ). Здесь предикатное деяние предшествует основному преступлению: без преступного происхождения имущества исчезает сам предмет легализации. При этом такая связь между преступлениями носит необходимый, а не случайный характер, так как легализация (отмывание) преследует цель сокрытия криминальной деятельности и поэтому является логическим последствием получения преступного дохода [Коренная 2024: 154].

Функциональная предикация характеризует случаи, когда предикатное преступление выступает средством или условием совершения основного, не будучи при этом его логической предпосылкой. Примером может служить содействие террористической деятельности (ст. 205[1] УК РФ) по отношению к террористическому акту (ст. 205 УК РФ). Здесь предикатное деяние, выраженное в указанном содействии и основное – террористический акт – функционально связаны через признак субъективной стороны: без цели обеспечения соответствующего преступления террористической направленности действия лиц по склонению, вербовке и т. п. не образуют состав предикатного преступления [Боков 2024: 41]. Такого рода структурная связь систематизирует самостоятельные элементы отрасли права, при этом не образуя новые правовые явления и лишь придавая качественные характеристики уже существующим [Куликов, Анисимова, Казанцев и др. 2020: 56-57].

Генетическая предикация охватывает те ситуации, в которых предикатное преступление выступает источником, необходимой предпосылкой или целью совершения основного преступления. Сюда следует отнести, в частности, создание преступного сообщества или преступной организации (ст. 210 УК РФ) по отношению к конкретным преступлениям, совершенным его участниками. Основное преступление (создание или руководство преступным сообществом) в большинстве случаев хронологически предшествует множественным предикатным преступлениям, которые совершаются его участниками. Однако связь здесь не логическая и не функциональная, а организационно-техническая: преступное сообщество создает условия для последующего ведения криминальной деятельности [Куфлева 2015: 91]. Этот тип предикации наиболее сложен в правоприменительной практике, поскольку требует установления не просто факта предшествования, но именно генетической производности одних деяний от других, что предполагает, в частности, анализ структуры преступной организации и распределения ролей.

Три выделенных вида предикатной связи не являются изолированными: в реальном правовом поле они могут пересекаться и накладываться друг на друга. Кроме того, вышеперечисленные виды предикации предъявляют разные требования к установлению обязательных признаков рассматриваемых составов преступлений. Логическая предикация требует достоверного установления факта совершения предикатного преступления, что, впрочем, не во всех случаях требует наличия вступившего в законную силу приговора суда. Функциональная предикация предполагает установление субъективной связи через цель или мотив, что, в свою очередь, требует проведения анализа субъективных признаков рассматриваемого состава преступления. Генетическая предикация предполагает, как правило, организационную структуру и распределение ролей. Таким образом, отдельные факультативные признаки состава преступления в данном случае приобретают особенно важное значение [Улитин 2025: 50-53].

Принятие спекулятивного мышления как особой формы правовой рациональности ставит вопрос о пределах использования предикатных конструкций в уголовном законе. Если каждая уголовно-правовая норма теоретически может быть связана с другой через отсылку, возникает риск чрезмерно расширенного толкования права, когда квалификация одного преступления требует установления другого, затем третьего и так далее до бесконечности. Предотвращение этого риска требует разработки строгих критериев определения предикатных связей в уголовном законе.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Предикатное преступление представляет собой разновидность фундаментальной логико-философской категории предикации, перенесенной в сферу уголовно-правовых отношений. Подобно тому как в структуре суждения предикат сообщает субъекту определенность, в уголовно-правовой норме предикатное преступление определяет отдельные характеристики основного преступления, необходимые для правильной квалификации последнего.
2. С точки зрения философских наук предикатная связь существует как отношение особого рода, которое не сводится к простой сумме признаков составляющих его элементов. Напротив, такая связь выполняет функцию онтологической скрепы, удерживающей разрозненные эпизоды преступлений в системном единстве, тем самым обеспечивая возможность их целостной правовой оценки.
3. Анализ Особенной части УК РФ позволяет дифференцировать три вида предикатной связи преступлений: логическую, функциональную и генетическую, которые различаются по характеру устанавливаемых отношений между различными преступлениями.
4. Историко-правовое значение появления предикатных конструкций в уголовном праве России состоит в том, что они маркируют переход уголовного права от натуралистического мышления (изолированного) к деятельностному (системному). Данное развитие означает переход от классической к неклассической рациональности, причем теоретическое осмысление последней нуждается в дальнейшей научной разработке.

Философско-правовой анализ предикатных связей в уголовном праве не является отвлеченным теоретизированием. Вышеизложенные доводы подтверждают, что он непосредственно востребован практикой квалификации преступлений,

законодательной техникой и судебным толкованием. Дальнейшее развитие этой рефлексии способно внести вклад в формирование целостного учения о системных связях в уголовном праве, что представляется особенно актуальным в условиях растущей сложности и организованности современной преступности.

Список источников

Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой; 22-е изд., стер. М., 1990.
Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2025_rus.pdf
Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: http://museumreforms.ru/node/13654.

Литература

Антонченко В. В. Прикладное значение философского дискурса права / Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 15 (4). – С. 7–15.
Ашин Д. А. Ретроспективный анализ конструкции предикатных преступлений в уголовном праве России / Актуальные проблемы российского права. – 2009. – №. 4. – С. 250–261.
Боков Д. К. Кадровая инфраструктура терроризма / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 2. – С. 36–42.
Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М., 1990.
Коренная А. А. Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности / Юрислингвистика. – 2023. – № 30 (41). – С. 32–37.
Коренная А. А. Теоретические основания определения непосредственного объекта легализации имущества, приобретенного преступным путем (статьи 174, 174[1] УК РФ) / Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (55). – С. 150–156.
Куликов Е. А., Анисимова И. А., Казанцев Д. А. [и др.]. Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: монография / под ред. Е. А. Куликова. Барнаул, 2020.
Куфлева В. Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений / Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 89–93.
Линьков Е. С. Лекции разных лет по философии / Е. С. Линьков; Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2018.
Лукин А. Н. Онтология ценностей / Социум и власть. – 2011. – № 3. – С. 104–108.
Муравьев А. Н. Философия и опыт / Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2004. – № 7. – С. 48–58.
Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М., 2021.
Полозова А. Е. Спекулятивный подход к истине в философии Г. В. Ф. Гегеля / Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6 (74). – С. 61–64.
Смирнов А. В. Пропозиция и предикация / Философский журнал. – 2016. – № 1. – С. 5–24.
Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.
Тыдыкова Н. В. О технике конструирования уголовного закона / Юрислингвистика. – 2023. – № 30 (41). – С. 43–49.
Улитин И. И. Факультативные признаки состава преступления: общетеоретические и исторические аспекты: монография / под ред. д.ю.н., профессора М. Л. Прохоровой. Краснодар, 2025.
Фреге Г. Логико-философские труды / пер. с англ., нем., франц. В. А. Суровцева. Новосибирск, 2008.
Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
Murray K. In the shadow of the dark twin – proving criminality in money laundering cases / Journal of Money Laundering Control. – 2016. – № 19 (4). – P. 447–458.

References

Antonchenko, V. V. (2023). Applied significance of the philosophical discourse of law. Legal Bulletin of Kuban State University, 15(4), 7-15 (in Russian).
Ashin, D. A. (2009). Retrospective analysis of the construction of predicate crimes in Russian criminal law. Actual Problems of Russian Law, 4, 250-261 (in Russian).
Bokov, D. K. (2024). Personnel infrastructure of terrorism. Criminal law: Development strategy in the 21st century, 2, 36-42 (in Russian).
Frege, G. (2008). Logical-philosophical works (V. A. Surovtsev, Trans. from English, German, and French). Novosibirsk (in Russian).
Hegel, G. W. F. (1990). Philosophy of right (D. A. Kerimov & V. S. Nersesyants, Eds. and trans.). Moscow (in Russian).
Korennaya, A. A. (2023). Signs and functions of a legal structure in the formation of a theoretical model of criminal law protection of economic activity. Jurislinguistics, 30(41), 32-37 (in Russian).
Korennaya, A. A. (2024). Theoretical grounds for determining the direct object of the legalization of property acquired by criminal means (Articles 174, 1741 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2(55), 150-156 (in Russian).

Kufleva, V. N. (2015). Issues of distinguishing the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it from related crimes. Society and Law, 1(51), 89-93 (in Russian).
Kulikov, E. A., Anisimova, I. A., Kazantsev, D. A., et al. (2020). Dialectics of the general, special and singular in law: theoretical and legal and philosophical aspects: monograph. E. A. Kulikov (Ed.). Barnaul (in Russian).
Linkov, E. S. (2018). Lectures of different years on philosophy (Vol. 1, 2nd ed., rev. and enl.). St. Petersburg (in Russian).
Lukin, A. N. (2011). Ontology of values. Socium and Power, 3, 104-108 (in Russian).
Muravyev, A. N. (2004). Philosophy and experience. Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University, 7, 48-58 (in Russian).
Murray, K. (2016). In the shadow of the dark twin – proving criminality in money laundering cases. Journal of Money Laundering Control, 19(4), 447-458.
Naumov, A. V. (2021). Criminal Code of the Russian Federation. General part: Historical-philological and doctrinal (scientific) commentary. Moscow (in Russian).
Polozova, A. E. (2020). Speculative approach to truth in the philosophy of G. W. F. Hegel. Society: Philosophy, History, Culture, 6(74), 61-64 (in Russian).
Shchedrovitsky, G. P. (1995). Selected works. Moscow (in Russian).
Smirnov, A. V. (2016). Proposition and predication. Philosophical Journal, 1, 5-24 (in Russian).
Trainin, A. N. (1951). Corpus delicti under Soviet criminal law. Moscow (in Russian).
Tydykova, N. V. (2023). On the technique of constructing criminal law. Jurislingvistics, 30(41), 43-49 (in Russian).
Ulitin, I. I. (2025). Optional elements of corpus delicti: General theoretical and historical aspects (M. L. Prokhorova, Ed.). Krasnodar (in Russian).

Citation:
Жуков Д. Е. Предикатное преступление: философско-правовой анализ понятия // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 6-10.
Zhukov D. E. (2026) Predicate Offence: Philosophical and Legal Analysis of the Concept. Legal Linguistics, 41, 6-10.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 11-16, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4102

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 341.9, ББК 67.93, ГРНТИ 10.01.07, Код ВАК 5.1.1*

Понятия и категории в международном частном праве

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: jblinova@yandex.ru

Предметом настоящей статьи выступает исследование понятий и категорий международного частного права Российской Федерации. Для этого автор коротко останавливается на дифференциации понятий и категорий в философии, а затем переходит к анализу категорий: иностранный элемент, личный закон (физического и юридического лица), правосубъектность. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам. Понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом, потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий. Так случилось с иностранным элементом, когда он из понятия международного частного права перерос в категорию, чему в немалой степени способствовало его легальное закрепление в современном национальном законодательстве. Категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о международном частном праве в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц). Что касается правосубъектности, то категория не чужда международному частному праву в силу ряда причин: родство с гражданским правом (специальные нормы); положительный опыт применения в других отраслевых науках; прозрачность, значительное собирательное, объединяющее и обобщающее начало в рамках как российского правопорядка, так и многих зарубежных; большой потенциал стратегического планирования дальнейшего развития законодательства, что чрезвычайно значимо для развивающейся отрасли российского права. Соответственно, имеет смысл серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве международного частного права.

Ключевые слова: понятие, категория, международное частное право, иностранный элемент, правосубъектность.

Concepts and Categories in Private International Law

Yu. V. Blinova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: jblinova@yandex.ru

The subject of this article is the study of the concepts and categories of private international law of the Russian Federation. To this end, the author briefly dwells on the differentiation of concepts and categories in philosophy, and then moves on to analysis of the categories: foreign element, personal law (of an individual and a legal entity), and legal capacity. As a result of the research, the author comes to the following conclusions. Concepts a priori have a richer content, while categories have a broader scope; therefore, concepts can be the initial stage of category formation. This was the case with the foreign element, when it grew from a concept of private international law into a contemporary category, which was largely facilitated by its legal consolidation in modern national legislation. The category of personal law (of an individual and a legal entity) appeared in the Russian legislation on private international law for the purposes of differentiating relations (for legal entities) and unifying (unifying) (for individuals). As for legal capacity, the category is not alien to private international law for a number of reasons: close affinity with civil law (special rules); positive track record of application in other disciplines; transparency, significant collective, unifying, and generalizing properties within both the Russian legal system and many foreign ones; and significant potential for strategic planning for the further development of legislation. Accordingly, it makes sense to seriously consider further development of the concept of legal personality in the realm of private international law.

Key words: concept, category, private international law, foreign element, legal personality.

По верному утверждению П. С. Баринова, «категориальный аппарат юридической науки и практики выступает квинтэссенцией накапливаемых знаний о праве, придает качественную определенность юридическому мышлению,

составляет опорные, узловые пункты в структуре фундаментального знания о праве и правовой действительности в целом, выражает наиболее общие закономерности их формирования, функционирования и развития» [Баринов 2019: 23]. Ввиду сказанного представляется своевременным исследовать базовые понятия и категории международного частного права (далее – МЧП), предпослав настоящему исследованию краткое обращение к дифференциации понятий и категорий в философии.

Под понятием скрывается «мысль, отражающая отличительные свойства предметов и отношения между ними» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 288), «мысль, которая выделяет из определенной предметной области и обобщает в класс объекты посредством указания на их общие и отличительные признаки» (Кузнецов 2005: 430), в т. ч. «известная ступень в развитии интеллектуальной деятельности человека» (Радлов 1898: 542).

Правовые понятия подразделяются учеными на два вида: законодательные (легальные) и научно-теоретические (доктринальные) [Комиссарова 2019: 205]. Первые становятся таковыми по воле законодателя, могут иметь развернутое определение или вводиться в текст закона только термином. Например, МЧП известны следующие понятия: правовая система (ст. 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), нормы непосредственного применения (п. 1 ст. 1192 ГК РФ), реторсии (ст. 1194 ГК РФ), исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (ст. 1211 ГК РФ) и др.

Слово «категория» проникло в русский язык из греческого, где первоначально обозначало «высказывание, признак» (Кузнецов 2005: 247), а также «обвинение» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126). На сегодняшний день в научном дискурсе под категорией понимаются «наиболее общие понятия и принципы, описывающие структурную организацию природы, общества и рассудочной деятельности» (Кузнецов 2005: 247), в т. ч. «форма логического мышления, в которой раскрываются внутренние, существенные стороны и отношения исследуемых предметов» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126).

Не стоит упускать из поля зрения и то, что «категория – предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи реальной действительности и познания… Категории воспроизводят свойства бытия и познания во всеобщем и наиболее концентрированном виде… Категории изменяются (содержание, состав, связи)» (Сарыбеков, Сыдыкназаров 2008: 126). Соответственно, можно сделать промежуточный вывод, что понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом (закон обратного отношения между содержанием и объемом понятия), потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий.

Поскольку между понятиями и категориями существует известная взаимосвязь, то последние аналогичным образом могут быть классифицированы на доктринальные и законодательные категории. Исследования показывают, что категории первого типа встречаются гораздо чаще, что обусловлено спецификой научного познания: развитие науки приводит к дублированию категорий, когда ученые в погоне за созданием собственной теории уходят в смысловые оттенки одного и того же понятия, что в свою очередь сопряжено с обесцениванием новых и старых категорий. Напротив, в праве и юридической практике таких случаев гораздо меньше [Баринов 2019: 14].

В качестве примера тщательного отбора легальных понятий и категорий целесообразно обратиться к материалам законодательного процесса: так, в одном случае профильный комитет Государственной Думы РФ поставил на вид авторам законопроекта введение в российскую правовую систему нового термина (фирменное обозначение), хотя в части четвертой ГК РФ (ст. 1473) давно используется термин «фирменное наименование» (Заключение 2025: URL); в другом случае Правовое управление предложило разработчикам законопроекта уточнить наименование нормативного правового акта (Семейный *Кодекс* Российской Федерации (курсив – Ю. Б.)) и согласовать понятие «транспортное средство» с уже имеющимся в российском законодательстве (Заключение 2024: URL), в итоге внесенные законопроекты (при наличии и других дефектов) были отклонены (отозваны).

Основополагающим для предмета МЧП как отрасли и как науки выступает иностранный элемент – термин предложен М. И. Бруном, но в содержательном плане он так и остался не раскрытым законодателем, вследствие чего по поводу его дефиниции и статуса по сегодняшний день не сложилось единого подхода. Как отмечается в учебнике по МЧП под редакцией Г. К. Дмитриевой, «иностранный элемент – это не только фактическое обстоятельство, но и юридическое *понятие*, формирующее состав правоотношения» (курсив – Ю. Б.) [Международное частное право 2004: 14]. Аналогичным образом (как понятие) рассматривают иностранный элемент В. Г. Захарова, Е. М. Коржова [Захарова 2019: 222; Коржова 2023: 183].

Другим подходом устанавливается категориальный статус иностранного элемента: по словам В. А. Канашевского, «с принятием Кодекса торгового мореплавания, а также части третьей Гражданского кодекса *категория* «иностранный элемент» превратилась из теоретической в правовую» (курсив – Ю. Б.) [Канашевский 2024: 18].

Категориальный подход к иностранному элементу в МЧП вызывает бóльшее доверие, тем более что рассматриваемая категория в той или иной мере выполняет весь перечень функций, выделяемых современной теорией права, как то: регулятивную; инструментально-техническую; интеграционную; концептуально-идеологическую; стратегического планирования дальнейшего развития законодательства; политическую; информационно-управленческую; восполнения и преодоления пробелов в законодательстве, а также его конкретизации; стабилизации и унификации системы нормативно-правовых актов [Баринов 2019: 14].

В частности, во времена М. И. Бруна или даже Л. А. Лунца описание предмета МЧП шло достаточно грузно, через приведение большого количества ситуаций, скорее, индуктивным методом; с приходом в законодательство категории «иностранный элемент» субъект-объект-юридический факт, понимаемые широко, в концентрированном виде позволяют обозреть предмет науки (инструментально-техническая функция). Концептуально-идеологическая

функция категории «иностранный элемент» прослеживается на историческом примере из римского права: так, И. А. Покровский констатирует, что в Италии после 212 года были уничтожены перегрины и латины (как класс), но иностранцы (перегрины) остались как юридическая категория (для обозначения лиц с ограниченной правосубъектностью) [Покровский 1998: 295].

Вместе с тем в современных исследованиях по МЧП, а также в классических учебниках часто можно обнаружить неопределенность или двойственность относительно статуса иностранного элемента: одни и те же авторы по ходу работы называют его то понятием, то категорией, исходя, очевидно, из синонимии понятия и категории, что лишь отчасти верно (меньшее входит в большее). Например, И. Б. Иловайский в своей статье определяет иностранный элемент и как категорию, и как понятие без объяснения причин и размежевания ситуаций [Иловайский 2019: 100, 101, 103].

Более дифференцированно подходит к определению статуса иностранного элемента в предмете МЧП авторский коллектив МГИМО, когда в учебнике утверждает: «Коллизионное законодательство приводится в действие ввиду наличия так называемого иностранного элемента в отношениях. Эта правовая категория, не слишком подробно изложенная как понятие в отечественной литературе, играет роль «пускового механизма» в коллизионном регулировании» *(курсив – Ю. Б.)* [Международное частное право 2011: 217].

Однако использование авторами термина «понятие», по всей видимости, в данном случае нельзя подвести под неопределенность или двойственность. Представляется, что здесь авторы демонстрируют, скорее, динамику статуса иностранного элемента: «Ранее иностранный элемент рассматривался вообще как нечто конкретное в составе отношений. Говорилось, что он может существовать в трех видах: имущество вне территории суда, иностранное лицо или юридический факт, происходящий за границей. Считалось, что во всех других случаях коллизионный вопрос вообще не возникает и суд обязан руководствоваться только своим правом. … В дальнейшем все чаще признавалось, что сводить иностранный элемент к названным крайностям или разновидностям иностранного присутствия неразумно, несправедливо и негибко» [Международное частное право 2011: 217]. И встречаются тезисы о необходимости широкого понимания иностранного элемента [Международное частное право 2011: 218].

Надо полагать, что широкое понимание иностранного элемента, точнее говоря, призывы к таковому, обусловлены развитием общественных отношений и, как следствие, науки, ибо «появление новой теории изменяет взгляд как на наблюдаемые, так на ненаблюдаемые свойства мира и вносит соответствующие изменения значения даже наиболее «фундаментальных» терминов используемого языка» [Фейерабенд 1986: 30]. С другой стороны, применительно к расширению понимания иностранного элемента вспоминается мнение Э. Радлова: «Началом процесса образования категории является самое отвлеченное, бедное по содержанию понятие бытия, из которого получаются сначала категория качества, потом количества и т. п.» (Радлов 1895: 723). Таким образом, можно констатировать, что иностранный элемент из понятия МЧП перерос сегодня в категорию, чему в немалой степени способствовало и его легальное закрепление (хотя и без дефиниции) в действующем национальном законодательстве.

Еще в 2016 году О. Н. Толочко критически оценила появление в современном российском и белорусском коллизионном законодательстве категории личного закона (физического и юридического лица) («пятое колесо в системе коллизионного регулирования»?), мотивируя свою позицию тем, что законодательное регулирование правового положения лица в МЧП «довольно запутанно и в ряде случаев противоречиво. Обилие правовых категорий, содержание которых с точностью не определено и которые используются для обозначения неких оттенков юридической действительности, часто свидетельствует о технических недостатках законодательного регулирования. В этом смысле институт лица в МЧП представляется довольно непрозрачным» [Толочко 2016: 105–106]. Обилие же, по мнению ученого, проявляется в хождении в науке ряда доктринальных конструкций: личный статус, личный статут, личный закон, территориальный закон (закон местопребывания), закон гражданства, закон места жительства (домицилия), национальность (государственная принадлежность), национальный режим, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность и др.

В отечественном МЧП равным образом не утихают споры о соотношении личного закона, национальности и государственной принадлежности юридического лица. Большинство авторов склонны дифференцировать эти категории, отмечая их разную отраслевую принадлежность и разные функции внутри соответствующей отрасли. В то же время ученые соглашаются с тем, что «критерии, которые изначально были разработаны для определения национальности юридического лица, впоследствии легли в основу коллизионных принципов для определения личного закона юридического лица» [Юсифова 2018: 26, 29]. Последнее, среди прочего, также приводит к отождествлению и смешению категорий.

Несомненно, критика личного закона в некотором смысле справедлива, поскольку коллизионное регулирование ряда иностранных государств обходится без этой категории: например, законы Черногории, Албании, Чехии не содержат термина «личный закон юридического лица», а используют «применимое право» [Юсифова 2018: 90]. По такому же пути идет международное законодательство с участием РФ, когда обслуживается понятием «личный статус», распространяемым на дееспособность физических и правоспособность юридических лиц (например, Минская конвенция 1993 г., Кишиневская конвенция 2002 г. и др.).

Напротив, А. Я. Аухатов считает введение личного закона юридического лица в российское МЧП чрезвычайно важным и прогрессивным, поскольку термин «более точен и соответствует требованиям современного оборота» [Аухатов 2009: 100].

Л. П. Ануфриева фокусирует внимание на том, что «определение правоспособности посредством привязки отношения к личному закону физического лица отражает основную тенденцию мировой доктрины и нормативной практики МЧП, учитывающей непосредственную связь между правоспособностью и личностью индивидуума», поскольку ранее личный закон применялся только к дееспособности физического лица [Международное частное право 2004: 196–197].

При этом может сложиться впечатление, подкрепляемое оглавлением классических учебников по МЧП, что в отношении личного закона физического лица как будто достигнут консенсус среди юристов: термин «личный закон» вынесен в названия параграфов только в отношении юридических лиц [Международное частное право 2004: 685; Международное частное право 2015: 5]. На самом деле, как ранее отметила О. Н. Толочко, здесь также есть определенное дублирование и параллелизм. Тем не менее, нельзя игнорировать обстоятельство, что категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о МЧП в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц).

В отличие от предыдущих категорий правосубъектность имеет сугубо доктринальную природу, по крайней мере, в российском правопорядке. Однако, как писал еще Я. Р. Веберс, «отсутствие какого-либо понятия в законодательстве еще не позволяет сделать категорический вывод о неправомерности его создания и использования в правовой науке. Отрицательное отношение к категории правосубъектности вообще или к использованию ее в отдельных отраслях права, как правило, основано на весьма спорном тезисе, что правосубъектность является лишь условно принятым обозначением какой-то другой категории» [Веберс 1976: 18].

Очень восторженно высказывается о значении названной категории (хотя и называет ее понятием) и некоторых других Е. Г. Комиссарова, когда пишет: «Историческая независимость цивилистики этого (советского – прим. Ю. Б.) периода от законодательного и судебного материала позволила сделать ей многие научно-теоретические открытия, выразив их итоги в таких фундаментальных научных понятиях, как гражданская правосубъектность, гражданское правоотношение, юридический факт, право собственности, обязательства, обеспечив тем самым необходимым инструментарием в первую очередь саму науку, в том числе и на будущее время. Сегодня с неизменным участием этих научных понятий познаются, связываются, объясняются, понимаются все другие научные и законодательные понятия. С помощью этих понятий связывается практически все гражданское право, его институты, конструкции и более частные понятия» [Комиссарова 2019: 206–207]. И надо заметить, что ключевой, методологической категорией науки гражданского права, характеризующей правовое положение субъекта гражданских правоотношений и определяющей социально-правовую возможность субъекта быть участником этих отношений, видят правосубъектность многие ученые-юристы [Барков 2008: 3; Габов 2018: 105].

При внимательном погружении в предмет настоящего исследования закрадывается сомнение по поводу правомерности, уместности, оправданности экстраполяции категории правосубъектности на науку МЧП. Говоря о науке гражданского права, следует констатировать, что на сегодняшний день категория уже более или менее устоялась и признана (хотя и с оговорками), но как насчет МЧП? Полагаем, что положительный ответ здесь весьма уместен по нескольким причинам.

Во-первых, если обратиться к воспоминаниям одного из создателей современного ГК РФ А. Л. Маковского, то, опираясь на советские традиции кодификации, разработчики решили отказаться от создания комплексного нормативного акта МЧП в пользу отраслевого регулирования, и, что еще более важно, «отношения, осложненные иностранным элементом, рассматриваются как особый предмет регулирования и в то же время нормы, регулирующие такие отношения, выносятся в качестве общих «за скобки» других специальных норм» [Маковский 2008: 59]. Сказанное в очередной раз подтверждает, с одной стороны, самостоятельность МЧП, а с другой стороны, тесную «генетическую» связь соответствующих отраслей и наук.

Во-вторых, у категории правосубъектности есть положительный опыт применения в других отраслевых науках (международное, семейное, трудовое, конституционное право и др.), т. е. традиции применения как категории в науке российского права, что визуализирует ее универсальный характер.

В-третьих, эффективность применения категории правосубъектности в научном дискурсе МЧП видится в нейтрализации критики, которую вызвало введение в юридический обиход категории личного закона, поскольку именно правосубъектность как правовая категория обладает прозрачностью, значительным собирательным, объединяющим и обобщающим началом как в рамках российского правопорядка, так и многих зарубежных (интеграционная функция категории). О потенциальной взаимозаменимости свидетельствует факт использования терминов «личный закон» и «правосубъектность» в общем контексте.

В-четвертых, следует отметить, что правосубъектность в МЧП обладает большим потенциалом стратегического планирования дальнейшего развития законодательства, что чрезвычайно значимо для развивающейся отрасли российского права. Соответственно, вышеназванные причины заставляют серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве МЧП.

Резюмируя сказанное, необходимо акцентировать следующее. Понятия априори обладают более богатым содержанием, в то время как категории – более широким объемом, потому понятия могут являться начальной стадией формирования категорий. Так случилось с иностранным элементом, когда он из понятия МЧП перерос в категорию, чему в немалой степени способствовало его легальное закрепление в современном национальном законодательстве. Категория личного закона (физического и юридического лица) появилась в российском законодательстве о МЧП в целях дифференциации отношений (для юридических лиц) и унификации (объединения) (для физических лиц). Что касается правосубъектности, то категория не чужда МЧП, соответственно, имеет смысл

серьезно задуматься о дальнейшем освоении категории правосубъектности на ниве МЧП.

Список источников

Заключение Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле от 12.11.2025 г. по проекту федерального закона № 879812-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/879812-8.
Заключение Правового управления от 18.04.2024 г. по проекту федерального закона № 557616-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/557616-8.
Радлов Э. Категория / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XIVA. – СПб., 1895. – С. 722–723.
Радлов Э. Понятие / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XXIVA. – СПб., 1898. – С. 542–543.
Сарыбеков М. Н., Сыдыкназаров М. К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: учеб. пособ. Алматы, 2008.
Словарь философских терминов / научная редакция проф. В. Г. Кузнецова. М., 2005.

Литература

Аухатов А. Я. Российское законодательство в области коллизионно-правового регулирования юридических лиц / Журнал российского права. – 2009. – № 7 (151). – С. 100–111.

Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий: дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
Барков А. В. Гражданская правосубъектность как научно-правовая категория: соотношение со смежными юридическими понятиями / Современное право. – 2008. – № 12. – С. 3–7.
Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976.
Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху / Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105–122.
Захарова В. Г. Понятие иностранного элемента в Российской Федерации и Республике Казахстан / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4-3. – С. 222–226.
Иловайский И. Б. О дефиниции «иностранный элемент» в международном частном праве и простоте понимания права / Legal Concept. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 99–106.
Канашевский В. А. Международное частное право: учебник. М., 2024.
Комиссарова Е. Г. Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике / Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. – С. 197–216.
Коржова Е. М. К вопросу об иностранном элементе в предмете правового регулирования международного частного права / Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2023. – Т. 1. – № 2. – С. 182–194.
Маковский А. Л. Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права / Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. – М., 2008. – С. 56–71.
Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М., 2015.
Международное частное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М., 2011.
Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. М., 2004.
Покровский И. А. История римского права / вступит. статья, переводы с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса. СПб., 1998.
Толочко О. Н. «Личный закон» в международном частном праве: основополагающая категория или пятое колесо в системе коллизионного регулирования? / Вестник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. – 2016. – Сер. 4. – Т. 6. Правоведение. – № 3. – С. 105–111.
Фейерабенд П. Объяснение, редукция и эмпиризм / Избранные труды по методологии науки / общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарский. – М., 1986. – С. 29–108.
Юсифова Р.Т. Личный закон и национальность юридического лица: понятие и соотношение в современном международном частном праве: дисс. … канд. наук. М., 2018.

References

Aukhatov, A. Ya. (2009). Russian legislation in the field of conflict of laws regulation of legal entities. Journal of Russian Law, 7 (151), 100-111 (in Russian).
Barinov, P. S. (2019). Devaluation of legal categories: a dis. … cand. … jurid. sciences. Saratov (in Russian).
Barkov, A. V. (2008). Civil legal personality as a scientific and legal category: relationship with related legal concepts. Modern Law, 12, 3-7 (in Russian).
Dmitrieva, G. K. (ed.). (2004). Private international law: a textbook. Moscow (in Russian).
Feyerabend, P. (1986). Explanation, reduction, and empiricism. In: Selected works on the methodology of science. Moscow, 29-108 (in Russian).

Gabov, A. V. (2018). Legal personality: a traditional category of law in the modern era. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2 (121), 105-122 (in Russian).
Ilovaisky, I. B. (2019). On the definition of “foreign element” in private international law and the simplicity of understanding the law. Legal concept, 18 (2), 99-106 (in Russian).
Kanashevsky, V. A. (2024). Private international law: a textbook. Moscow (in Russian).
Komissarova, E. G. (2019). Methodological aspects of the scientific-conceptual apparatus in civilistics. Methodological problems of civilistic research, 1, 197-216 (in Russian).
Korzhova, E. M. (2023). On the foreign element in the subject of legal regulation of private international law. Bulletin of V. N. Tatishchev Volzhsky University, 1 (2), 182-194 (in Russian).
Lebedev, S. N., Kabatova, E. V. (eds.). (2015). Private international law: a textbook. In 2 Vol. Vol. 2: Special part. Moscow (in Russian).
Lebedev, S. N., Kabatova, E. V. (eds.). (2011). Private international law: a textbook. In 2 Vol. Vol. 1: General part. Moscow (in Russian).
Makovsky, A. L. (2008). Codification of civil law and the development of domestic international private law. In: Medvedev, D. A. (ed.). Codification of Russian private law (pp. 56-71). Moscow (in Russian).
Pokrovsky, I. A. (1998). History of Roman law. St. Petersburg (in Russian).
Tolochko, O. N. (2016). “Personal law” in private international law: a fundamental category or a fifth wheel in the system of conflict of laws regulation? Bulletin of Y. Kupala State University of Grodno, 6 (3), 105-111 (in Russian).
Webers, J. R. (1976). Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Riga (in Russian).
Yusifova, R. T. (2018). Personal law and nationality of a legal entity: concept and relationship in the contemporary private international law: a dis. ... cand. ... jurid. sciences. Moscow (in Russian).
Zakharova, V. G. (2019). The concept of a foreign element in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. International journal of humanitarian and natural sciences, 4-3, 222-226 (in Russian).

Citation:
Блинова Ю. В. Понятия и категории в международном частном праве // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 11-16.
Blinova Yu. V. (2026) Concepts and Categories in Private International Law. Legal Linguistics, 41, 11-16.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 17-22, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4103

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 347, ББК 67, ГРНТИ 10.27.00, Код ВАК 5.1.1*

О соотношении понятий «тесная связь права с личностью» и «правовой статус лица» при определении возможности уступки прав

И. В. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов возможности уступки прав, принадлежащих потребителю, а также изменениям действующего законодательства, определяющего условия и порядок такой уступки. Вопрос уступки прав потребителя является частью более общей проблемы – возможности уступки прав, тесно связанных с личностью кредитора, и объема переуступаемых прав. Автором анализируется судебная практика, сложившаяся применительно к вопросам уступки потребителем права на взыскание штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей». Возможность уступки такого права ранее в судебной практике ставилась в зависимость от того, кому это право переуступается и присуждено ли это требование судом потребителю на момент уступки. Право на штраф может перейти по договору цессии после его присуждения цеденту-потребителю либо в том случае, когда в результате цессии цессионарий сам становится потребителем. После изменений, внесенных в декабре 2025 года в Закон РФ «О защите прав потребителей», данная позиция получила нормативное закрепление. Сделан вывод о необходимости отличать категорию «права, тесно связанные с личностью кредитора» от категории «права, имеющиеся у лица вследствие его особого правового статуса». В случае со штрафом, взыскиваемым в порядке п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», речь идет именно об особом правовом статусе потребителя, существенно влияющем на объем его возможностей по защите прав, в том числе и применения штрафных санкций. Анализируется противоречивая судебная практика в указанной сфере.

Ключевые слова: права потребителя, уступка прав, цессия, правовой статус, права, тесно связанные с личностью кредитора.

The Relationship between 'Close Connection of Law and the Person' and 'Legal Status of the Individual' in Assessing the Assignability of Rights

I. V. Kiryushina

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

The article examines the possibility of assigning consumer rights, as well as the recent amendments to the current legislation governing the conditions and procedure for such an assignment. The assignment of consumer rights is part of a broader problem, which is the assignability of rights that are closely linked to the identity of the creditor, as well as the scope of the rights being assigned. The author analyzes case law concerning the assignment by a consumer of the right to claim a penalty for the failure to voluntarily satisfy consumer demands, as stipulated in Paragraph 6, Article 13 of the Law of the Russian Federation “On Protection of Consumer Rights”. Previously, the assignability of such a right was dependent on whether the right had been assigned to a consumer and whether the consumer had been awarded a claim at the time of the transfer. The right to the penalty can be transferred via an assignment agreement either after it has been awarded to the consumer assignor or in the case where the assignee becomes a consumer as a result of the assignment. Following the amendments made to the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" in December 2025, this position has been codified in legislation. It was concluded that it is necessary to distinguish between the category of “rights strictly personal to the creditor” and the category of “rights held by an individual by virtue of their specific legal status”. In the context of a penalty

imposed under Article 13, Paragraph 6 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights," it is specifically about the consumer's special legal status, which significantly affects their ability to protect their rights, including the imposition of statutory penalties. Contradictory judicial practice in this area is analyzed.

Key words: consumer rights, assignment of rights, assignment, legal status, rights strictly personal to the creditor.

Изменения, внесенные в Закон РФ «О защите прав потребителей» в конце 2025 года (Федеральный закон 2025), заставили вернуться к дискуссии о соотношении понятий «тесная связь права с личностью» и «правовой статус лица» при определении возможности уступки права (цессия) и объема передаваемых при этом прав.

В декабре 2025 года в Закон РФ «О защите прав потребителей» внесены изменения, в том числе предусматривающие запрет уступки права требования штрафа и неустойки лицам, не являющимся потребителями, до вступления в законную силу судебного решения. Такая уступка признается ничтожной, если иное прямо не предусмотрено законом. Закрепление указанного запрета направлено на искоренение практики «скупки» профессиональными взыскателями требований, которые могут быть заявлены потребителями, когда защита их прав фактически превращается в бизнес и источник извлечения прибыли.

Ранее Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики 2020 года давал разъяснения, согласно которым право на штраф может перейти по договору цессии после его присуждения цеденту-потребителю либо в том случае, когда в результате цессии цессионарий сам становится потребителем оказываемой должником работы или услуги (Обзор судебной практики 2020). Еще ранее в п. 71 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», Верховный Суд РФ указывал: «права потерпевшего на возмещение вреда жизни и здоровью, на компенсацию морального вреда и на получение предусмотренного пунктом 3 статьи 161 Закона об ОСАГО и пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей штрафа, а также права потребителя, предусмотренные пунктом 2 статьи 17 Закона о защите прав потребителей, не могут быть переданы по договору уступки требования» (статья 383 ГК РФ).

Присужденные судом суммы компенсации морального вреда и предусмотренного пунктом 3 статьи 16^1 Закона об ОСАГО и пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей штрафа могут быть переданы по договору уступки права требования любому лицу» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2017). Позднее практически аналогичное разъяснение появилось в п. 69 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», с той лишь оговоркой, что теперь по такой категории споров речь идет не о взыскании штрафа по Закону РФ «О защите прав потребителей», а штрафа, установленного частью 6 статьи 24 Федерального закона от 04.06.2018 N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», а также исчезла фраза «любому лицу» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2022).

Теперь данная позиция получила легальное закрепление.

Вопросы уступки прав (требований) являются дискуссионными в научной литературе и судебной практике. Обсуждаются различные аспекты: возможность уступки требований по обязательству, которое возникнет в будущем (будущее требование), в том числе требование по обязательству из договора, который будет заключен в будущем (ст. 388.1 ГК РФ); ответственность за нарушение соглашения о недопустимости цессии и ряд других [Микрюков 2016: 34-38].

Применительно к уступке прав, принадлежащих потребителю, одновременно с дискуссией о целесообразности запрета такой уступки как таковой обсуждается и другой вопрос – чем он обусловлен и какое влияние оказывает особый правовой статус цедента либо цессионария на возможность цессии и объем переуступаемого при этом права [Диденко 2018: 59-63].

Согласно ст. 383 ГК РФ законодатель не допускает цессию прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, а согласно ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие, связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

В этой связи и возникает вопрос: возможна ли уступка потребителем прав, предоставляемых ему Законом РФ «О защите прав потребителей», и включает ли в себя объем уступаемого потребителем права передачу дополнительных способов защиты, имевшихся у цедента–потребителя, обусловленных его особым правовым статусом.

Следует согласиться с рассуждениями Е. А. Останиной, что просто тесная связь права с личностью не может служить объяснением предусмотренным в ст. 383 ГК запретам, потому что это – всего лишь привычная метафора.

Объяснение запрета на передачу прав, принадлежащих потребителю, которое содержится в п. 71 Постановления Пленума Верховного Суда (ВС) РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», таких как право на компенсацию морального вреда; право на получение штрафа в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потребителя (п. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»; далее – Закон о защите прав потребителей); право на получение штрафа в размере 50% от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном

порядке (п. 3 ст. 16.1 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств») видится в ограничении патернализма [Останина 2021: 85-86].

Предусматривая возможность взыскания подобных штрафов за несоблюдение досудебного порядка разрешения спора, вероятно, законодатель пытается мотивировать гражданина–потребителя к самостоятельной защите своих прав. Если же такую защиту осуществляет юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, применение таких дополнительных способов защиты предполагается избыточным[1].

Однако данная логика нарушается, когда мы говорим о возможности уступки таких прав после того, как требования потребителя будут судом удовлетворены, то есть «отсуженной задолженности». Может ли судебное решение превратить права из «тесно связанных с личностью» в «менее тесно связанные»?

На наш взгляд речь идет не о природе самого права, которое передается в рамках цессии, а об оценке личности сторон, в ней участвующих. В тех случаях, когда законодатель устанавливает какие-либо запреты или ограничения на участия субъектов в отдельных сделках, либо, напротив, дает дополнительные льготы и преимущества определенным субъектам (в нашем случае – потребителям), замена такой стороны в обязательстве приобретает существенное значение.

В этой связи личность как цедента, так и цессионария имеет значение с точки зрения запрета цессии в тех или иных случаях. Например, если лицо не имело право участвовать в торгах на заключение договора, последующая передача ему такого права в результате цессии должна рассматриваться как обход закона (п. 7 ст. 448 ГК РФ). При этом, как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, такой запрет не распространяется на случаи универсального правопреемства (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2020).

В случае с потребителем статус такого субъекта существенно влияет на объем способов защиты, которые могут быть им применены в споре с экономически более сильной стороной – предпринимателем. Потребитель имеет больше возможностей в защите своих прав, в том числе за счет наделения его правом взыскания штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя. Поэтому, когда возникает вопрос о передаче прав иному лицу, таким особым статусом не обладающим, и возникает сомнение в целесообразности наделения последнего тем же объемом правомочий, который имел потребитель.

Здесь следует вспомнить о природе штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей». Данный штраф представляет собой особый вид ответственности за нарушение прав потребителя, установленный за такое нарушение как отказ от добровольного удовлетворения требований потребителя. При этом ранее законодатель не ставил возможность применения данной меры ответственности в зависимость от каких-либо обстоятельств. Его взыскание воспринималось на практике как обязательное последствие удовлетворения иска потребителя, независимо от конкретных обстоятельств спора.

По смыслу закона такой штраф призван стимулировать контрагента потребителя, как профессионального участника рынка, к добровольному удовлетворению требований потребителя на досудебной стадии (Определение Конституционного суда 2024). Штраф представляет собой сверхкомпенсационную меру, поскольку применяется дополнительно к мерам, направленным на возмещение имущественных потерь (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ 2020). Указанная природа штрафа отражена и в другом изменении, внесенном в Закон РФ «О защите прав потребителей»: такой штраф не подлежит взысканию в случае, если невозможность удовлетворения требования потребителя в добровольном порядке возникла по вине самого потребителя.

Отмеченные нами выше замечания касаются как вопроса о допустимости передачи прав лицу, не обладающему тем же особым правовым статусом, что и цедент-потребитель в целом, так и того, в каком объеме такое право может быть передано.

Одновременно ранее высшая судебная инстанция, а теперь и законодатель при решении вопроса о возможности уступки потребителем своих прав иному лицу исходят из позиции, что они могут быть переданы только в том случае, когда такое право за потребителем признано судом, поскольку цедент не может уступить прав больше, чем имеет сам (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ 2019). На момент уступки потребитель еще не имеет таких прав. Они возникают у потребителя только с момента удовлетворения его требований судом, присуждения ему денежных сумм.

С подобной аргументацией согласиться нельзя, поскольку штраф представляет собой хоть и специфичную, но все же меру ответственности за нарушение прав потребителя, а в основе любой меры ответственности лежит правонарушение. Следовательно, право на штраф возникает не в момент его присуждения судом, а в момент совершения контрагентом потребителя правонарушения, выразившегося в несоблюдении добровольного порядка удовлетворения требований потребителя. Суд лишь определяет размер штрафа.

Однако с учетом последних изменений, касающихся необходимости оценки судом при определении самой возможности взыскания штрафа поведения потребителя, приведенная выше аргументация получает право на существование.

[1] Согласно преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей», потребителем в контексте данного Закона признается только гражданин (физическое лицо).

Теперь суд должен оценить, не повлияло ли поведение самого потребителя в ходе разрешения спора на возможность удовлетворения его требований. Штраф не подлежит взысканию в случае, если изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) в добровольном порядке не удовлетворил требования потребителя по вине потребителя, в том числе в случае уклонения потребителя от совершения действий, предусмотренных Законом, либо такого неисполнения им обязательств, в результате которого изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) оказался лишен возможности в добровольном порядке удовлетворить требования потребителя.

Судом должно быть установлено одно из следующих обстоятельств:

- отказ или просрочка исполнения требований произошли по вине самого потребителя, в том числе когда потребитель уклонялся от совершения действий, прямо предусмотренных законом, например не предоставлял товар для проверки качества или ремонта;

- контрагент потребителя лишился возможности добровольно удовлетворить требование вследствие поведения самого потребителя.

Таким образом, возможность взыскания штрафа ставится в зависимость от оценки добросовестности поведения обеих сторон спора.

Следует отметить, что данная позиция не является новой в судебной практике последнего времени. Ранее Верховный суд РФ давал разъяснения, направленные на необходимость оценки судами данных обстоятельств. Так, в обзоре практики 2018 г. Верховный суд РФ обращал внимание нижестоящих судов на необходимость при решении вопроса об ответственности продавца (изготовителя, импортера) оценивать такие юридически значимые обстоятельства, как установление факта того, предпринимались ли потребителем действия по возврату товара ненадлежащего качества в целях исполнения продавцом (изготовителем, импортером) обязанности по проведению экспертизы и добровольному удовлетворению требований потребителя (Обзор практики 2018, п. 3).

Если такие действия потребителем не предпринимались, и это лишило продавца (изготовителя, импортера) возможности добровольно исполнить требования потребителя, во взыскании штрафа должно быть отказано.

Теперь суд должен оценить не только размер присуждаемого штрафа, но и саму возможность его присуждения.

Все же остается вопрос: почему это не становится важным в случае уступки прав потребителем иному физическому лицу, не являющемся предпринимателем, которое в результате цессии становится потребителем оказываемой должником работы или услуги.

Аналогичные отмеченным выше вопросы о возможности взыскания штрафа в пользу правообладателя, не являющегося потребителем, возникали в судебной практике и применительно к взысканию неустойки за нарушение сроков удовлетворения отдельных требований потребителя, предусмотренной, в частности, статьей 23 Закона РФ «О защите прав потребителей». В указанной части сложилась крайне противоречивая практика. Одни суды отказывали в удовлетворении требований о взыскании неустойки, приводя аналогию с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (Решение Арбитражного суда г. Москвы 2020). Другие исходят из того, что право на взыскание неустойки не связано с личностью потребителя и может быть им уступлено иному лицу (Постановление Девятого ААС 2020). При этом суды используют аргументацию, согласно которой указанная неустойка начислена за период нарушения прав первоначального кредитора – потребителя, а потому статус нового кредитора, выкупившего право ее требования, значения не имеет (Постановление АС Московского округа 2018).

Если с аргументацией об ограничении возможности уступки права на взыскание штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», с учетом ранее высказанных замечаний, а также с учетом изменений, внесенных в Закон РФ «О защите прав потребителей», согласиться можно, то ограничение права на взыскание неустойки не выдерживает никакой критики.

Неустойка является традиционной мерой гражданско-правовой ответственности, вряд ли обусловленной особым статусом потребителя. Право на ее взыскание возникает из нарушения договорной обязанности и никак не связано с моментом ее присуждения судом. Следовательно, возможность передачи такого права от потребителя иному лицу возникает в момент возникновения самого этого права – в момент, когда началось нарушение сроков удовлетворения требований потребителя. Такой подход полностью соответствует ст. 384 ГК РФ о возможности перехода прав от цедента к цессионарию в том объеме, в каком они существуют на момент уступки.

В качестве дополнительной аргументации в пользу такого подхода следует указать, что интерес цессионария в «выкупе» у потребителя его прав обусловлен именно их объемом, включающим возможность взыскать штрафные санкции. Лишение потребителя возможности их уступки нарушает права именно потребителя, поскольку лишает его возможности передавать свои права кредитора в объеме «интересном» для цессионария.

Подводя итог проведенным рассуждениям необходимо констатировать, что законодатель закрепил подход о необходимости учета особого правового статуса лица при оценке возможности уступки им своих прав иному лицу, таким статусом не обладающим, применительно к категории «потребитель». При этом категорию «права, имеющиеся у лица вследствие его особого правового статуса» не следует смешивать с категорией «права, тесно связанные с личностью кредитора».

Особый правовой статус потребителя влияет на объем способов защиты, которые предоставлены ему Законом РФ «О защите прав потребителей». Одним из таких специфичных способов сегодня является штраф за несоблюдение

в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона. Когда возникает вопрос о передаче прав иному лицу, таким особым статусом не обладающим, законодатель обусловливает возможность его уступки рядом условий. В тех случаях, когда переуступаемые права напрямую не связаны с особым правовым статусом лица, допускается их передача в полном объеме, право на которую возникает с момента возникновения самого права и не может быть обусловлено предварительным удовлетворением требований потребителя судом.

Список источников

Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.10.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309239/.

Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного суда РФ от 14.10.2020). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/29317/.

Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 N 1691-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Драчевой Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации ««О защите прав потребителей». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062024-n-1691-o/.

Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.02.2025 № 74-КГ24-6-К9. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18022025-n-74-kg24-6-k9-uid-14rs0030-01-2023-000042-85/.

Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 5-КГ19-52. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052019-n-5-kg19-52/.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2020 № 310-ЭС20-6357 по делу № А83-3612/2019. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporom-verkhovnogo-suda-rf-ot-10112020-po-delu-n-310-es20-6357-a83-36122019/.

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.12.2018 №Ф05-21217/2018 по делу № А40-46672/2018. URL: https://client.consultant.ru/doc/?requestId=1027594013.

Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда от 03.07.2020 № 09АП- 26389/2020 по делу № А40-4/2020. URL: https://client.consultant.ru/doc/?requestId=1027593972

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». URL: https://www.vsrf.ru/files/26295/

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431215/

Решение Арбитражного суда города Москвы от 7 июля 2020 г. по делу № А40-90487/2019. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hZD8LIoEhCQ4/

Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 28.12.2025 № 500-ФЗ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202512280010.

Литература

Диденко А. А. О возможности передачи некоторых прав потребителя субъекту предпринимательской деятельности на основании договора уступки прав (цессии) / Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 3. С. 59–63.

Микрюков В. А. Аналогия в механизме уступки права из предварительного договора / Законодательство и экономика. – 2016. – № 5. – С. 34–38.

Останина Е. А. Влияние правового статуса цедента или цессионария на объем уступаемого права и возможность цессии / Закон. – 2021. – № 3. – С. 85–86.

References

Didenko, A. A. (2018). On the possibility of transferring certain consumer rights to a business entity on the basis of a contract of assignment of rights (cession). Legal Bulletin of Samara University, 3, 59-63 (in Russian).

Mikryukov, V. A. (2026). Analogy in the Mechanism of Assignment of Rights from a Preliminary Agreement. Legislation and Economics, 5, 34-38 (in Russian).

Ostanina, E. A. (2021). The Influence of the Legal Status of the Cedeant or Cessor on the Scope of the уступаемого Right and the Possibility of Cession. Law, 3, 85-86 (in Russian).

Citation:
Кирюшина И. В. О соотношении понятий «тесная связь права с личностью» и «правовой статус лица» при определении возможности уступки прав // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 17-22.
Kiryushina I. V. (2026) The Relationship between 'Close Connection of Law and the Person' and 'Legal Status of the Individual' in Assessing the Assignability of Rights. Legal Linguistics, 41, 17-22.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 23-28, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4104

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 347.6, ББК 67.404, ГРНТИ 10.47.01, Код ВАК 5.1.1*

«Импортозамещение» в современном русском языке: лингвистический и правовой аспекты

Л. И. Новикова[1], Н. Ю. Соловьева[2]

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

Новочерёмушкинская ул., д. 69, 117418, Москва, Россия. E-mail: [1]linovikova1959@gmail.com, [2]nayusol@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы на стыке языка и права, связанные с введением ряда законов, направленных на защиту русского языка как государственного от агрессивного использования иностранных слов. В процессе работы над статьей использовались методы наблюдения, анализа положений закона, научных и литературных источников, метод синтеза, описательный метод и метод оппозиций, метод выборки из словарей и иные методы. Были определены важные этапы языковой политики государства, направленные на защиту русского языка от избыточных заимствований; выявлены лингвистические проблемы, с которыми может столкнуться общество в процессе применения законов.

По результатам исследования сформулирован вывод о том, что решение проблемы употребления иностранных слов сложное и многоаспектное, и решать проблему «импортозамещения» слов нужно в сотрудничестве, соединении усилий людей, принадлежащих к разным профессиям, а также политиков, общественных деятелей и др.

Ключевые слова: русский язык как государственный, заимствованная лексика, иноязычная лексика, иностранные слова, необоснованное использование, общеупотребительные аналоги, нормативные словари, духовно-нравственные ценности.

"Import substitution" in Modern Russian: Linguistic and Legal aspects

L. I. Novikova[1], N. Yu. Solovjeva[2]

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Novocheryomushkinskaya St., 69, 117418, Moscow, Russia. E-mail: [1]linovikova1959@gmail.com, [2]nayusol@rambler.ru

The article examines the problems at the intersection of language and law, associated with the introduction of a number of laws aimed at protecting the Russian language as the state language from the aggressive use of foreign words.

The study employed methods of observation, analysis of legal provisions, scientific and literary sources, synthesis, description, opposition, dictionary sampling, and other methods.

Key stages of the state language policy aimed at protecting the Russian language from excessive borrowing have been identified, and linguistic problems that society may encounter in the process of applying the laws have been revealed.

The study concludes that the solution to the problem of using foreign words is complex and multifaceted, and that the problem of "import substitution" of words requires collaboration and the combined efforts of professionals from various fields, as well as politicians, public figures, and others.

Key words: Russian as the state language, borrowed vocabulary, foreign vocabulary, foreign words, unwarranted usage, common equivalents, normative dictionaries, spiritual and moral values.

Введение

А. А. Реформатский рассуждал: «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные» [Реформатский 1996: 74]. Приход в язык новых слов, заимствование – это процесс естественный и неизбежный, непосредственно связанный

с историей страны, ее политикой на том или ином этапе развития, а также с общемировыми социальными и техническими сдвигами.

Иноязычная лексика всегда привлекала внимание ученых, но сегодня соотношение заимствованной и уже давно освоенной лексики стало как нельзя более актуальным. Процессы глобализации, активные международные связи, смещение политических приоритетов, миграция населения и многие другие причины способствуют увеличению лексических заимствований, изменению грамматических конструкций и орфографических законов. Мы можем говорить, что сегодня собственно лингвистическая проблема явно переросла рамки лингвистических наук, вышла на уровень государства, где возникла необходимость определять языковую политику, выстраивая тактику и стратегию взаимодействия русского языка, иноязычной лексики, графических написаний.

Анализ процессов, происходящих сегодня в сфере языка, представляется нам как нельзя более актуальным. Опубликованный в прошлом году Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)[1] ужесточает требования к использованию русского языка в публичной информации, рекламе и на вывесках с 1 марта 2026 года. Иностранные слова разрешены только при наличии идентичного по содержанию и оформлению текста на русском языке. Таким образом, споры об использовании иноязычных слов выходят за рамки чисто языковой, психологической или социальной проблем и становятся частью языковой политики государства. В данной статье мы будем говорить только о той части проблемы, которая касается непосредственно ограничения в употреблении иноязычных слов.

Литературный обзор

Изучением заимствованных слов в русском языке занимались еще М. В. Ломоносов, Я. К. Грот, И. А. Бодуэн де Куртенэ. Например, М. В. Ломоносов в своей статье «О переводах» [Ломоносов 1952] говорил о бережном отношении к русскому слову и о защите языка от неправомерных заимствований. Он отстаивал идею переводимости, то есть способности русского языка передавать особенности оригинала с необходимой полнотой, не используя «чужие» слова без надобности. В свою очередь, Я. К. Грот исследовал «чужеземные слова» в своей орфографической концепции, выдвигая различные подходы к передаче на письме иноязычных заимствований. Он был солидарен с теми учеными, которые считали заимствование процессом естественным и неизбежным. По его мнению, «безусловная вражда к заимствованным словам не имеет разумного основания» [Грот 2025: 75], а иноязычные слова составляют «законное приобретение» всех языков, и необходимо найти правильный вариант их «включения» в современную языковую систему. Об этом же размышлял И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963], который признавал смешанный характер всех языков и призывал исследовать индивидуальные особенности речи, из которых впоследствии вырастают общеязыковые различия. Ученый считал, что нет чистого, не смешанного языкового целого.

В XX веке внимание к иноязычной лексике стало более пристальным. Заимствования исследовали Л. В. Щерба [Щерба 1958], А. А. Потебня [Потебня 2025], Н. М. Шанский [Шанский 1985].

А. А. Реформатский исследовал адаптацию иноязычных слов [Реформатский 1996], разделяя их по степени освоенности на основе фонетической, грамматической и лексической ассимиляции. Он выделял слова, полностью освоенные (привычные), слова, понятные, но не освоенные (иностранные), а также интернационализмы, сохраняющие исходный вид. В. В. Виноградов изучал влияние иностранных слов на русский язык в разные эпохи [Виноградов 1982]; А. В. Суперанская – заимствованные имена собственные [Суперанская 2018]; Л. П. Крысин – этимологию и функционирование иноязычной лексики [Крысин 1968]. Таким образом, видим, что ученые решали терминологические проблемы, размышляли о том, как «чужое» в языке превращается в «свое», какую роль выполняют иноязычные «инкрустации» [Реформатский 1996], чем заимствования являются для русского языка: благом или бедой.

Феномен русского языка, богатого, вбирающего в себя многие другие языки, хранящего прошлое и учитывающего современные тенденции, также рассматривали с разных позиций. Кратко представим эти позиции.

Русский язык с позиций философии. Русский язык формирует национальное самосознание, является величайшей духовной ценностью, одной из важнейших «скреп» народа, а обнищание языка приводит к обнищанию души народа. Язык формирует наше представление о мире, «в языке одухотворяется весь народ и вся Родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее поля, горы и долины, ее реки и грозы» [Ушинский 1974: 8].

Русский язык с исторических позиций. Многие ученые, писатели, поэты рассматривали язык и слово как своеобразный «накопитель» культурной памяти. Действительно, быт народа, происходящие события, значимые и частные, понимание народом законов, воспитания, общественного управления и прочего – все это сохраняется в памяти народа, выражается в слове, фразеологизме, пословице – языке. «Язык есть исповедь народа, его душа и быт родной»[2], – писал П. А. Вяземский. «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе; чего не было в жизни, того не было и в слове. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другое, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о русской жизни», – размышлял лингвист И. И. Срезневский [Срезневский 1959: 103].

[1] Федеральный закон от 24.06.2025 N 168-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/ (дата обращения: 05.03.2026)

[2] Вяземский П. А. Англичанке. URL: https://www.culture.ru/poems/42158/ anglichanke (дата обращения: 05.03.2026)

[3] Бальмонт К. Д. Русский язык. URL: https://www.culture.ru/poems/31549/russkii-yazyk (дата обращения: 05.03.2026)

[4] Сергеев-Ценский С. Н. Наш язык. URL: https://www.stihi.ekimovka.ru/index.php/shkolnye-predmety/38-russkij-yazyk/1231-sergej-sergeev-tsenskij. (дата обращения: 05.03.2026)

Русский язык с позиций филологии. Русским языком восхищались («Язык, великолепный наш язык, / Речное и степное в нем раздолье, / В нем клёкоты орла и волчий рык, / Напев, и звон, и ладан богомолья» [3]), предостерегали от ненужных замен («К нам пришел он по наследью, / Для нас дороже он всего, / Мы заменять чужою медью / Не смеем золото его»[4]). Оценивали русский язык (равно как и иные языки) как «духовный код культуры» [Красных 2002: 256], подходили к слову как к концепту, как к основе русской ментальности [Колесов, Пименова, 2024].

Русский язык с педагогических и методических позиций. «Обучение отечественному языку есть не что иное, как развитие положенного в дитяти семени дара слова. Возрастает оно подобно зрению и слуху подобно душе в зрении и слухе, подобно любви к душе» [Буслаев 1941: 62], – писал основоположник методики русского языка Ф. И. Буслаев. Методисты XXI века (А. Д. Дейкина, Л. А. Ходякова, Л. И. Новикова, Н. Л. Мишатина и др.) говорили о соизучении языка и культуры, рассматривали факты русского языка как средство постижения национальной культуры. Таким образом, язык и культура народа едины, они производные одного древа. Поскольку язык теснейшими узами связан с ментальностью народа, его духовностью, миропониманием, исторической памятью, то обращаться с языком следует крайне осторожно и бережно.

Русский язык в правовом поле. В ряде законов Российской Федерации[5] говорится о том, что русский язык – это государственный язык, что является не столько лингвистическим, сколько юридическим понятием. Это правовая категория, закрепленная в статье 68 Конституции РФ[6].

Обсуждение проблемы

Несколько иронично об «импортозамещении» в русском языке заговорили после принятия поправок к Закону Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-I «О защите прав потребителей» (в редакции Федерального закона от 9 января 1996 года N 2-ФЗ[7]), вышедших в 2025 году. Поправки были сформулированы в статье 1 Федерального закона от 24.06.2025 N 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в которой говорится: «Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, может быть выполнена также на государственных языках республик и (или) иных языках народов Российской Федерации»[8]. Обратим внимание, что речь идет о «защите прав потребителей», но упомянутый N 168-ФЗ сразу получил название «Закон о защите русского языка».

На защиту русского языка от агрессивных заимствований, наряду с другими целями, направлен и Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ, ограничивающий употребление в официальных сферах иностранных слов при наличии аналогов в русском. В законе говорится: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях»[9]. Общественное мнение, официальные СМИ и независимые блогеры единодушны в том, что новый закон защищает именно русский язык.

Важным этапом в защите русского языка от иностранного влияния стал Указ Президента РФ № 474 от 11 июля 2025 года «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» [10]. Это документ стратегического планирования, затрагивающий многие вопросы, связанные с защитой русского языка, и одной из угроз русскому языку названо «необоснованное использование в сферах официального общения иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке, и иностранных слов, не вошедших в нормативные словари»[11].

Юристы и лингвисты продолжают анализировать данные законы. Так, юристы размышляют над тем, является ли интернет общедоступным местом. Одна из позиций выражена в абз. 3 п. 13 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ

[5] См., например: Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 05.03.2026); Закон РФ "О языках народов Российской Федерации" от 25.10.1991 N 1807-1 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 05.03.2026).

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.03.2026).

[7] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) "О защите прав потребителей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 05.03.2026)

[8] Федеральный закон от 24.06.2025 N 168-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 05.03.2026)

[9] Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/ (дата обращения: 05.03.2026).

[10] Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. № 474 Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143/page/1 (дата обращения: 11.03.2026).

[11] Там же.

23.09.2015): «Сеть "Интернет" не является местом, открытым для свободного посещения, по смыслу ст. 1276 ГК РФ"»[12]. Другая позиция выражена в уточнении Роспотребнадзора, который, опираясь на закон «О государственном языке Российской Федерации», указал, что интернет является именно таким общедоступным местом[13]. Вопрос открыт: проблема заключается в разнице формулировок (место, открытое для свободного посещения – общедоступное место) или разница более глубокая и принципиальная? Нас как лингвистов волнует и еще один вопрос: правомерно ли интернет называть «местом»?

Лингвисты совместно с юристами ищут ответы на злободневные вопросы. В их числе можно назвать следующие:

1. Слово QR-код получило в нормативных словарях последнего поколения кириллическое обличье (огорчает, правда, не свойственная русскому языку орфографическая вариативность, в соответствии с которой слово можно писать двумя вариантами: куар-код и кьюар-код[14]). Однако в Национальном стандарте Российской Федерации, посвященной куар/кьюар-коду[15], указывается спецификация символики штрихового кода и дается написание на латинице: QR Code. Как быть в данной ситуации? Будет пересматриваться стандарт или в отдельных случаях будем писать по стандарту, в других – на кириллице двумя способами? Та же ситуация складывается с термином Wi-Fi. В словарях дается кириллическое написание «вайфай»[16], а в технических стандартах – вариант Wi-Fi[17].

2. Все ли названия нужно обязательно переводить на русский язык или в каких-то случаях возможно использование транслитерации? Если возможна транслитерация, то в каких конкретно ситуациях она может быть использована? Возможно ли составить перечень таких ситуаций?

3. В соответствии с разъяснениями Роспотребнадзора артикулы и иные технические характеристики (например, названия моделей той или иной продукции) переводить с латиницы не нужно[18]. Как такая ситуация способствует защите русского языка?

4. Если название товарного знака состоит из латинских букв, а слова такого нет (например, SAP, IBM), как быть с ним? Как правило, товарные знаки регистрируются, следовательно, под действие закона не подпадают. А если они не зарегистрированы?

5. Если слово русское, но включает в себя буквы латиницы, более того, ранее оно уже было зафиксировано в таком варианте в словарях (CD-ROMный, CD-плеер, HR-менеджер, IT-индустрия, PR-агентство, SMS-ка, VIP-гость и др.), как поступать с этим словом теперь? Исследователи указывают [Бхатнагар Мину, 2022: 70], что 74 таких «гибридных» слова были помещеныв 2008 году в Толковый словарь русского языка начала XXI века под редакцией Г. Н. Скляревской [Толковый словарь 2008]. Как быть, если такой «гибрид» окажется в названии компании, на вывеске и пр.?

6. Почему активно внедряемый мессенджер MAX, позиционируемый как национальный, отечественный, пишется с использованием латинских букв? Ведь были предложения подобрать название, отражающее реалии национальной культуры, однако к этим предложениям не прислушались. Не нарушает ли данное название наши законы? Объяснение руководителя пресс-службы MAX Инны Макаровой о том, что MAX – это сокращение от «максимум возможностей»[19] не выдерживает критики. Во-первых, если сокращать на кириллице, то скорее всего будет Макс – это иное написание. Во-вторых, почему сокращения пишутся как аббревиатуры – заглавными буквами?

Помимо этих вопросов, есть еще один важный и, на первый взгляд, чисто лингвистический: где проходит грань между иностранным словом и заимствованием, которое уже стало русским? «Лайфхак», «блогер», «онлайн», «смартфон» – это еще иноязычные или уже освоенные языком? Из этого вопроса вытекает и правовой: допустимо употреблять это слово в публичном пространстве или нет?

Есть способ проверки слов на допустимость использования – можно обращаться к нормативным словарям[20], которые публикуются в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р «Об утверждении

[12] "Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186586/a4b07d5cda6c4733370f46b43682fe9dc492b607/ (дата обращения: 11.03.2026).

[13] "Руководство по соблюдению обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области защиты прав потребителей" (утв. Роспотребнадзором 02.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527967/415c978dacf3bfef4c218f5dda61096c 14a917ce/ (дата обращения: 11.03.2026).

[14] Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук). URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[15] Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Технологии автоматической идентификации и сбора данных. Спецификация символики штрихового кода QR Code. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200121043 (дата обращения: 11.03.2026).

[16] Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук). URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/orfograficheskij_slovar.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[17] "Что такое Wi-Fi 7 стандарт IEEE 802.11be?" URL: https://i-teh.com/article/wi-fi-7/?srsltid=AfmBOoo6cnSkhVCNHT08LsUiYEslLwUCgb-7D10JucgOtmGCtIDSc3GA (дата обращения: 11.03.2026).

[18] "В связи с вступившими в силу с 1 марта 2026 года изменениями в законодательстве Роспотребнадзором разъяснены некоторые вопросы соблюдения требования об использовании русского языка как государственного языка РФ в информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг)". URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/93031.html (дата обращения: 11.03.2026).

[19] "Стало известно, как надо правильно называть национальный мессенджер MAX". URL: https://baikal24.ru/text/03-09-2025/002/ (дата обращения: 11.03.2026).

[20] Нормативные словари, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (дата обращения: 05.03.2026).

списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»[21]. Это 4 электронных словаря: орфографический, орфоэпический, словарь иностранных слов и толковый. Обращение к словарям становится, таким образом, профессиональной обязанностью, причем обращение именно к словарям нормативным, строго ограниченным перечнем. Только они могут ответить на вопрос, возможно ли использование данного слова или нет, а если возможно, то каково его значение, написание и произношение.

Однако и здесь есть проблема. Зачастую иноязычные слова, которые нам кажутся привычными, в нормативные словари еще не вошли. Например, ни в одном словаре нет часто употребляемого сегодня слова *айтишник* или популярного у молодежи слова *бедроттинг*; нет также слов *воркшоп, коуч (коучер), лайфхак*, *сторителлинг, стритфуд, фидбэк, фронтэнд, чекап (чек ап).*

Имеются в словарях и определенные разночтения, например, только в трех из четырех нормативных словарей (толковом, орфографическом и словаре иностранных слов) представлены такие иноязычные слова, как *аудит, аутсорсинг, консалтинг, франчайзинг, онлайн* (а вот *офлайн* в двух словарях есть, а в толковом словаре отсутствует). Слово *вайфай* есть в орфографическом, орфоэпическом и словаре иностранных слов, но не представлено в толковом словаре. Распространенное слово *имейл* размещено только в толковом словаре (причем в двух вариантах: *имейл, и-мейл*), *буллинг* – только в словаре иностранных слов. *Гаджет* и *девайс* есть в орфографическом и толковом словарях, но их нет в орфоэпическом и словаре иностранных слов. Слово *кешбэк* не включено в толковый словарь и словарь иностранных слов, а *пазл* – в орфоэпический и толковый словари, так же, как и слово *ретейл (ритейл)*, у которого имеются варианты в написании: в орфографическом словаре – *ретейл*, в словаре иностранных слов – *ритейл*. Только в орфографическом словаре мы можем найти слова *нейминг, ребрендинг, тайминг, тайм-код, фастфуд, фриланс* (в толковом словаре нет *фриланса*, но есть *фрилансер*).

Конечно, надо учитывать, что словари существуют в электронном виде и регулярно обновляются, поэтому некоторые частотные слова, которые не были включены в словари ранее, могут быть добавлены в ближайшее время. Также можно рассчитывать и на упорядочение в написании слов.

Что же касается использования профессионального сленга и аргументов «так принято в индустрии», «мы всегда так говорили и писали», «это наша терминология, она непереводима», то активное использование слова в быту или на рабочем месте не является юридическим основанием для отсутствия у слова перевода или пояснения.

Подводя итог, хотим отметить, что мы не ставили перед собой задачу показать все проблемы и ответить на все вопросы, связанные с рассматриваемыми законами. Вряд ли это возможно на данном этапе. Очевидно, что применение закона выявит и иные сложности и подводные камни, на которые в свое время будет получен ответ.

Заключение

Вопрос о заимствовании иностранной лексики является сложным и многоаспектным. Очевидно, что названные нами законы актуальны и их применение давно назрело. Очевидно и то, что русский язык – непреходящая ценность, поскольку является основой идентичности русского народа, инструментом и кладезем культуры, средством межнационального общения.

Остается только сожалеть о том, что в Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[22], в котором намечены нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России) язык в число традиционных ценностей не попал. И это, на наш взгляд, стратегический просчет. Полагаем, что рассмотренные законы в какой-то мере призваны этот просчет исправить. Однако, как мы показали, законы и указы не решают проблему радикально. В них самих остаются белые пятна, да и жизнь привнесет определенные трудности, связанные с применением законов. Решать проблему «импортозамещения» слов необходимо всеми способами: принятием законов, усилиями лингвистов, педагогов, общественных деятелей, занимающих патриотическую позицию – всех, кому не безразлична судьба великого и могучего русского языка.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков (фрагмент) / Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 362-372.

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.

[21] Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 N 1102-р «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504755/ (дата обращения: 05.03.2026).

[22] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 05.03.2026).

Бхатнагар Мину. К вопросу вторжения латиницей в современный русский язык / Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание». – 2022. – Вып. 2 (10). – С. 67–74.
Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М., 1982.
Грот Я. К. Русское правописание. М., 2025.
Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: Учеб. пособие. 7-ое изд., стер. М., 2024.
Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
Ломоносов М. В. О переводах / Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950-1983. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. М.; Л., 1952. С. 765-769.
Потебня А. А. Мысль и язык. Избранные работы. М., 2025.
Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М., 1996.
Срезневский И. И. Мысли об истории русского слова (Читано на акте императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1849 года). М., 1959.
Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. Изд. 2. М., 2018.
Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / Г.Н. Скляревская [и др.]. М., 2008.
Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. / Под ред. А.И. Пискунова. М., 1974. Т.1.
Шанский Н. М. В мире слов. М., 1985.
Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград, 1958. Т. 1.

References

Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). On the mixed character of all languages (fragment).In: Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics: In 2 volumes. Vol. 1. Pp. 362-372 Moscow (in Russian).
Bhatnagar Minu (2022). On the question of the invasion of Latin into the modern Russian language. Tula Scientific Bulletin. Series "History. Linguistics" 2 (10), 67–74 (in Russian).
Buslaev, F. I. (1941). On the Teaching of the National Language. Leningrad (in Russian).
Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century: current vocabulary (2008). / G. N. Sklyarevskaya [et al.]. Moscow (in Russian).
Grot, Ya. K. (2025). Russian spelling. Moscow (in Russian).
Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2024). Linguistic Foundations of the Russian Mentality: Textbook. 7th ed., reprinted. Moscow.
Krasnykh, V. V. (2002). Ethnopsycholinguistics and Linguistics: Course of Lectures. Moscow (in Russian).
Krysin, L. P. (1968). Foreign words in the modern Russian language. Moscow (in Russian).
Lomonosov, M. V. (1952). About translations. In: Lomonosov M. V. Complete collection of works. Moscow, Leningrad, 1950-1983. Iss. 7: Works on Philology 1739-1758. Moscow, Leningrad, 765-769 (in Russian).
Potebnya, A. A. (2025). Thought and Language. Selected Works. Moscow (in Russian).
Reformatsky, A. A. (1996). Introduction to Linguistics / Ed. by V. A. Vinogradov. Moscow (in Russian).
Shansky, N. M. (1985). In the World of Words. Moscow (in Russian).
Shcherba, L. V. (1958). Selected works on linguistics and phonetics. Leningrad, Iss. 1 (in Russian).
Sreznevsky, I. I. (1959). Thoughts on the history of the Russian word (Read at the ceremony of the Imperial St. Petersburg University on February 8, 1849). Moscow (in Russian).
Superanskaya, A. V. (2018). Theoretical Foundations of Practical Transcription. 2nd ed. Moscow (in Russian).
Ushinsky, K. D. (1974). Selected pedagogical works. In 2 volumes. Vol. 1 / Ed. A.I. Piskunov. Moscow (in Russian).
Vinogradov, V. V. (1982). Essays on the history of the Russian literary language of the 17th-19th centuries: Textbook. 3rd ed. Moscow (in Russian).

Citation:
Новикова Л. И., Соловьева Н. Ю. «Импортозамещение» в современном русском языке: лингвистический и правовой аспекты // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 23-28.
Novikova L. I., Solovjeva N. Yu. (2026) "Import substitution" in Modern Russian: Linguistic and Legal aspects. Legal Linguistics, 41, 23-28.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 29-32, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4105

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 343.131, ББК 67.7, ГРНТИ 10.79.01, Код ВАК 5.1.4*

К вопросу о толковании содержания принципов уголовного судопроизводства в контексте итогов Нюрнбергского процесса

А. А. Сергеева[1], К. В. Питулько[2]

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

10-я линия В.О., до 19, лит. А., 199178, г. Санкт-Петербург, Россия, E-mail: [1]anzh-sergeeva@yandex.ru, [2]lokhi@yandex.ru

В статье обосновывается преемственность принципов отправления правосудия, заложенных в документах, регламентирующих процессуальную деятельность Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, и современных гуманистических основ уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено формированию по итогам Нюрнбергского процесса стандартов искоренения нацистской идеологии и основанного на ней жестокого истребления гражданского населения. Обосновано, что конвергенция принципов осуществления правосудия, заимствованных из нескольких правовых систем, оказалась востребованной в ходе дальнейшей эволюции национального законодательства. Выделены стандарты криминализации международных преступлений. Проанализировано содержание гарантий состязательности и равноправия сторон с учетом обеспечения интерпретационной преемственности в понимании их содержания с учетом итогов Нюрнбергского процесса.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, Международный военный трибунал, преступления против человечности, принципы уголовного судопроизводства, противодействие идеологии нацизма.

On the Interpretation of the Substance of Criminal Procedure Principles in the Context of the Outcomes of the Nuremberg Trial

A. A. Sergeeva[1], K. V. Pitulko[2]

Saint Petersburg Institute (Branch) of the «All-Russian State University of Justice»

19, block A, Desyataya Liniya Vasilievskogo Ostrova, 199178, St Petersburg, Russia. E-mail: [1]anzh-sergeeva@yandex.ru, [2]lokhi@yandex.ru

The article substantiates the continuity of the principles administration of justice enshrined in the documents regulating the procedural activities of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis and the modern humanistic foundations of criminal proceedings. Particular attention is paid to the development, following the results of the Nuremberg Trials, of standards for the eradication of Nazi ideology and the cruel extermination of the civilian population rooted in it. It is substantiated that the convergence of the principles of administration of justice, drawn from several legal systems proved to be highly relevant during the subsequent evolution of national legislation. Standards for the criminalization of international crimes are highlighted. The substance of the guarantees of the adversarial principle and equality of arms is analyzed, ensuring interpretative continuity in understanding their content in light of the outcomes of the Nuremberg Trials.

Key words: Nuremberg Trials, International Military Tribunal, crimes against humanity, principles of criminal proceedings, countering Nazi ideology.

Нюрнбергский процесс, ставший настоящим судом народов над фашизмом, вошел в историю не только как эпохальное разбирательство, итоги которого не подлежат пересмотру, навсегда сохраняя символическое общегуманитарное значение. Можно констатировать, что один из них – это формирование как материально-правовой, так и процессуальной базы, обеспечивающей отправление наднационального (международного) правосудия, что выступает залогом эволюции законодательства. В условиях конвергенции правовых систем появление общего правового фундамента и унифицированное толкование образующих его норм обеспечивают поступательное развитие представлений о соотношении юрисдикционных полномочий судов различных уровней.

Значимые юридические понятия, востребованные и в современный период, были заложены еще при подготовке Нюрнбергского трибунала. В целях правовой оценки идеологии фашизма и зверств, допущенных ее приверженцами во время Второй мировой войны, появилась необходимость разработки понятийно-категориального аппарата, ранее не использовавшегося самостоятельно [Питулько 2025: 82-89]. В частности, он был нужен для правовой характеристики таких явлений, как геноцид, преступления против человечности, ведение агрессивной войны. С 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. новые юридические дефиниции прошли практическую апробацию – в ходе Нюрнбергского процесса. Опубликованный в тот же период многотомный сборник материалов, зафиксировавших всю совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, можно признать настоящей апологетикой, мотивирующей к созданию механизмов противодействия распространению идеологии нацизма, актуального вплоть до сегодняшнего дня. На скамье подсудимых оказались двадцать два бывших нацистских лидера (в отношении еще одного экс-руководителя нацистской Германии было вынесено решение об освобождении от ответственности, причиной чего стало развитие деменции, а еще одному обвинение было предъявлено заочно [Ширер 1998: 722]). Формула обвинения характеризовалась серьезной сложностью, обусловленной как длительностью существования нацистского режима, так и протяженностью территории, на которой совершались преступления против гражданского населения и велись военные действия. После окончания Второй мировой войны эта территория оставалась под юрисдикцией различных государств, которыми были выработаны национальные правовые нормы, на основании которых имело место уголовное преследование лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. В призме судебного познания оказался широкий спектр преступлений нацизма: физическое уничтожение противников режима, внесудебные расправы и казни, ведение агрессивной войны, жестокое обращение с военнопленными и гражданскими лицами. Поскольку все это категорически одобрялось и вдохновлялось нацистской пропагандой, любое из названных действий считалось тождественным проявлению идеологии нацизма. После окончания Нюрнбергского процесса состоялась юридизация понятий геноцида (в Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него), преступлений экстремистской направленности или, придерживаясь терминологии, принятой в европейских государствах, – «преступлений ненависти» (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.) [Коряковцев 2020: 108], а также сформировался принцип отказа от установления сроков давности (Конвенция ООН о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.). Таким образом, был заложен прочный юридический фундамент, обеспечивающий уголовное преследование нацистских преступников независимо от времени их задержания. В то же время институализация противодействия преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации привела к значительному расширению понятия ненависти и вражды в отечественном законодательстве и нивелированию различных проявлений идеологии нацизма в структуре системы деяний, имеющих экстремистскую направленность, что нельзя признать позитивной тенденцией [Сергеева 2023: 62].

Кроме того, получили самостоятельную правовую регламентацию процессуальная деятельность и алгоритмы осуществления правосудия, в дальнейшем апробированные в работе многих международных судебных учреждений, функционирующих ad hoc (Токийский трибунал, трибунал по установлению обстоятельств геноцида в Руанде, международный трибунал по бывшей Югославии). Изначально судопроизводственные нормы, использовавшиеся при подготовке Нюрнбергского процесса и непосредственно во время слушаний, были включены в Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси, а также обособлены в его Регламенте – отдельном процессуальном документе. Впоследствии «Нюрнбергские принципы» воспроизводились в резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Признав их фундаментальное значение как материальных и процессуальных элементов системы международного уголовного правосудия, универсальная правозащитная система создала ключ к толкованию принципов его осуществления. В этой связи необходимо отметить три презумпции: установление преступности и наказуемости деяния согласно нормам международного права, неотвратимость наказания, ответственность всех лиц, причастных к совершению преступлений. В резолюции прямо указывалось, что международно-правовые преступления включают в себя деяния, поименованные в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, и включающие преступления против человечности, преступления против мира и военные преступления. Неотвратимость наказания условно «компенсировалась» провозглашением права на справедливое судебное разбирательство на основе фактов и права. Беспристрастность Нюрнбергского трибунала сомнению никогда не подвергалась, что существенно отличает его от ординарного «суда победителей» и придает статусное значение его результатам.

Будучи первой в истории «широкоформатной» судебной инстанцией, объединившей юрисдикции многих государств, Нюрнбергский трибунал учреждался на договорной основе, вобрав в себя наиболее эффективные процессуальные алгоритмы, заимствованные из англосаксонской, континентальной (романо-германской) и социалистической моделей уголовного процесса. Постановленный приговор приобрел прецедентное значение

[Батырь 2020: 197]; толкование норм материального права, данное судом, не было избыточно расширительным. Процесс носил состязательный характер, хотя, казалось бы, специфика предмета разбирательства предполагала обвинительную направленность. Для подготовки обвинительного тезиса при трибунале функционировал Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, активно взаимодействовавший с составом трибунала. В то же время каждый из подсудимых пользовался услугами адвоката, а их многочисленные ходатайства послужили материалом для пристального рассмотрения.

Кроме состязательности и равноправия сторон, на Нюрнбергском процессе были реализованы и иные судопроизводственные принципы, признаваемые современным российским законодательством: равенство всех перед законом и судом, обеспечение права на защиту, законность, гласность судебного разбирательства. С учетом специфики его предмета и личности нацистских преступников, среди которых были руководители фашистского режима, едва ли можно упомянуть в качестве принципа презумпцию невиновности, однако следует учитывать, что сам факт отказа от внесудебной репрессии и проведение открытого разбирательства с вынесением обвинительного приговора – лучшее свидетельство того, что она была реализована хотя бы в той части, которая ограничивает произвольное применение наказания. Ученые обоснованно отмечают корреляцию между названными принципами и общепризнанными фундаментальными правовыми положениями (гуманизм, отказ от избыточной репрессии, уважение прав человека) [Сафонов 2020: 3-9].

В силу ст. 20 Устава Международного военного трибунала ему предоставлялось право определять относимость доказательств. Для этого обеспечивалось взаимодействие со сторонами, которые предварительно раскрывали информацию о содержании документов и сведений. Такое стало возможным вследствие делегирования собирания доказательств Комитету по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. Допустимость доказательств гарантировалась принципом наименьших формальностей, гарантирующим отсутствие промежуточных этапов проверки и оценки. Официальные документы, протоколы, приговоры военных трибуналов или иных судов имели преюдициальное значение. Из этого можно заключить, что собирание доказательств охватывало проверку их относимости, а допустимость представленных доказательств констатировалась в результате этой проверки. Появление своеобразной презумпции допустимости доказательств никоим образом не нарушало судебной процедуры, поскольку при вынесении решения трибунал имел возможность исследовать доказательственную базу в полном объеме.

В ст. 24 Устава Международного военного трибунала выделялись одиннадцать этапов судебного разбирательства, включающих оглашение обвинительного акта, вступительную речь обвинителя, рассмотрение ходатайств о представлении доказательств, допросы свидетелей обвинения, свидетелей защиты и подсудимых, в частности, перекрестный допрос, судебные прения, последнее слово подсудимых, постановление приговора и его провозглашение. Критериями законности и обоснованности приговора позиционировались мотивированность, а также неизменность и окончательность. В современный период такие характеристики имманентно присущи актам Конституционного Суда РФ, что выступает иллюстрацией преемственности представлений об исключительном статусе некоторых органов отправления правосудия.

Основополагающие начала уголовного судопроизводства, получившие отражение в Уставе Международного военного трибунала, сохранили актуальность до сегодняшнего дня. В практике наднациональных судов они используются в тождественном значении, из чего можно сделать вывод о преемственности стандартов осуществления правосудия. Приоритетным среди них является разграничение процессуальных функций, иная интерпретация которого, помимо общепринятой, невозможна. Наличие функции обвинения и функции защиты обусловливает разрешение дела только в пределах заданной формулы обвинения. «Предпроцессуальное взаимодействие» стороны обвинения с составом трибунала создает только номинальное преимущество, обусловленное отсутствием процедуры расследования: ни один международный суд или трибунал не располагает возможностями эксплуатации следственного аппарата. В частности, это связано с потребностью оперативного проведения публичного и гласного разбирательства, позволяющего в разумный срок установить обстоятельства совершения наиболее опасных преступлений, жертвами которых стали представители гражданского населения. При этом действует ординарный порядок исследования доказательств, хотя предварительная оценка их базовых свойств происходит за рамками судебных слушаний.

При этом Устав Международного военного трибунала не использует приемы толкования процессуальной терминологии, ограничивающие пределы соответствующей деятельности участников судебного разбирательства. Содержание принципа состязательности в нем заложено в эквивалентном историческому периоду правопонимании. Порядок исследования доказательств идентичен тем правилам, которые действуют в уголовном судопроизводстве (в частности, в действующем УПК РФ). Критерии законности и обоснованности приговора остаются востребованными в нормотворческой деятельности, а их толкование – неизменным, невзирая на динамическое развитие правовых систем. Их интерпретация в ином направлении могла бы привести к обесцениванию авторитета правосудия.

Литература

Батырь В. А. Нюрнбергский приговор: уроки истории для будущего / Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12. – С. 197–216.

Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Преступления на почве ненависти, феномен hate speech, практика Европейского суда по правам человека и российский подход к определению экстремистской деятельности / Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 106–122.
Питулько К. В. Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны / Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 2. – С. 80–89.
Сафонов М. А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права / Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 4. – С. 3–9.
Сергеева А. А., Горбатова М. А., Гурев М. С., Кириллова Я. М., Лотоцкий А. С., Пяткова О. В., Фейзуллаев Ф. М. Криминализация проявлений идеологии нацизма: российский, зарубежный и международный опыт / Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 4. – С. 58–69
Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск, 1998.

References

Batyr, V. A. (2020). The Nuremberg verdict: history lessons for the future. Bulletin of the University. O.E. Kutafina (MSAL), 12, 197-216 (in Russian).
Koryakovtsev, V. V., Pitulko, K. V., Sergeeva, A. A. (2020). Hate crimes, the hate speech phenomenon, practice of the European court of human rights and the Russian approach to determining extremist activity. Law Enforcement, 1, 106-122 (in Russian).
Pitulko, K. V. (2025). The Khabarovsk trial and the Tokyo Tribunal: establishing the circumstances of war crimes in the Far East during World War II. Bulletin of the Russian Legal Academy, 2, 80-89 (in Russian).
Safonov, M. A. (2020). Legal basis of the Nuremberg trial: rules and sources of law. Prologue: a magazine about law, 4, 3-9 (in Russian).
Sergeeva, A. A., Gorbatova, M. A., Gurev, M. S. et al (2023). Criminalization of manifestations of Nazi ideology: Russian, foreign and international experience. International Law and International Organizations. International Law and International Organizations, 4, 58-69 (in Russian).
Shirer, W. (1998). The Rise and Fall of the Third Reich. Smolensk (in Russian).

Citation:
Сергеева А. А., Питулько К. В. К вопросу о толковании содержания принципов уголовного судопроизводства в контексте итогов Нюрнбергского процесса // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 29-32.
Sergeeva A. A., Pitulko K. V. (2026) On the Interpretation of the Substance of Criminal Procedure Principles in the Context of the Outcomes of the Nuremberg Trial. Legal Linguistics, 41, 29-32.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 33-37, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4106

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА *УДК 347.6, ББК 67.404, ГРНТИ 10.47.01, Код ВАК 5.1.1*

О межотраслевом характере некоторых понятий в семейном праве

Е. П. Титаренко[1], Т. А. Филиппова[2]

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [1]eptitarenko@bk.ru, [2]philippova@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные в теории права вопросы характеристики правовых понятий «договор» и «соглашение» как межотраслевых. Авторами выявлены и описаны легальные подходы к использованию указанных правовых понятий в Семейном кодексе Российской Федерации. Акцентируется внимание на том, что рассматриваемые понятия получили рождение и развитие в гражданском праве и широко используются смежными отраслями права (трудовым, семейным, международным) и не только (административным, уголовным). Реализация описанных в статье подходов обеспечивает взаимодействие отраслей права, что, в свою очередь, актуализирует вопросы межотраслевой адаптации таких юридических средств, как понятия «договор» и «соглашение». В работе приведены примеры успешно используемых в законодательстве приемов, составляющих содержание механизма межотраслевой адаптации юридических средств. В частности, включение в текст закона конкретной статьи, содержащей определение понятия или целого их ряда, используемых для целей регулирования соответствующих общественных отношений. Представляется, что назрела потребность как в применении апробированных на практике приемов межотраслевой адаптации юридических средств к рассматриваемым в статье понятиям, так и в дальнейшей разработке данного механизма.

Ключевые слова: понятие, договор, соглашение, межотраслевой характер, межотраслевая адаптация.

On the Interdisciplinary Nature of Certain Concepts in Family Law

E. P. Titarenko[1], T. A. Filippova[2]

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: [1]eptitarenko@bk.ru, [2]philippova@mail.ru

The article discusses the characteristics of the legal concepts of "contract" and "agreement" as intersectoral concepts in the theory of law. The authors have identified and described legal approaches to the use of these legal concepts in the Family Code of the Russian Federation. It is emphasized that the concepts under consideration originated and evolved in civil law and are widely used by related branches of law (labor, family, international) and beyond (administrative, criminal).

The implementation of the approaches described in the article ensures interaction between branches of law, which, in turn, highlights the relevance of the inter-branch adaptation of such legal instruments as the concepts of "contract" and "agreement". The article provides examples of legal techniques successfully used in legislation that constitute the content of legal means intersectoral adaptation mechanism. In particular, this involves the inclusion in the text of the law of a specific article containing a definition of the concept or a series of concepts used to regulate the relevant social relations. It is evident that there is a need to apply practically tested techniques of intersectoral adaptationin of legal instruments to the concepts discussed in the article. Also it is necessary to further develop this mechanism.

Key words: concept, contract, agreement, cross-sectoral nature, cross-sectoral adaptation.

Семейное право как самостоятельная отрасль появилась в России относительно недавно, в начале XX века. 22 октября 1918 года был принят первый семейный кодекс «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском праве», впервые продемонстрировавший возможности автономного правового регулирования семейных отношений в России. Не удивительно, что он был далек от совершенства и в юридической литературе назван «недоношенным» [Тарусина 2017: 8]. Самостоятельное правовое регулирование семейных отношений актуализировало вопросы используемого в законе понятийного ряда.

Отделившись от советского гражданского права, семейное право перенесло в свое содержание целый ряд понятий, в том числе «договор», «соглашение» (например, ст. 91, 102, 106 и т. д. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском праве). Следует заметить, что эти старейшие понятия своим появлением обязаны римскому частному праву. Именно здесь они получили свое «рождение», а впоследствии явились предметом пристального изучения в науке гражданского права, где на протяжении тысяч лет осмысливаются и анализируются, формируя наиболее цельную теорию соглашения и договора. Не удивительно, что цивилистические отрасли права, отпочковавшиеся от гражданского, активно используют сформировавшийся на протяжении веков понятийный аппарат.

Данный факт вызывает вопрос о возможности характеристики данных понятий как межотраслевых, посредством которых выстраиваются межотраслевые связи. Вопросу межотраслевых понятий в настоящее время уделяется особое внимание. В юридической литературе справедливо отмечается, что «взаимодействие отраслей прежде всего осуществляется через понятие. ...Любое из простых понятий (работающих на одну отрасль), в принципе, может быть заимствовано другой отраслью. С момента внедрения (разумеется в установленном законом порядке) это понятие и становится межотраслевым)» [Мананкова 2025: 223]. Значение межотраслевых понятий для правовой системы безусловно велико. По справедливому замечанию Р. П. Манаковой: «Как элемент юридической методологии это понятие, несомненно, скрепляет нормативную массу и уменьшает ее объем; обеспечивает обновление и обогащение системы законодательства качественными разработками ученых отраслевиков, единообразие теоретиков по ключевым вопросам; обусловливает стабильность практики» [Мананкова 2025: 223].

Понятия «договор» и «соглашение» в юридической науке традиционно считаются межотраслевыми на том лишь основании, что они используются в различных кодифицированных актах, регулирующих соответствующую область общественных отношений (ГК РФ, СК РФ, ТК РФ и т. д.). Думается, что одно только использование рассматриваемых понятий в различных законодательных актах не может являться основанием для обозначения их как межотраслевых.

В целом ряде случаев законодатель, применяя принцип правовой экономии в процессе регулирования разных по отраслевой принадлежности отношений с использованием одних и тех же понятий, учитывает особые характеристики отношений соответствующей отрасли: субъектный состав, содержание, соотношение публичных и частных интересов и т. д. И, как это не удивительно, в большинстве случаев сформировавшийся в гражданском праве понятийный ряд (договор, соглашение, согласие, взаимное согласие) оказывается достаточным для достижения конкретных целей правового регулирования в совершенно разных отраслях права (гражданском, трудовом, семейном и т. д.). Это происходит потому, что понятие, известное гражданскому праву, и перенесенное в другую отрасль, может подвергаться определенной трансформации вследствие воздействия метода, принципов и целей заимствующей отрасли. Понятия «договор» и «соглашение» являются ярким примером сказанного.

Сформировавшееся в гражданском праве понятие договора употребляется в нем в различных значениях. Под договором понимается и юридический факт (сделка), и документ как форма первого, и договорное обязательство, правоприменительный акт [Брагинский, Витрянский 2000: 13; Пугинский 2002: 38]. В ГК РФ договор рассматривается как основание, порождающее обязательства, то есть как двусторонняя или многосторонняя сделка (юридический факт). Данное значение договора следует из его легального определения, в соответствии с которым «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» (п. 1 ст. 420 ГК РФ).

Следует отметить, что в данном определении используется понятие «соглашение», которое означает признак договора, на что обращали внимание ученые-цивилисты разных времен. Они обоснованно утверждали, что основание договора – в соглашении сторон (согласии по всем условиям). Порядок заключения договора состоит в полной воле договаривающихся сторон, лишь бы они «утверждались на непринужденном произволе и взаимном согласии и не содержали в себе ничего, закону противного. Таким образом, основанием и скреплением договора закон считает взаимное соглашение сторон» [Победоносцев 2003: 46; Красавчиков 2001: 173].

Соглашение, бесспорно, является обязательным признаком любого договора, независимо от отраслевой принадлежности. На этот признак договора также обращали внимание и представители международного права [Мартенс 1996: 267; Оппенгейм 1948: 48; Тункин 2000: 75]. Определяя международный договор как «международное соглашение, заключенное государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования», основной акцент делается на том, что «международный договор по своей сути – это прежде всего соглашение, заключенное государствами, то есть сторонами, свободно выразившими и согласовавшими между собой свою волю и, собственно, свои взаимные притязания и интересы» [Тункин 2000: 75].

В гражданском праве «соглашение» также может выступать и синонимом договора. Так, соглашением сторон можно заменить первоначальное обязательство другим между теми же лицами, предусматривающим иной предмет или способ исполнения, причем первоначальное обязательство считается прекратившимся (п. 1 ст. 414 ГК РФ). Естественно, такому соглашению присущи все правовые характеристики договора. Понятие «соглашение» употребляется и при характеристике отдельных видов договоров, и закон наделяет его возможностью существенно изменять содержание правовой связи между субъектами (ст. 452 ГК РФ).

Таким образом, для гражданского законодательства характерно понимание соглашения как юридического факта, которому присуще единство волеизъявлений, и порождающему правоотношение, независимо от того, называется ли в тексте нормативного акта это соглашение договором или ограничивается упоминанием основного признака

договора.

Соотношение данных понятий в других отраслях права может быть иным. Так, в ст. 15 ТК РФ «соглашение» употребляется как признак трудовых отношений – единство воль о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя …, что, на первый взгляд, «роднит» его с «соглашением» в гражданском праве.

Однако наряду с этим отраслевой особенностью «соглашения» в трудовом праве можно считать то, что оно не является синонимом трудового договора и определяется как «правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения и устанавливающий общие принципы регулирования связанных с ними экономических отношений, заключаемый между полномочными представителями работников и работодателей на федеральном, межрегиональном, региональном, отраслевом (межотраслевом) и территориальном уровнях социального партнерства в пределах их компетенции» (ст. 45 ТК РФ). Эти два акта различаются по содержанию и субъектам.

Что касается СК РФ, то понятие «соглашение» встречается в нем гораздо чаще, чем понятие «договор», подчеркивая, вероятно, лично-доверительный характер семейных отношений. Впервые оно упомянуто в ст. 5 СК РФ как конструкция, с помощью которой субъекты семейных прав самостоятельно могут регулировать процесс осуществления своих семейных прав и/или исполнения семейных обязанностей.

Кроме того, следует апеллировать и к п. 1 ст. 7 СК РФ, в соответствии с которым закон наделяет субъектов семейных отношений правом по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им семейными правами, в том числе правом использовать договорные средства для решения внутрисемейных вопросов. При этом очевидно, что в ст. 5 СК РФ предполагается соглашение об осуществлении именно семейных прав и/или исполнении семейных обязанностей, поскольку оно в контексте данной статьи не может регулировать отношения иной отраслевой природы [Титаренко 2024: 37].

Сказанное позволяет сделать вывод, что семейное соглашение заключается субъектами, являющимися носителями семейных связей, то есть в пределах семейного правоотношения, которое возникло на основе не соглашения, а других установленных в законе фактов (регистрация брака, рождение ребенка).

Таким образом, понятие «соглашение» в семейном праве не тождественно соответствующему понятию гражданского права. В частности, соглашение не является и не может являться основанием возникновения семейных правоотношений, что, в свою очередь, обусловливает целый ряд иных отраслевых особенностей данной конструкции. Например, содержанием соглашения являются права и обязанности субъектов семейного правоотношения, в пределах которого заключается семейное соглашение. Другими словами, субъекты семейного правоотношения не обладают той свободой при выборе условий соглашения, какая присуща субъектам гражданского права при заключении договора.

Соглашение в семейном праве можно считать одним из средств индивидуального регулирования семейных отношений, применяемых по усмотрению и в результате согласованного поведения субъектов семейных связей, и заключается оно с целью определения способа и порядка осуществления семейного права и/или исполнения семейной обязанности. Данное определение понятия соглашения существенно отличается от легальной дефиниции договора, закрепленной в п. 1 ст. 420 ГК РФ. И, как следствие этого, требует в ряде случаев специального правового регулирования, отличного от норм договорного права, закрепленного в ГК.

В контексте данных рассуждений невозможно оставить без внимания тот факт, что в ряде статей СК РФ оперирует понятием «договор». Чаще всего данное понятие употребляется в сочетании со словом «брачный», либо в наименовании отдельных актов: договор об осуществлении опеки и попечительства, договор о приемной семье, договор о патронатной семье (п. 6 ст. 145 СК РФ).

Применительно к брачному договору можно утверждать, что его особый субъектный состав обосновывает семейно-правовую принадлежность данного акта, что выражается в особом сочетании частного и публичного интереса при его законодательной регламентации. Так, в п. 3 ст. 42 СК РФ содержатся условия, которые не могут быть содержанием данного договора, а в ст. 44 СК РФ – специальное основание для признания брачного договора недействительным. Сказанное позволяет увидеть особые семейно-правовые характеристики данного договорного акта и исключить отождествление его с гражданско-правовой сделкой.

В отношении наименования конструкций в нормах СК РФ, содержащих в названии слово «договор» (договор об осуществлении опеки и попечительства, договор о приемной семье, договор о патронатной семье), можно сказать следующее. В литературе выделяют так называемые организационные отношения, относящиеся к предмету правового регулирования семейного права [Гонгало, Крашенинников, Михеева 2019: 8] и направленные на упорядочение (нормализацию) общественных отношений, действий их участников [Красавчиков 2005: 45]. К ним ученые относят, в частности, отношения по выявлению и учету детей, оставшихся без попечения родителей [Гонгало, Крашенинников, Михеева 2019: 8]. Данные взаимосвязи требуют большего контроля со стороны государства, чем иные семейные отношения, и использование понятия «договор» представляется более уместным по сравнению с понятием «соглашение», которое демонстрирует акцент на лично-доверительный характер между субъектами.

Таким образом, можно сделать вывод, что при регулировании семейных отношений, учитывая их отличие от гражданских, рассматриваемые понятия имеют отраслевое содержание, обусловленное влиянием особенностей семейных отношений (приоритет лично-доверительного характера над имущественным, длительность, неотчуждаемость прав и обязанностей от их носителя), принципов, метода правового регулирования семейного права.

Однако можно констатировать и иной факт. При анализе норм различных отраслей права, даже тех, которые не могут быть названы родственными, видно, что законодатель также использует анализируемые понятия в их буквальном значении, определенном в материнской отрасли права. Например, в статьях СК РФ понятие «договор» используется в значении двусторонний акт иной отраслевой принадлежности: международный договор (ст. 6, 126.1, 165 СК РФ), гражданско-правовой договор (п. 2 ст. 46, ст. 112 СК РФ) и какого-либо влияния метода семейного права не испытывает. В п. 1 ст. 157 УК РФ употребляется понятие «соглашение об уплате алиментов». Совершенно очевидно, что никакой отраслевой трансформации данное понятие не претерпевает. Законодатель использует его в исконном семейно-правовом значении. Такая же ситуация имеет место и в п. 1 ст. 256 ГК РФ, где понятие «брачный договор» используется как семейно-правовое.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее. В законодательных актах разных отраслей права могут быть использованы одни и те же понятия, в частности «договор» и «соглашение». Один из подходов к применению таких понятий отражен в предыдущем абзаце настоящей работы и представляет собой прямое использование понятия, легально закрепленного в одной отрасли права, в другой в его буквальном значении. Также возможны технические отсылки к конкретным договорным конструкциям или бланкетное применение норм гражданского законодательства, если иное не установлено законом. Так называемое техническое использование одних и тех же понятий в разных законодательных актах, представляется, не делает их межотраслевыми.

Таковыми можно считать только те из них, которые при их имплементации в другую отрасль претерпевают воздействие заимствующей отрасли, в результате чего понятие приобретает особые отраслевые признаки: особый субъектный состав, содержание; особое соотношение публичного и частного интереса при регламентации таких понятий.

Указанные выводы приобретают практическую значимость при решении вопроса о механизме межотраслевой адаптации юридических средств. В правовой литературе к данной проблеме относятся по-разному. Одни ученые считают, что изучение межотраслевых связей и разработка на этой основе механизма межотраслевой адаптации юридических средств «приведет к высокоэффективному регулированию отношений в различных отраслях права и обеспечит стабильность и устойчивость всего отечественного законодательства» [Смирнов 2014: 1577]. Другие, наоборот, полагают, что «введение в научный оборот терминологии, не характерной для сферы юриспруденции, без особых к тому доводов (в том числе, термина «межотраслевая адаптация»), не может считаться обоснованным [Смирнов 2014: 1579]. Последняя точка зрения представляется глубоко ошибочной.

Потребность в межотраслевой адаптации рассматриваемых понятий ощущается как на уровне законотворчества, так и в правоприменении. Использование в семейном праве таких понятий, как «договор» и «соглашение», при регламентации отношений между членами семьи в их буквальном гражданско-правовом значении неизбежно приведет к нарушению основополагающих принципов семейного права, создаст ситуации правовой неопределенности. В частности, имплементация в семейное право автономии воли субъектов гражданского договора девальвирует принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, детерминирующий особое сочетание публичного и частного интереса в правовом регулировании семейных отношений с целью защиты слабого субъекта семейных связей.

Несомненно, цели правового регулирования отношений между членами семьи должны обусловливать соответствующий правовой режим рассматриваемых понятий. Использование механизма межотраслевой адаптации позволит способствовать эффективному применению индивидуально-договорного регулирования семейных отношений, внедрению в правовую материю семейного права конструкций, отвечающих потребностям государства, общества, членов семьи.

К числу действенных приемов, составляющих содержание упомянутого механизма и успешно апробированных законодателем, можно отнести включение в текст закона конкретной статьи, содержащей определение понятия или целого их ряда, используемых для целей регулирования соответствующих общественных отношений. Например, ст. 11 НК РФ называется «Институты, понятия и термины, используемые в настоящем Кодексе», она содержит перечень юридических понятий, используемых в данном Кодексе, и «применяемых в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

По этому же принципу в ГПК РФ, например, была включена целая глава «Примирительны процедуры. Мировое соглашение». Некоторые нормы данной главы нацелены на правовую адаптацию под требования процессуального законодательства конкретного юридического понятия «соглашение». Содержащиеся в ней статьи регламентируют субъектный состав, содержание, форму мирового соглашения, процедуру удостоверения его судом, а также исполнение данного процессуального акта.

Аналогичные средства механизма межотраслевой адаптации можно использовать и в СК РФ. Давно назрела необходимость включения в него главы о семейных соглашениях, где нашли бы свое отражение дефиниция понятия «соглашение», субъектный состав, пределы договорной свободы при его заключении, специальные основания изменения и расторжения соглашений, признание их недействительными и т. д.

Резюмируя сказанное, можно заключить: не вызывает сомнения характеристика понятий «договор», «соглашение» как межотраслевых в том случае, когда рассматриваемые правовые средства адаптируются под отраслевые характеристики семейных отношений. В настоящее время реализация этого подхода актуализирует проблему разработки в семейном праве механизма межотраслевой адаптации таких юридических средств, как «соглашение» и «договор».

Список источников

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском праве (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 22 октября 1918 года) (документ утратил силу). - URL: https://base.garant.ru/73078740 (дата обращения: 18.04.2026).

Литература

Брагинский М. И., Витрянский В. И. Договорное право. Т. 1. М., 2000.
Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / Категории науки гражданского права : Избранные труды : В 2 т. Т. 1. М., 2005.
Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание, функции / Антология уральской цивилистики. 1925–1989. М., 2001.
Мананкова Р. П. Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия / Вестник Томского государственного университета. – 2025. – №511. – С. 222–228.
Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.). Т. 1. М., 1996.
Оппенгейм Л. Международное право : Мир; Пер. с англ. Т. 1. М., 1948.
Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 3. М., 2003.
Пугинский Б. И. Гражданско-правовой договор / Вестник МГУ. – 2002. – № 2. – С. 38–57.
Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
Смирнов А. П. Проблемы межотраслевых связей и межотраслевой адаптации юридических средств в праве / Актуальные проблемы российского права. – 2014. – №8(45). – С.1577–1580.
Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории / Социально-юридическая тетрадь. – 2017 – №7. – С. 5–45.
Титаренко Е. П. Соглашение в системе осуществления семейных прав и/или исполнения семейных обязанностей. Диссертация к.ю.н. Курск, 2024.
Тункин Г. И. Теория международного; Под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000.

References

Braginsky, M. I., Vitriansky V. I. (2000). Contract Law. Vol. 1. Moscow (in Russian).
Krasavchikov, O. A. (2005). Civil organizational and legal relations. In: Categories of civil law science: Selected works: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow (in Russian).
Krasavchikov, O. A. (2001). Civil law contract: concept, content, functions. Anthology of Ural civil studies. 1925–1989. Moscow (in Russian).
Manankova, R. P. (2025). A modern look at doctrinal intersectoral concepts. Bulletin of Tomsk State University, 511, 222-228 (in Russian).
Martens, F. F. (1996). Modern international law of civilized peoples (according to the 1904 edition). Vol. 1 Moscow (in Russian).
Oppenheim, L. (1948). International Law: World; Transl. from English. Vol. 1. Moscow (in Russian).
Pobedonostsev, K. P. (2003). Course in Civil Law. Vol. 3. Moscow (in Russian).
Puginsky, B. I. (2002). Civil Law Contract. Bulletin of Moscow State University, 2, 38-57 (in Russian).
Family law: textbook (2019). / B. M. Gongalo, P. V. Krasheninnikov, L. Yu. Mikheeva and others; ed. P.V. Krasheninnikov. 4th ed., Revised and add. Moscow (in Russian).
Smirnov, A. P. (2014). Problems of intersectoral relations and intersectoral adaptation of legal means in law. Actual problems of Russian law, 8(45), 1577-1580 (in Russian).
Tarusina, N. N. (2017). Legislation on marriage and the family: more than a hundred years of movement along the spirals of Russian history. Social and legal notebook, 7, 5-45 (in Russian).
Titarenko, E. P. (2024). Agreement in the system of exercising family rights and/or fulfilling family duties. Dissertation Ph.D. Kursk (in Russian).
Tunkin, G. I. (2000). Theory of international law; Under the general. ed. L. N. Shestakova. Moscow (in Russian).

Citation:
Титаренко Е. П., Филиппова Т. А. О межотраслевом характере некоторых понятий в семейном праве // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 33-37.
Titarenko E. P., Filippova T. A. (2026) On the Interdisciplinary Nature of Certain Concepts in Family Law. Legal Linguistics, 41, 33-37.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 38-43, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4107

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ *УДК 343.98, ББК 67.52, ГРНТИ 10.85.01, Код ВАК 5.1.4*

Организация уголовного судопроизводства как условие достижения его целей

А. А. Корчагин

Кубанский государственный аграрный университет

ул. Калинина, 13, 350044, Краснодар, Россия. E-mail: kaa77-21@mail.ru

Рассматриваются вопросы организационного обеспечения уголовного судопроизводства. Уделено внимание понятию, структуре организации предварительного расследования преступлений, особенностям организации расследования в зависимости от складывающихся ситуаций предварительного расследования. Обосновывается необходимость организационного обеспечения судебного разбирательства уголовных дел также с учетом складывающихся ситуаций судебного разбирательства. Предлагается классификация видов организации предварительного расследования.

Ключевые слова: организация, предварительное расследование, структура, следственная ситуация, ситуации судебного следствия, классификация.

Organization of Criminal Proceedings as a Prerequisite for Achieving their Goals

A. A. Korchagin

Kuban State Agrarian University

13 Kalinina str., 350044, Krasnodar, Russia. E-mail: kaa77-21@mail.ru

The article discusses the issues of organizational support for criminal proceedings. It focuses on the concept and structure of the organization of preliminary investigation of crimes. The article also explores the specific features of the investigation organization depending on the evolving situations of preliminary investigation. The article substantiates the need for organizational support for the trial of criminal cases, taking into account the evolving situations of the trial. The article proposes a classification of the types of organization of preliminary investigation.

Key words: organization, preliminary investigation, structure, investigative situation, judicial investigation situation, classification.

Одним из необходимых условий успеха в достижении целей любой деятельности является ее надлежащая организация. Основоположники криминалистики Г. Гросс, А. Бертильтон, Ф. Гальтон еще в конце XIX века разрабатывали методы и средства собирания и исследования доказательств при расследовании преступлений, формировали рекомендации по организации их применения. Обоснование необходимости организационного подхода к раскрытию и расследованию преступлений можно найти в научных трудах Я. И. Баршева, Е. Ф. Буринского, А. А. Квачевского, В. И. Лебедева, В. Д. Спасовича, Н. И. Трегубова, И. Я. Фойницкого и других авторов, внесших значительный вклад в формирование отечественной криминалистики. В советское время подходы названных ученых были не только сохранены, но и нашли дальнейшее развитие в трудах Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, А. И. Винберга, Н. С. Полевого, Б. М. Комаринца, А. М. Ларина, С. П. Митричева, Н. А. Селиванова, Н. В. Терзиева, Н. П. Яблокова, Н. И. Якимова и многих других ученых. Их работы стали залогом дальнейших успешных исследований, в результате которых появились монографии Г. Г. Зуйкова, В. Д. Зеленского, Е. П. Ищенко, В. Е. Коноваловой и других [Климова 2022: 100].

Процесс уголовного судопроизводства представляет собой сложную структуру, характеризующуюся большим количеством составляющих ее взаимосвязанных элементов. Деятельность эта предполагает деление ее на отдельные, взаимосвязанные друг с другом стадии, каждая из которых имеет свои временные границы, цели, задачи, круг участвующих лиц, особенности осуществляемых на каждой стадии действий, а также свои специфические складывающиеся ситуации уголовного судопроизводства, требующие разрешения разработанными на основе их изучения алгоритмами.

Уголовно-процессуальный закон закрепляет стадии уголовного судопроизводства, последовательно сменяющие друг друга. Условием перехода на каждую последующую стадию является решение задач и достижение целей предыдущей. Представляется, что этого невозможно достичь без надлежащей организации деятельности по предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. В криминалистической науке существуют различные точки зрения относительно понятия организации расследования.

Понятие организации процесса расследования преступлений имеет несколько значений: во-первых, оно означает научную организацию в сфере внутреннего управления подразделениями предварительного расследования как социальной системой; во-вторых, имеется в виду организация конкретного акта расследования, то есть организация деятельности не следственного аппарата в целом, а следователя, практически осуществляющего процессуальную функцию этого аппарата. В этом случае речь идет о научной организации управляемой деятельности (процесса расследования), организации содержательной стороны этой деятельности [Пацкевич 2011: 137].

Организацию расследования можно определить как мысленно-практическую деятельность следователя (дознавателя), направленную на достижение целей расследования наиболее оптимальным путем с наименьшими затратами временных, материальных ресурсов. В структуре организационной деятельности, полагаем, необходимо выделять субъектов организации, цели, задачи, условия ее осуществления, действия, средства организации.

Основным субъектом организации деятельности по предварительному расследованию является следователь (дознаватель), определяющий ход и направление расследования, взаимодействующий с другими лицами, вовлеченными в процесс расследования преступления. Помимо следователя влиять на организацию расследования могут руководитель следственного органа (начальник органа дознания), начальник подразделения дознания, прокурор. Руководитель следственного органа, давая указания следователю о направлении расследования, о проведении отдельных следственных действий, тем самым влияет на ход расследования, выполнение его указаний требует от следователя (дознавателя) в том числе и проведения организационных мероприятий, в частности, следователю необходимо организовать деятельность по выполнению указаний своего руководителя. Аналогично оказывающим влияние на организацию процесса предварительного расследования является начальник подразделения дознания. Прокурор, осуществляющий надзор за проведением дознания, в силу прямого указания УПК РФ может давать дознавателю указания о проведении следственных действий, тем самым также обуславливая необходимость проведения организационных мероприятий по их реализации на практике.

Организация сама по себе должна быть присуща следственной деятельности, поскольку любая деятельность следователя, чтобы стать результативной, должна быть надлежащим образом организована. Одним из существенных условий организации уголовного судопроизводства является ее структурирование, то есть выделение ее частей и взаимосвязей между ними. В качестве структурных элементов организации расследования можно выделить следующие:

– Обстоятельства, подлежащие установлению по делу. При этом наряду с общими, обязательными обстоятельствами, подлежащими установлению по каждому уголовному делу, в каждом конкретном случае расследования уголовного дела следует выделять значимые для конкретного случая дополнительные обстоятельства, которые могут оказывать влияние на установление основных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и на квалификацию содеянного.

– Определение средств и способов собирания доказательств с учетом особенностей обстоятельств каждого конкретного уголовного дела и складывающихся по нему следственных ситуаций.

– Определение следственных и иных действий (процессуальных, оперативно-розыскных), продумывание тактики их осуществления, субъектов реализации, места, времени, создание необходимых материально-технических условий их осуществления.

– Создание необходимых благоприятных условий расследования, что включает в себя достаточное информационное обеспечение следователя (доступ к информационным базам, картотекам, справочной информации), научно-методическое обеспечение (использование разработанных в криминалистической науке методик по расследованию отдельных видов преступлений, рекомендаций по применению средств криминалистической техники, по тактике проведения отдельных следственных действий).

– Организация участников расследования (определение круга участников, их роли в расследовании, организация взаимодействия между ними).

Цели организации обуславливаются назначением уголовного судопроизводства, указанным в ст. 6 УПК РФ: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; раскрытие преступления, изобличение виновного, назначение справедливого наказания; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением; предупреждение совершения новых преступлений.

Организационная деятельность должна строиться на основополагающих идеях, образующих ее принципы, к числу которых, полагаем, необходимо отнести: законность, научную обоснованность, непрерывность организационной деятельности, ее динамичность, ситуационную обусловленность, руководящую роль следователя (дознавателя), сочетание следственных и иных действий, оптимальный режим работы следователя (дознавателя), информационную обеспеченность (информация, получаемая в результате проведения следственных действий, оперативных мероприятий, процессуальных и иных действий, должна передаваться следователю (дознавателю) для ее анализа и использования в организационной деятельности по расследованию преступления).

Необходимо выделить процессуальные и непроцессуальные формы организации расследования. К процессуальным можно отнести: следственную группу (ст. 163 УПК РФ). Ч. 3 ст. 163 УПК прямо указывает на организацию работы следственной группы ее руководителем. К непроцессуальным формам организации можно отнести, например, следственно-оперативную группу, эффективная работа которой также требует ее организации. На практике выделяют организацию работы по расследованию отдельных видов и групп преступлений, исходя из объекта посягательства, а также закрепленной в ст. 151 УПК РФ подследственности преступлений. В качестве непроцессуальной формы организации можно выделить территориальную организацию расследования в зависимости от места совершения преступления, а также организацию расследования в зависимости от специализации следователя на расследовании определенных видов преступлений.

Организацию расследования следует рассматривать, с одной стороны, как частную криминалистическую теорию, учение о понятии организации расследования, ее структуре, целях, задачах, субъектах, видах; с другой стороны, как практическую деятельность по оптимизации процесса не только предварительного расследования, но и судебного разбирательства в целях достижения задач уголовного судопроизводства.

Процесс организации начинается уже на стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Здесь речь необходимо вести об организации проверочной деятельности следователя. Организация охватывает как всю проверочную деятельность, так и проведение отдельных проверочных действий.

Организовать проверку поступившего сообщения о преступлении значит обеспечить достижение ее предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством целей в наиболее короткие сроки с наименьшими затратами сил и средств. Целью проверки является получение доказательств, необходимых для принятия решения либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. То есть требуются доказательства либо наличия признаков какого-либо преступления, либо доказательства отсутствия признаков какого-либо преступления. Это является конечной целью данной первой стадии уголовного процесса. Для ее достижения следователю необходимо решить ряд промежуточных задач, то есть провести обусловленные сложившейся после поступления сообщения о преступлении ситуацией проверочные действия, анализ результатов которых позволит ему сделать выводы о наличии признаков какого-либо преступления и необходимости возбуждения уголовного дела, либо об отказе в этом.

Организацию проверки сообщения о преступлении можно представить как структуру, включающую в себя и мыслительную деятельность следователя (дознавателя), и его практические действия, направленные на рассмотрение поступившего сообщения, проведение необходимых, обусловленных поступившей исходной информацией и сложившимися на этот момент условиями проверочных действий.

Организация проверки включает в себя ряд последовательных действий и решений следователя: анализ поступившей информации с точки зрения ее содержания; определение, признаки какого преступления усматриваются из поступившего сообщения; какие обусловленные содержанием поступившей информации и источником ее поступления проверочные действия необходимо будет совершить. Организация проверки включает в себя ее планирование, то есть определение перечня необходимых проверочных действий, субъектов их реализации, места, времени проведения, использование необходимых технических средств, тактических приемов их проведения.

Организация проверки предполагает создание ее определенной структуры, позволяющей упорядочить проверочную деятельность, тем самым обеспечить скорейшее достижение ее основной цели – принятие законного и обоснованного решения либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Процесс организации проверки сообщения о преступлении должен начинаться, как было уже сказано выше, с анализа поступившей информации с точки зрения ее содержания, наличия в ней данных, указывающих на признаки какого-либо преступления, анализ с точки зрения ее полноты относительно содержащихся в ней полных или неполных данных, указывающих на характеристику элементов того или иного состава преступления. То есть следователь (дознаватель) должен определить, информация о каких элементах состава преступления уже имеется в поступивших материалах, а о каких отсутствует, либо ее недостаточно и требуется ее восполнение путем проведения проверочных действий.

Организация проверки предполагает: анализ исходной сложившейся ситуации, содержащей исходную информацию о произошедшем событии, изучение ее, определение целей и задач проверки, определение перечня проверочных действий, необходимых для достижения цели проверки и решения поставленных задач, организацию проведения проверочных действий (определение их целей, задач, участников, необходимых технических средств, места, времени проведения), анализ полученных результатов проведенной проверки и принятие итогового решения по ней.

На характер и содержание проверочных действий влияет напрямую сложившаяся на момент поступления сообщения о преступлении ситуация, которую можно назвать доследственной ситуацией проверки сообщения о преступлении. Ее можно определить как сложившуюся на момент поступления сообщения о преступлении обстановку, обусловленную условиями, сложившимися на момент проверки, а также наличием либо отсутствием криминалистически значимой информации, необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в нем. Доследственная ситуация, таким образом, обуславливается как объективными факторами, то есть внешними условиями, в которых осуществляется деятельность следователя (дознавателя) по проверке, так и субъективными, то есть связанными с особенностями личности участвующих в проверочной деятельности субъектов. Сочетание этих факторов в каждом конкретном случае и образует индивидуальные ситуации доследственной проверки по каждому сообщению о преступлении.

Как представляется, данные ситуации можно разделить с точки зрения их содержания на простые и сложные.

Простой ситуация, по нашему мнению, будет тогда, когда событие преступления, о котором имеется сообщение, носит очевидный характер, и особых проверочных мероприятий не требуется. Основной задачей является фиксация факта совершения самого преступления и его следовой картины. Такие ситуации могут возникать, например, в случаях обнаружения трупов с признаками явной насильственной смерти, лиц, погибших при обстоятельствах, с очевидностью указывающих на криминальный характер деяния (например, убийство в публичном месте, публично совершенный террористический акт и т. п.). Данные ситуации, несмотря на внешнюю очевидность признаков преступной деятельности, для успешного достижения цели проверочных действий и принятия законного и обоснованного решения нуждаются также в организации проведения проверочных действий. В подобных ситуациях зачастую проверочная деятельность сводится к организации и проведению осмотра места происшествия, проведению опроса очевидцев и возможных свидетелей преступления, задержанию подозреваемого лица при его наличии, назначению экспертиз по результатам проведения осмотра места происшествия.

Тем не менее, для обеспечения принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела, закрепления следов преступной деятельности даже такие незначительные по объему проверочные действия нуждаются в их организации и упорядочении. Следователь должен организовать осмотр места происшествия, определить круг участников осмотра, решить вопрос об использовании необходимых технических средств, определить границы осмотра, определить состав группы, которая должна выехать на осмотр места происшествия, при необходимости решить вопрос о привлечении дополнительных участников осмотра и технических средств, решить вопрос о правильной упаковке вещественных доказательств, изъятых при осмотре места происшествия. Параллельно с осмотром необходимо организовать опрос возможных свидетелей и очевидцев преступления, для чего следователь должен распределить обязанности между участниками группы, провести инструктаж с ними, обозначить каждому из участвующих его цели и задачи, организовать взаимодействие между участниками. Также следует решить вопрос об организации опроса возможных свидетелей, очевидцев преступления. Соответственно следователь должен решить, будет ли он сам лично проводить опрос, либо даст поручение об этом работникам органа дознания.

В ситуации, когда из поступившего сообщения с очевидностью нельзя сделать вывод о наличии признаков преступления, когда оно не имеет выраженного характера, как правило, требуется организация проведения целого ряда проверочных действий, что может занимать до 30 суток в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ. В качестве примера можно привести ситуации, когда поступают сообщения о безвестном исчезновении человека: когда событие носит неясный характер, высказаться о криминальном либо некриминальном характере исчезновения сразу нельзя, требуется проведение проверочных следственных действий, оперативных мероприятий, иных процессуальных действий. Часто подобные ситуации возникают также при поступлении сообщений или материалов контролирующих органов о совершении должностных преступлений, преступлений экономической направленности. В подобных ситуациях требуется проведение целого ряда проверочных действий, как процессуального, так и непроцессуального характера, успешность реализации которых напрямую зависит от надлежащей организации их проведения. В подобных ситуациях организация включает в себя также определение цели проверки, постановку и решение задач для ее достижения, определение круга проверочных действий, определение времени, места, субъектов, способов их проведения, определение количества и подбор участников проверки и организацию взаимодействия между ними. Важным является планирование проверочной деятельности, включающее в себя выдвижение проверочных версий, определение действий по их проверке, сроков проверки, исполнителей.

В случае возбуждения уголовного дела для достижения целей расследования весь его ход на протяжении всех этапов подлежит организации, то есть упорядочению, для наиболее быстрого достижения целей расследования с наименьшими затратами временных и материальных ресурсов. Организация расследования на первоначальном этапе начинается с определения целей. Целеопределение представляет собой интеллектуальную организационно-аналитическую деятельность, которая состоит в определении или конкретизации обстоятельств, имеющих значение для расследования. Существует две группы указанных обстоятельств: первая – обстоятельства совершения преступления и вторая – обстоятельства процесса расследования. Обе группы взаимосвязаны между собой. Сущность целеопределения выражается в последовательном целеустремленном анализе доказательственной и ориентирующей информации с целью определения обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Содержание процесса целеопределения зависит от обстоятельств расследуемого преступления и следственной ситуации первоначального этапа расследования [Зеленский 2025: 90].

Организация должна осуществляться с учетом складывающихся на каждом из этапов следственных ситуаций. Анализ следственной практики показывает, что наиболее типовыми следственными ситуациями первоначального этапа расследования являются следующие: подозреваемое лицо известно, дает признательные показания; подозреваемое лицо известно, но оно скрылось; подозреваемое лицо неизвестно, но о нем есть частичная информация; подозреваемое лицо неизвестно, и о нем нет никакой информации. Каждая из указанных ситуаций должна быть прежде всего проанализирована следователем (дознавателем), и по каждой из них должен быть разработан свой алгоритм разрешения с учетом особенностей, составляющих характеристику каждой, и обеспечена организация реализации алгоритмов разрешения каждой из ситуаций. На основании анализа сложившейся ситуации следователем организуется деятельность по собиранию и проверке доказательств: определяются цели и задачи в каждой из сложившихся ситуаций, необходимые следственно-оперативные мероприятия, их исполнители и участники, сроки, место исполнения, создаются необходимые материально-технические условия для их проведения. В рамках деятельности по разрешению каждой из сложившихся ситуаций решаются вопросы организации проведения

отдельных следственных действий, тактических операций и комбинаций, взаимодействия с органами дознания, другими органами власти и организациями, проведения оперативных мероприятий.

На последующем этапе расследования, который начинается после проведения всех неотложных следственных действий, типовыми следственными ситуациями могут быть: ситуация, когда задержанное лицо после предъявления ему обвинения вину признает и есть доказательства его вины, полученные на первоначальном этапе расследования; ситуация, когда после проведения неотложных следственных действий установить причастное к преступлению лицо не удалось; лицо, обвиняемое в совершении преступления, вину не признает, но доказательства его виновности в деле есть; после проведения неотложных следственных действий подозреваемое лицо установлено, но доказательств, позволяющих предъявить ему обвинение, получить не удается.

Организация расследования в каждой из указанных выше ситуаций предполагает, прежде всего, анализ сложившейся ситуации, который включает в себя оценку криминалистически значимой информации, имеющейся в распоряжении следователя к данному моменту, определение на основании этого, данные о каких элементах криминалистической характеристики преступления имеются, а о каких информации нет, либо ее недостаточно. На основании этого составляется план действий следователя, включающий определение необходимых следственных действий (их цели, вопросов, которые должны быть разрешены в результате проведения, времени, места, участников, необходимых материально-технических условий), оперативных мероприятий, которые могут проводиться по поручению следователя. Могут приниматься решения о разработке и проведении необходимых тактических операций, что также предполагает организацию их проведения (определение целей, задач, времени, места, круга участников, создание необходимых материально-технических условий).

Для заключительного этапа расследования преступлений, когда вынесено постановление об окончании предварительного расследования и следователь выполняет действия, направленные на окончание предварительного расследования, также характерны свои типовые ситуации, требующие организации их разрешения. Ситуации, как правило, связаны с заявлением и разрешением ходатайств обвиняемого и его защитника, и их разрешением следователем. Типовыми являются ходатайства об исключении доказательств из материалов дела, либо о необходимости, по мнению стороны защиты, дополнения материалов предварительного следствия доказательствами в пользу обвиняемого. Соответственно можно выделить ситуации, когда подобные ходатайства заявлены, либо нет. В ситуации поступления от обвиняемого или его защитника ходатайства, следователю необходимо принимать решение либо об отказе в удовлетворении ходатайства, либо о его удовлетворении и принятии решения о возобновлении предварительного следствия. Если же ходатайств не поступает, следователь должен выполнить организационные мероприятия, направленные на завершение расследования и передачу уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления в суд. Организационные мероприятия здесь связаны с организацией ознакомления с материалами дела, определением времени и места ознакомления, организацией оформления всех материалов уголовного дела, организацией составления обвинительного заключения либо обвинительного акта и передачей дела для утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта прокурору для направления в суд.

Рекомендации по организации предварительного расследования, разрабатываемые в криминалистической науке, вполне применимы и к судебному разбирательству уголовных дел. Связь имеется с позиции возможности и необходимости использования в суде данных криминалистической характеристики преступлений, типовых моделей механизма совершенного преступления, тактики проведения судебных действий следственного характера, планирования судебного разбирательства, ситуаций судебного следствия, требующих своего разрешения криминалистическими методами и средствами. Соответственно, этим обуславливается необходимость организации применения методов и средств криминалистики в суде. Кроме того, как показывает изучение следственно-судебной практики по уголовным делам, для судебного разбирательства также характерны свои ситуации, требующие разрешения криминалистическими средствами и методами. Можно назвать, например, ситуации, связанные с назначением и проведением предварительного слушания по уголовному делу, когда в ходе проведения предварительного слушания принимаются решения об исключении доказательств, либо наоборот, суд удовлетворяет ходатайство об истребовании дополнительных доказательств или вызове и допросе новых свидетелей, что, соответственно, меняет доказательственную базу и вынуждает стороны корректировать тактику обвинения или защиты по уголовному делу. В ходе проведения самого судебного следствия также складываются свои типовые ситуации, например ситуация, когда подсудимый признает себя виновным и подтверждает показания, ранее данные в ходе предварительного следствия; когда не подтверждает ранее данные показания, но тем не менее его вина находит подтверждение в суде собранными в ходе предварительного расследования доказательствами; когда подсудимый не подтверждает ранее данные показания, и его вина не находит подтверждения в суде собранными доказательствами; когда доказательства признаются судом недопустимыми и исключаются из объема обвинения. Когда на скамье подсудимых оказываются несколько подсудимых, также возможны ситуации с изменениями их показаний, различным отношением к предъявленному обвинению, заявлением различных ходатайств. Также можно назвать ситуации, связанные с изменением показаний в суде свидетелями, потерпевшими, назначением в ходе судебного заседания судебных экспертиз, допросами в суде экспертов и специалистов. Полагаем, необходимо говорить об организации судебного разбирательства, организации поддержания государственного обвинения, организации осуществления защиты в суде. Каждое из указанных направлений предполагает планирование, определение целей и задач, участников, создание материально-технических условий, определение места и времени проведения, научное, правовое обеспечение.

Важное практическое значение имеет классификация видов организации при проведении предварительного расследования и судебного разбирательства, что имеет значение для разработки практических рекомендаций в этой области. Полагаем, можно выделить следующие виды организации при предварительном расследовании:

– в зависимости от стадии уголовного судопроизводства – организацию на стадии проверки сообщения о преступлении и организацию на стадии предварительного расследования, включающую в себя организацию первоначального, последующего и заключительного этапов расследования;

– организацию проведения следственных действий;

– организацию проведения расследования с учетом сложившихся его ситуаций;

– организацию взаимодействия с органами дознания при осуществлении следственных действий с участием сотрудников органов дознания, а также при осуществлении совместных следственно-оперативных мероприятий;

– организацию проведения тактических операций, тактических комбинаций;

– организацию расследования по отдельному уголовному делу и организацию расследования по всем делам, находящимся в производстве у следователя (дознавателя);

– организацию расследования на уровне отдельного следственного органа, на уровне субъекта, в целом организацию предварительного расследования на уровне государства;

– организацию взаимодействия органов предварительного расследования с другими правоохранительными органами (прокуратура, суда и др.); организацию взаимодействия органов предварительного расследования с другими органами власти и организациями, а также организацию взаимодействия с населением.

Обозначенные в статье вопросы организации расследования безусловно не исчерпывают весь перечень проблем и особенностей организации расследования преступлений, что требует дальнейшего их изучения, совершенствования существующих и разработки новых организационных рекомендаций в целях оптимизации достижения целей уголовного судопроизводства.

Литература

Зеленский В. Д. Организация расследования отдельного преступления: основные положения / Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России). Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч. Москва, 2025. С. 87–92. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80877519_22467782.pdf.

Климова Е. И. Организация расследования преступлений / Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сборник научных статей VIII Международной научной конференции. Могилев, 2022. С. 100–104. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49386064_95466439.pdf.

Пацкевич А. П. Организация расследования преступлений: проблемы, перспективы, тенденции / Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2011. – № 6. – С. 136–139. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24308503_25258309.pdf.

References

Klimova, E. I. (2022). Organization of crime investigation. Actual Problems of Criminal Procedure and Criminalistics. Collection of Scientific Articles of the VIII International Scientific Conference. Mogilev, 100–104.
Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49386064_95466439.pdf (in Russian).

Patskevich, A. P. (2011). Crime Investigation Organization: Problems, Prospects, and Trends Crime Investigation Organization: Problems, Prospects, and Trends. Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences, 6, 136–139.
Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_24308503_25258309.pdf (in Russian).

Zelensky, V. D. (2025). Organization of the investigation of an individual crime: the main provisions. Criminalistics, Criminal Procedure, and Forensic Expertise in the 21st Century: Vectors of Development (on the 70th Anniversary of the Department of Management of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference: in 3 Parts. Moscow, 87–92. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_80877519_22467782.pdf. https://elibrary.ru/download/elibrary_80877519_22467782.pdf (in Russian).

Citation:
Корчагин А. А. Организация уголовного судопроизводства как условие достижения его целей // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 38-43.
Korchagin A. A. (2026) Organization of Criminal Proceedings as a Prerequisite for Achieving their Goals. Legal Linguistics, 41, 38-43.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 44-49, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4108

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ *УДК 343.98:81'42, ББК 81.2, ГРНТИ 16.21.21, Код ВАК 5.9.8*

О понятии понимаемости и его прикладном значении в судебной лингвистической экспертизе

А. В. Винников

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт образовательных программ»

ул. Социалистическая, 88, офис 100, 344002, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: info@otkrmir.ru

Статья посвящена философскому и прикладному обоснованию доступности юридически значимого смысла – понимаемости – как категории юрислингвистики и судебной речеведческой экспертизы. Актуальность исследования связана с тем, что в судебной практике все чаще требуется оценивать наличие языкового смысла вместе с возможностью его воспроизведения адресатом – потребителем финансовой и иной услуги, участником процесса, массовой аудиторией или адресатом конфликтного высказывания. Проблема исследуется исходя из сущности понимаемости как свойства: принадлежит ли оно объекту независимо от воспринимающего субъекта, создается ли субъектом или возникает как отношение между объектом, адресатом и ситуацией. Цель статьи состоит в разработке философски обоснованной, но практически полезной модели понимаемости, пригодной для экспертного применения. Методологическую основу составляют формально-семантический, логико-структурный, прагматический и адресатно-типологический анализ. Показано, что для экспертизы недостаточны как радикальный объективизм, игнорирующий адресата, так и субъективизм, сводящий понимание к индивидуальному впечатлению. Предлагается реляционная модель: текст имеет проверяемые структурные, семантические и прагматические грани, но свойство быть понятным выявляется только в их соотнесении с типовым адресатом и правовым контекстом. Уточняются критерии структурной, терминологической, контекстуальной и адресатной непонимаемости. Прикладная часть опирается на примеры анализа договорной документации инвестиционного страхования жизни и конфликтных инвективных высказываний. Делается вывод о возможности проверяемой экспертной оценки интерпретационной доступности как условия реконструкции юридически значимого смысла, осознанности волеизъявления и процессуальной убедительности экспертного заключения в делах, где смысл текста имеет самостоятельное доказательственное значение для суда и участников правового конфликта.

Ключевые слова: понимаемость, непонимаемость, юрислингвистика, судебная экспертиза, адресат.

On the Concept of Comprehensibility and Its Applied Significance in Forensic Linguistic Examination

A. V. Vinnikov

Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Institute of Educational Programs"

88 Sotsialisticheskaya St., office 100, 344002, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: info@otkrmir.ru

The article substantiates comprehensibility as a category of legal linguistics and forensic linguistic examination. Its significance is determined by the growing need to assess not only the presence of linguistic meaning, but also the possibility of its reconstruction by an addressee: a consumer of a financial service, a participant in proceedings, mass audience or the recipient of a conflict-related utterance. The issue is considered through a philosophical dispute concerning the status of properties: whether a property belongs to an object independently of the perceiving subject, or is produced by the subject, or emerges as a relation between an object, an addressee and a situation. The aim is to develop a philosophically grounded model of comprehensibility suitable for expert application. The study uses formal-semantic, logical-structural, pragmatic and addressee-typological analysis. The article argues that expert practice can solely rely neither on radical objectivism, which ignores the addressee, nor on subjectivism, which reduces understanding to an individual impression. A relational model is proposed: a text has verifiable structural, semantic and pragmatic features, yet the property of being comprehensible becomes apparent only when correlated with a typical addressee and a legal context. The criteria of structural, terminological, contextual and addressee-related incomprehensibility are specified. The applied section draws on investment-linked life

insurance and conflict-related invective utterances. The conclusion is that comprehensibility can be assessed by means of special linguistic knowledge as a condition for reconstructing legally relevant meaning.

Key words: comprehensibility, incomprehensibility, legal linguistics, forensic examination, addressee.

1. Постановка проблемы

В юрислингвистике вопрос о понимаемости – доступности смысла – обычно возникает в прикладном виде: понял ли адресат содержание договора, процессуального документа, перевода, публичного обвинения или инвективного сообщения. За этим практическим вопросом стоит более общий философский вопрос: что именно оценивает эксперт, когда говорит, что текст понятен или непонятен? Если это свойство сводить только к состоянию сознания конкретного лица, оно выпадает из предмета лингвистической экспертизы и превращается в психологический факт. Если же считать его чисто внутренним свойством текста, исчезает адресат, без которого понимание вообще не состоится.

В ранее предложенной прикладной модели понимаемость определялась как свойство высказывания, выражающее степень возможности адресата корректно реконструировать юридически значимое содержание текста без привлечения специальных знаний и внешних интерпретационных ресурсов сверх разумных ожиданий, связанных с его статусом [Винников 2023: 83-102]. Эта дефиниция нуждается в философском уточнении: данное свойство относится к тексту, но не замыкается внутри текста; учитывает адресата, но не растворяется в индивидуальной реакции адресата.

Особенно отчетливо проблема проявляется в судебных спорах о финансовых услугах, защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорблениях, угрозах и переводах юридически значимых документов. В этих случаях суду важно не субъективное заявление стороны «я понял» или «я не понял», а объективная воспроизводимость смысла типовым адресатом. Именно поэтому способность текста быть восстановленным адресатом может быть квалифицирована как объект специального лингвистического знания.

2. Свойство вещи, конструкция субъекта и реляционная модель

В философии можно выделить три базовых подхода к статусу свойств. Первый подход исходит из того, что вещь обладает свойствами независимо от воспринимающего субъекта. Эта линия восходит к аристотелевской трактовке субстанции и качества, а в новоевропейской традиции выражается в признании устойчивых признаков вещи, которые могут быть восприняты человеком более или менее полно [Аристотель 1978; Локк 1985]. Для экспертной методологии эта позиция важна постольку, поскольку она позволяет говорить об объективных языковых признаках текста: структуре, номинациях, предикатах, эксплицитности, отсылочности и терминологической плотности.

Второй подход связан с антиреалистической и конструктивистской традицией. В сильной форме он утверждает, что свойства не обнаруживаются в объекте как готовые сущности, а формируются в акте восприятия, категоризации и описания. Кантовская постановка вопроса о явлении и вещи самой по себе показывает, что предмет опыта дан субъекту не вне условий восприятия и мышления, а через них [Кант 1994]. В применении к языку это означает, что смысл и оценка высказывания не могут быть описаны без учета адресата, культурной нормы, жанра и коммуникативной ситуации.

Третий подход можно назвать реляционным. Он не сводит свойство к произвольному впечатлению субъекта, но показывает, что ряд свойств проявляется только в отношении. Локковское различение первичных и вторичных качеств показывает, что цвет, вкус или запах не являются ни простой фантазией субъекта, ни механическим свойством вещи вне воспринимающего организма [Локк 1985]. В философии языка и прагматике сходную функцию выполняет анализ речевого действия: высказывание получает юридически и социально значимую силу из словарного значения слов, условий употребления, адресата, намерения, конвенции и ситуации [Остин 1986; Сёрль 1986].

Для теории интерпретационной доступности наиболее продуктивна именно реляционная модель. Критерий понятности не измеряется как масса, длина или количество слов; он ближе к таким свойствам, как пригодность, доступность, опасность, оскорбительность, удобочитаемость. Эти свойства опираются на признаки самого объекта, но устанавливаются через отношение объекта к адресату, норме и ситуации. Поэтому юридически значимый текст следует оценивать не как вещь «саму по себе», а как сообщение, которое должно быть восстановлено и усвоено типологически заданным адресатом.

Для судебного эксперта эта философская развилка имеет практический смысл. Анализ доступности смысла нельзя подменять простым указанием на то, что слова в тексте имеются и грамматически связаны между собой. Суду важна способность языковой оболочки донести юридически значимое содержание до адресата, которому она предназначена.

3. Понимаемость как объект судебно-лингвистического знания

Судебная лингвистическая экспертиза не исследует внутренние переживания адресата. Ее предметом являются языковые и коммуникативные факты, доступные проверке: структура текста, характер номинаций, способ предикации, степень экспликации, наличие неоднозначности и адресатная соразмерность. Здесь существенно положение Л. В. Залило о том, что экспертный вывод должен опираться на проверяемые признаки текста, без подмены исследования психологической реконструкцией индивидуального восприятия [Залило 2018: 117-124; Россинская 2020].

Такой подход согласуется с общей логикой судебного речеведения. Эксперт устанавливает лингвистические признаки высказывания: наличие утверждения о фактах, оценочности, инвективности, угрозы, коммуникативной направленности, адресата и способа выражения [Баранов 2007: 34-41; Голев 2000: 127-140]. Анализ

интерпретационной доступности дополняет этот ряд: он показывает, насколько выявленный смысл может быть восстановлен и усвоен тем адресатом, которому текст фактически или нормативно предназначен [Бринев 2009; Шунейко, Авдеенко 2020].

Методологически необходимо разводить доступность смысла и правильность языка. Грамматически корректный документ может быть непонятным вследствие избыточной терминологичности, сложной отсылочной структуры или скрытого распределения существенных условий по разным документам. И наоборот, разговорное инвективное сообщение может быть грамматически нарушенным, но предельно ясным в своем уничижительном или угрожающем смысле. Отсюда вытекает практический вывод: данный критерий не сводится к нормативной грамотности или простоте текста.

4. Типы непонимаемости

В прикладном плане целесообразно выделять четыре основных типа смысловой недоступности. Структурная непрозрачность возникает при нарушении логико-семантической организации текста: выводы не следуют из посылок, существенные условия разнесены по разным фрагментам, а адресат вынужден достраивать связи самостоятельно. Терминологическая непрозрачность связана с использованием специальных понятий без экспликации или с употреблением общеязыковых слов в специальном юридическом или ином значении.

Контекстуальная затрудненность обусловлена тем, что текст опирается на фоновые знания, которых нельзя разумно ожидать от соответствующего адресата. В договорной документации, например, это выражается в отсылках к правилам, памяткам, тарифам, приложениям, инвестиционным стратегиям и нормативным формулам, без которых невозможно понять реальные последствия сделки. Адресатная несоразмерность возникает при несоответствии текста модели адресата: документ формально предназначен потребителю, но написан так, как если бы адресатом был профессиональный юрист, страховщик или финансовый аналитик. В реальном экспертном материале эти дефекты обычно не встречаются по отдельности. В одном тексте могут соединяться сложная синтаксическая организация, неразъясненная терминология, распределение смысла между несколькими документами и несоразмерность адресату. Тогда затруднение понимания возникает как результат самой организации текста: адресат вынужден собирать юридический смысл из разрозненных, терминологически нагруженных и не всегда согласованных фрагментов.

5. Прикладная модель: индекс текста и индекс адресата

Для экспертных целей реляционную модель необходимо довести до процедуры, которую можно воспроизвести в экспертном заключении. Лингвистическую понимаемость можно выразить через синтетический показатель, основанный на соотношении интегрального индекса текста и интегрального индекса адресата. Это рабочая экспертная рамка: она переводит общий тезис о доступности смысла в простой перечень проверяемых признаков.

Интегральный индекс текста отражает степень сложности или дефектности текстовой организации. В минимальной модели учитываются четыре группы признаков: логико-структурная связность, семантическая однозначность, терминологическая соразмерность и прагматико-адресатная экспликация. Каждый показатель может оцениваться бинарно: 0 – признак не создает существенного препятствия восстановлению смысла; 1 – признак нарушен и повышает интерпретационную нагрузку. Суммарный индекс текста варьируется от 0 до 4.

Логико-структурный показатель фиксирует, следуют ли выводы из посылок, связаны ли условия с последствиями, не рассредоточены ли существенные элементы по разным частям текста. Семантический показатель отвечает за устойчивость юридически значимого смысла: есть ли один реконструируемый смысл или несколько конкурирующих толкований. Терминологический показатель демонстрирует, соразмерны ли термины адресату и разъяснены ли они. Прагматический показатель нужен для оценки того, распознает ли адресат само коммуникативное действие текста: обязанность, риск, запрет, предупреждение, угрозу, унижение или сообщение о факте.

Интегральный индекс адресата отражает допустимый объем специальных знаний и интерпретационных ресурсов, которые разумно ожидать от адресата. В простой шкале массовому адресату соответствует значение 1, широкой непрофильной аудитории – 2, профессиональной группе – 3, узким специалистам – 4. Эта шкала не измеряет умственные способности конкретного лица. Она фиксирует коммуникативно и институционально допустимый для конкретной группы адресатов уровень сложности.

Синтетическое правило формулируется однозначно: если индекс текста не превышает индекс адресата, юридически значимый смысл в основном может быть восстановлен данным адресатом; если индекс текста превышает индекс адресата, текст потенциально непонимаем или требует специальных разъяснений. Именно это соотношение позволяет объяснить, почему один и тот же фрагмент может быть доступен профессиональному сообществу и закрыт для потребителя или массовой аудитории.

Индексная схема не должна превращать экспертизу в арифметику. Ее назначение скромнее и практичнее: дать возможность эксперту показать, за счет каких признаков текст становится доступным или, напротив, требует от адресата специальных знаний, которыми тот нормативно не обязан обладать. Эксперт не просто утверждает, что текст сложен. Он указывает, какие параметры нарушены, каким является предполагаемый адресат и почему дисбаланс между ними влияет на воспроизводимость юридически значимого смысла в сознании адресата.

В более развитой версии методики возможна весовая дифференциация показателей. Так, например, семантическая неоднозначность существенного условия договора может иметь больший вес, чем отдельная терминологическая трудность. Отсылка к внешнему документу может быть нейтральной в профессиональном договоре и критической в потребительской документации. Поэтому расчетная модель остается инструментом

экспертного рассуждения, но не механической заменой лингвистического анализа. Практические примеры использования предложенной прикладной модели понимаемости рассмотрены ниже.

6. Договорная документация инвестиционного страхования жизни

В экспертизе договорной документации инвестиционного страхования жизни проблема коммуникативной доступности проявляется весьма отчетливо. Адресатом является физическое лицо, не обладающее специальной подготовкой в страховании, инвестициях и финансовом праве. При этом юридически значимое содержание распределяется между полисом, памяткой страхователя, заявлениями и иными документами. Адресат должен понять отдельные слова, характер услуги, соотношение страховой и инвестиционной составляющей, риски доходности, порядок возврата средств и последствия досрочного расторжения.

В таком материале грамматическая корректность текста не устраняет утрату смысловой доступности. Напротив, формально правильная юридико-финансовая терминология может создавать иллюзию ясности при фактической недоступности ключевого смысла. Если из текста нельзя без специальных знаний реконструировать то, что доходность не гарантирована, что возврат средств зависит от условий договора, а инвестиционный риск несет страхователь, то понимание является частичным или искаженным. Такой результат характеризует не интеллектуальные способности адресата; он указывает на несоразмерность текста его нормативной адресатной модели.

Отсюда следует вывод: договор потребительской финансовой услуги должен оцениваться по способности обеспечить воспроизводимость юридически значимого смысла, а не по одному лишь наличию формальных условий. Для эксперта это означает необходимость анализировать текст как единый информационный массив, состоящий из набора изолированных пунктов. Коммуникативная доступность договора определяется не количеством раскрытых сведений, а скорее тем, способен ли адресат связать их в целостную модель своих прав, рисков и обязанностей.

Пример 6.1. При ответе на вопрос о понимаемости представленной для экспертизы договорной документации инвестиционного страхования жизни исследовался весь массив материалов, предъявленных потребителю: полис, памятка, заявление и связанные с ними условия. При этом в тексте была установлена «иллюзия гарантированности» – состояние восприятия, при котором адресат ошибочно считает доход гарантированным, риски отсутствующими или несущественными. Была сделана оценка по индексам: логико-структурный показатель – 1, поскольку юридически значимое содержание рассредоточено между несколькими документами; семантический показатель – 1, поскольку адресат должен различить страховую форму, инвестиционную составляющую, риск и негарантированность дохода; терминологический показатель – 1, поскольку используются финансово-страховые понятия, требующие специальной подготовки; прагматический показатель – 1, поскольку потребитель может не восстановить правовую природу услуги и последствия волеизъявления. Интегральный показатель текста ИТ = 4. Показатель адресата ИА = 2, поскольку речь идет о широкой непрофильной аудитории потребителей, от которой нельзя нормативно ожидать профессионального страхового, инвестиционного и правового анализа. Синтетическое соотношение: ИТ > ИА. Вывод эксперта: договорный массив обладает сниженной коммуникативной доступностью для типового потребителя; формальное предоставление сведений не обеспечивает их воспроизводимость как целостной модели прав, рисков и обязанностей, а потому создает риск частичного или искаженного понимания.

7. Инвективные высказывания и универсальная доступность смысла

Иной тип материалов, содержащих конфликтные инвективные высказывания. В них часто отсутствует нормативная грамматика, нарушена синтаксическая связность, используется жаргонная или обсценная лексика. Однако именно такие тексты могут обладать высокой доступностью уничижительного смысла. Слова и выражения, функционирующие как сильные социально-языковые мемы, не требуют сложной интерпретации: они непосредственно маркируют адресата как ничтожного, презираемого, трусливого, аморального или социально неполноценного.

Меметический подход позволяет объяснить, почему инвективная лексика часто обладает широкой или универсальной распознаваемостью. Р. Докинз описывает мем как культурный репликатор, передаваемый от человека к человеку [Докинз 2013]. В конфликтном дискурсе устойчивые бранные номинации работают как готовые смысловые формы. Они не требуют сложной инференции: адресат и аудитория обычно сразу распознают уничижительную направленность слов, поскольку такие единицы закреплены в речевой практике как маркеры презрения, социальной дискредитации и агрессии [Голев 2000: 127-140; Винников 2023: 83-102].

Для судебной экспертизы отсюда следует практический критерий. При оценке оскорбления, угрозы, речевой агрессии, а также сведений, затрагивающих честь, достоинство и деловую репутацию, эксперт должен различать смысловую непрозрачность сложного юридического текста и высокую распознаваемость агрессивного речевого акта. Наличие просторечия, обсценности и грамматических нарушений не снижает понятность инвективного смысла, если соответствующие лексемы устойчиво распознаются типовым адресатом как уничижительные.

Экспертная оценка меметически понимаемой доступности смысла особенно наглядна на материале публичных конфликтных сообщений в мессенджере.

Пример 7.1. В общедоступном статусе мессенджера размещается серия сообщений о владельце соседнего объекта предпринимательской деятельности; адресат не называется полным именем, но указывается через фотографии, имя, место деятельности и роль «владельца соседнего кафе». Уже сама конструкция идентификации показывает, что автор рассчитывает на узнаваемость адресата кругом знакомых и клиентов.

Цитата: «теперь 310 участников нашей группы знают чуть больше про владельца соседнего кафе»; далее

используется усиление масштаба: «почти 500 человек знают, что ты …». Оценка по индексам: логико-структурный показатель – 0, поскольку высказывание построено как простая демонстрация публичного распространения сведений; семантический показатель – 0, поскольку смысл социального предъявления адресата группе восстанавливается устойчиво; терминологический показатель – 0, поскольку специальных терминов, закрывающих смысл от массовой аудитории, нет; прагматический показатель – 0, поскольку коммуникативное действие распознается как публичное тиражирование негативного образа. Интегральный индекс текста: ИТ = 0. Индекс адресата: ИА = 1, поскольку адресатом выступает массовая или групповая аудитория с базовой социальной компетенцией. Синтетическое соотношение: ИТ не превышает ИА. Вывод: смысл сообщения обладает универсальной или широкой доступностью; аудитория должна понять не сложное доказательство, а меметически передаваемый сигнал групповой дискредитации.

Пример 7.2. В личной переписке и голосовых обращениях адресату навязывается образ социально ничтожного, трусливого и зависимого человека, а затем этот образ соединяется с практически понятным давлением. Цитата: «Ты никто, понял?»; «Ты ничего из себя не представляешь»; «Ты не мужик. Ты – телка»; «Еще раз появишься здесь, разговор будет другой»; «И я тебя приглашаю на ринг, пообщаться». Оценка по индексам: логико-структурный показатель – 0, поскольку адресация и направленность речевого акта выражены прямо; семантический показатель – 0 для уничижительных номинаций, поскольку социальные оппозиции «кто-то – никто», «мужик – не мужик», «сильный – слабый» считываются без специальной подготовки; терминологический показатель – 0, поскольку специальных терминов нет; прагматический показатель – 1, поскольку отдельные формулы давления выражены косвенно и требуют учета конфликтного сценария. Интегральный индекс текста: ИТ = 1. Индекс адресата: ИА = 1, поскольку адресатом является обычный участник бытового конфликта, обладающий базовой социальной и языковой компетенцией. Синтетическое соотношение: ИТ не превышает ИА. Вывод: уничижительный смысл и общий сценарий давления коммуникативно доступны адресату; точная правовая квалификация угрозы может требовать отдельного анализа, но лингвистически распознается сообщение о социальном унижении и возможных негативных последствиях при определенном поведении.

Особенно важно это для дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Унизительность, оскорбительность или порочащий эффект выражения предполагают распознавание негативной формы индивидуальным или коллективным адресатом. Если выражение непонятно соответствующей аудитории, оно не выполняет функции унижения или социальной дискредитации. *Такая инвектива подобна брани на неизвестном языке: акустически или графически она может быть предъявлена адресату, но без распознавания ее значения не формирует того коммуникативного результата, который необходим для вывода о речевом унижении. Интерпретационная доступность поэтому выступает условием действия инвективного или порочащего мема: только распознанная негативная номинация способна быть воспринята как умаляющая честь, достоинство или деловую репутацию.*

Квалификация лексем на основе перебора словарных вариантов с пометами «бран.», «груб.», «прост.», «уничиж.», «оскорб.» приводит к зависимости экспертного вывода от субъективно выбранного словаря. В нашем подходе решающей является очевидная (аксиоматичная) коммуникативная функция лексемы в конкретном речевом акте.

8. Значение для юрислингвистики

Реляционная модель доступности смысла позволяет уточнить предмет юрислингвистики. Она показывает, что эксперт исследует не субъективное впечатление лица, а воспроизводимость юридически значимого содержания в заданной коммуникативной ситуации. Это дает возможность единообразно анализировать разные объекты: договоры, процессуальные документы, экспертные заключения, переводы, публичные высказывания и частную конфликтную коммуникацию.

Доступность смысла связывает языковую форму с юридическим последствием. В этом ее прикладная ценность для юрислингвистики: эксперт показывает, как из структуры фразы, терминологической плотности, адресации или инвективной номинации возникает юридически значимый результат – осознанное волеизъявление, заблуждение, унижение, угроза, дискредитация или отсутствие такого результата.

В экспертной практике возможны две типичные крайности. Первая – считать любой текст понятным, если он грамматически корректен и содержит формально необходимые сведения. Вторая – объявлять критерий смысловой доступности непроверяемым, поскольку разные люди понимают тексты по-разному. Рабочая позиция находится между этими крайностями: эксперт ищет проверяемые признаки, по которым можно показать, почему конкретный адресатный тип способен или не способен восстановить юридически значимый смысл.

Возможная в этой связи ошибка судебной практики состоит в том, что наличие спорного текста может отождествляться с наличием понимания его содержания. Между тем юридически значимое сообщение может быть предъявлено адресату формально и одновременно остаться для него непереводимым на язык практического решения: что он подписывает, чем рискует, от чего отказывается и какие последствия наступят после совершения действия.

Заключение

Юридически значимый текст следует рассматривать сквозь призму доступности его смысла для типового адресата. Ее нельзя измерить как длину фразы или число терминов, или выразить исключительно в терминах психологии адресата. Эксперт работает с промежуточной областью: с теми признаками текста, которые затрудняют или обеспечивают восстановление смысла в сознании адресата. Основание такого вывода находится в структуре, семантике, терминологии и прагматической организации высказывания; проявление определяется соотнесением этих признаков с типовым адресатом, коммуникативной ситуацией и правовым контекстом.

Для судебной лингвистической экспертизы такой подход имеет практический смысл. Он позволяет исследовать юридически значимые документы на предмет доступности их содержания, отличать частичное и искаженное восприятие от полного, а также выявлять случаи высокой распознаваемости инвективного или порочащего смысла. В делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблении и речевой агрессии интерпретационная доступность является предварительным условием юридически значимой унизительности*: если аудитория не способна распознать значение выражения, нельзя говорить о реальном умалении достоинства, социальной дискредитации или унизительном эффекте высказывания.*

Литература

Аристотель. Категории / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1978.
Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
Винников А. В. О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика / Судебная экспертиза. – 2023. – № 2 (74). – С. 83–102.
Голев Н. Д. Конфликт глазами лингвиста / Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 127–140.
Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013.
Залило Л. В. Юридическая лингвистика и экспертная оценка текста. М., 2018.
Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1985.
Остин Дж. Л. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 151-169.
Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2009.
Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном и уголовном процессе. М., 2020.
Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Лингвистическая экспертиза : учебник и практикум для вузов. М., 2020.

References

Aristotle (1978). Categories. In Works: in 4 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
Baranov, A. N. (2007). Linguistic examination of text: theory and practice. Moscow (in Russian).
Dawkins, R. (2013). The Selfish Gene. Moscow (in Russian).
Golev, N. D. (2000). Conflict through the eyes of a linguist. Legal Linguistics-2: Russian language in its natural and legal existence. Barnaul, 127-140 (in Russian).
Kant, I. (1994). Critique of Pure Reason. Moscow (in Russian).
Locke, J. (1985). An Essay Concerning Human Understanding. In Works: in 3 vols. Vol. 1. Moscow (in Russian).
Ostin, J. L. (1986). How to do things with words. New in foreign linguistics. Issue 17. Speech act theory. Moscow, 22-129 (in Russian).
Searle, J. R. (1986). What is a speech act? New in foreign linguistics. Issue 17. Speech act theory. Moscow, 151-169 (in Russian).
Brinev, K. I. (2009). Theoretical linguistics and forensic linguistic examination. Barnaul (in Russian).
Rossinskaya, E. R. (2020). Forensic examination in civil, arbitration and criminal proceedings. Moscow (in Russian).
Shuneyko, A. A., Avdeenko, I. A. (2020). Linguistic examination: textbook and practicum for universities. Moscow (in Russian).
Vinnikov, A. V. (2023). On special knowledge in assessing the comprehensibility of court translation: linguistics and memetics. Forensic Examination, 2(74), 83-102 (in Russian).
Zalilo, L. V. (2018). Legal linguistics and expert assessment of text. Moscow (in Russian).

Citation:
Винников А. В. О понятии понимаемости и его прикладном значении в судебной лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 44-49.
Vinnikov A. V. (2026) On the Concept of Comprehensibility and Its Applied Significance in Forensic Linguistic Examination. Legal Linguistics, 41, 44-49.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 50-59, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4109

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ *УДК 81`33, ББК 81, ГРНТИ 16.31.02, Код ВАК 5.9.8*

Персонотекст и нейротекст: критерии разграничения естественно-языковых и сгенерированных текстов на основе сопоставительного профилирования

Я. А. Дударева[1], А. А. Воронько[2]

Кемеровский государственный университет

Ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: [1]dudareva-yana@yandex.ru, [2]nastyavoronko07@gmail.com

Статья посвящена поиску критериев, позволяющих отличить текст, сгенерированный нейросетью, от текста, продуцированного человеком. На основе комплексной методики авторoведческого исследования с добавлением параметров (количество слов и коэффициент лексического разнообразия; коммуникативная тональность; ритм; графические признаки) осуществлялось профилирование реальной языковой личности по персонотексту и нейроязыковой «личности» по нейротексту от LLM «ГигаЧат». Проведенный анализ показал, что для персонотекста характерны смысловые отступления, свободное использование слов разных функциональных стилей, политематическое разнообразие лексики, орфографические и пунктуационные ошибки и опечатки, использование эмотиконов. Диалогичность, изменение ритма текста, эмоциональный синтаксис в совокупности со всеми языковыми признаками позволили определить по персонотексту пол, возраст, образование, родной язык, ведущий тип восприятия и темперамент автора. Для нейротекста характерны следующие признаки: смысловое единство, трехчастная композиционная структура (введение, основная часть, заключение), использование книжной нейтральной лексики, шаблонность лексико-грамматических структур, повторяемость синтаксических конструкций, предпочтение полных осложненных предложений, нарочитая орфографическая и пунктуационная правильность. Монотонность, информативная тональность, слабая проявленность эмоций в совокупности с результатами анализа по всем языковым уровням позволили сделать вывод, что LLM «ГигаЧат» проявляет себя как нейрозыковая «личность» с деперсонализированными гендерными и возрастными характеристиками, русскоязычная, имеющая дигитальный тип восприятия (с возможностью настройки на другой тип в зависимости от поставленной в промпте задачи) и обладающая стилем общения флегматика.

Ключевые слова: большие языковые модели (LLM), сгенерированный текст, нейротекст, языковая картина мира, языковая личность, нейроязыковая «личность».

Personatext and Neurotext: Criteria for Distinguishing between Natural Language and AI-Generated Texts Based on Comparative Profiling

Ya. A. Dudareva[1], A. A. Voronko[2]

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: [1]dudareva-yana@yandex.ru, [2]nastyavoronko07@gmail.com

This article explores criteria for distinguishing text generated by a neural network from text produced by a human. Using a comprehensive authorship attribution methodology with additional parameters (word count and lexical diversity ratio; communicative tone; rhythm; graphic features), we profiled a real linguistic personality based on a persona text and a neurolinguistic "personality" based on a neurotext from the LLM "GigaChat." The analysis revealed that the personatext is characterized by semantic digressions, the free use of words of different functional styles, a polythematic diversity of vocabulary, spelling, punctuation errors, typographical errors, and the use of emoticons. Dialogue, changes in text rhythm, and emotional syntax, combined with all the linguistic features, made it possible to determine the author's gender, age, education, native language, dominant perception style and temperament from the personatext. The neurotext is

characterized by the following features: semantic unity, a three-part compositional structure (introduction, main body, conclusion), the use of bookish, neutral vocabulary, formulaic lexical and grammatical structures, repetitive syntactic constructions, preference for full, complex sentences, and deliberately correct spelling and punctuation. The monotony, informative tone, and lack of emotion, combined with the results of analysis across all language levels, led to the conclusion that the LLM "GigaChat" manifests itself as AI “linguistic personality” with depersonalized gender and age characteristics, Russian-speaking, possessing a digital perception style (with the ability to adjust to a different style depending on the task posed in the prompt), and possessing a phlegmatic communication style.

Key words: large language models (LLM), AI-generated text, neurotext, linguistic picture of the world, linguistic personality, neurolinguistic “personality”.

Введение. Персонотекст и нейротекст в парадигме LLM-лингвистики (лингвистики больших языковых моделей)

В основе предпринимаемого исследования лежит проблема стирания границ между категориями «естественное» и «искусственное». Между естественно-языковым текстом, созданным человеком (то есть персонотекстом), и текстом, сгенерированным нейросетью (то есть LLM-текстом, нейротекстом), весьма трудно провести разграничение, поскольку нейротексты представляют собой производный продукт персонотекстов.

Сгенерированный текст является новым объектом изучения, получающим осмысление в рамках формирующегося направления, находящегося в сфере пересечения лингвистики и технологий искусственного интеллекта, которое можно обозначить как LLM-лингвистика, то есть лингвистика больших языковых моделей, или, используя термин Л. О. Микалефф, «лингвистика нейросетей» [Микалефф 2025: 407]. Также сгенерированные тексты получают активное осмысление лингвистов в рамках предложенной Н. Д. Голевым парадигмы «новой вариантологии», то есть «вариативности текста через призму искусственного интеллекта» [Голев, Мельникова, Напреенко 2025: 201].

Предпринимаемое исследование по разграничению естественно-языкового и сгенерированного текстов вписывается в круг названных актуальных и быстроразвивающихся лингвистических направлений. Мы рассматриваем текст, сгенерированный «большими языковыми моделями, (англ. Large language models, LLM) – компьютерными программами, способными «понимать» и генерировать тексты на естественных человеческих языках» [Лягошина 2024: 113], как находящийся в отношениях множественной производности по отношению к производящим текстам – огромному массиву разнообразных естественно-языковых текстов. Персонотексты как исходные, первичные, естественные тексты и нейротексты, являющиеся вторичными, искусственными текстами, связаны отношениями нейродеривации, в которой принимает участие человек, формулирующий промпт (как текст-стимул), и нейросеть, выступающая инструментом генерации текста-реакции.

Участие человека в генерации текста нейросетью и использование результатов этой генерации обусловливают отнесенность персонотекста и нейротекста к оппозициям «естественность – искусственность», «оригинальность – копиальность», между полюсами которых формируется категория «гибридность». В качестве гибридных мы рассматриваем персонотексты с элементами сгенерированного текста и нейротексты с изменениями, внесенными человеком. Отсюда возникает новая типология текстов (естественно-языковые, гибридные, сгенерированные) и новая типология языковых личностей по отношению к степени участия нейросети в создании текста: оригинальные языковые личности, создающие персонотексты без использования нейросетей; копиальные языковые личности, полностью воспроизводящие результат генерации нейросети; языковые личности гибридного типа, которые формулируют промпт и используют сгенерированный нейросетью текст, внося в него формальные и/или содержательные изменения.

Принимая во внимание диффузность границ между естественно-языковым и искусственным текстом, мы формулируем г и п о т е з у о том, что персонотекст и нейротекст можно дифференцировать между собой. Отсюда ц е л ь исследования – найти критерии, позволяющие установить отличия между текстом реальной языковой личности и текстом, сгенерированным нейросетью.

Настоящее исследование, направленное на поиск критериев разграничения нейротекста и персонотекста, является продолжением работы по сопоставлению сочинений по картине В. А. Серова «Девочка с персиками», сгенерированных разными нейросетями и написанных людьми. Поскольку данный материал готовится к опубликованию в монографии, приведем здесь значимые результаты, на которых осуществляется сопоставительное профилирование текстов.

На основе анализа сочинений было установлено, что для нейротекстов, сгенерированных LLM «ГигаЧат», характерны следующие особенности: композиционная полнота, логичность, цельность и связность, значительное количество жанровых клише, активное использование в тексте ключевых слов промпта, однотипность грамматических структур и монотонность, орфографическая и пунктуационная грамотность, непоследовательно проявилась рубрикация текста и наличие в нем фактологических ошибок. Нейротексты «ГигаЧата» самоидентифицируются, идентифицируются программой «Антиплагиат. Структура», а также определяются при перекрестной идентификации через LLM «DeepSeek» как сгенерированные нейросетью.

Нейротексты, сгенерированные LLM «DeepSeek-V3.2», обладают композиционной полнотой, логичностью, цельностью и связностью, ритмичностью, орфографической и пунктуационной грамотностью, содержат повторяющиеся грамматические структуры с одинаковым пунктуационным оформлением (отмечена повторяемость обобщенно-личных предложений, вводных слов и пунктуационного знака «тире»). Нейротексты LLM «DeepSeek»

определяются программой «Антиплагиат. Структура» как содержащие только некоторый процент ИИ-контента, при самоидентифкации и перекрестной идентификации через «ГигаЧат» нейротекст определяется как написанный человеком.

Заметим, что полученные результаты лингвистического анализа сочинений нейросетей коррелируют с выводами, представленными в исследовании А. В. Громовой на материале текстов, сгенерированных нейросетями «GPT 4» и «Hailuo» от лица человека, имеющего неудачный опыт употреблении наркотиков: монотематичность, стандартная композиция, соблюдение лексико-грамматических норм, построение синтаксически полных конструкций, прямой порядок слов, использование повтора в качестве средства связи, отсутствие орфографических и пунктуационных ошибок, активное использование «тире» [Громова 2025: 6].

Наблюдаемое сходство между нейротекстами позволяет отметить, что если для школьного сочинения перечисленные
характеристики текста соответствуют ожидаемому жанру, то сходство нейротекста о неудачном употреблении наркотиков с шаблонным отличным школьным сочинением (по признакам композиционной полноты, связности и отсутствия ошибок на всех языковых уровнях) демонстрирует его неестественность, искусственный характер. Отмеченное сходство между нейротекстами, полученными от разных LLM и по разным промптам, позволяет сделать вывод о том, что разные большие языковые модели генерируют тексты как инвариантная нейроязыковая «личность», являющаяся «новым типом автора» [Клушина 2025: 20]. Эксперименты лингвистов показывают, что имеются ситуации, когда различия между текстами, сгенерированными разными LLM, нивелируются и в практическом применении возникают такие примечательные совпадения, как сходство языковой личности бывшего наркомана с языковой личностью школьного отличника.

Тексты, сгенерированные нейросетью, но идентифицируемые алгоритмами как написанные человеком, демонстрируют диффузность границ между персонотекстом и нейротекстом. В таких текстах даже без редактуры со стороны человека наблюдается гибридизация, то есть сочетание искусственности и естественности: шаблонности, правильности, повторяемости слов и грамматических структур с их одинаковым пунктуационным оформлением и живого языкового оформления.

Таким образом, анализ сочинений, сгенерированных LLM «DeepSeek» и «ГигаЧат», позволяет дальше развивать противопоставление «естественности – искусственности» как на текстовом уровне, так и на лингвоперсонологическом. В связи с этим особого внимания заслуживают и существенные различия, имеющиеся между нейротекстами разных LLM. Эксперимент с написанием разными нейросетями сочинений по одной и той же картине показал, что разные нейросети генерируют разные тексты, подобно тому как разные языковые личности пишут разные персонотексты. Полученный вывод не противоречит сформулированному выше о сходстве текстов, сгенерированных разными нейросетями, а дополняет его: имеются и сходства, и различия. Следовательно, в рамках оппозиции «естественное – искусственное» можно говорить о нейроязыковой «личности», дрейфующей между полюсами: от полюса «искусственное», когда генеративная природа нейротекста очевидна, к полюсу «естественное», когда граница между персонотекстом и нейротекстом практически стирается.

Методы и материал исследования

В современной юридической лингвистике активно разрабатываются методики, позволяющие отличать текст человека от сгенерированного нейросетью. Классическое автороведение располагает комплексной методикой проведения экспертиз по текстам, содержащим не менее 100 словоформ, для «получения информации о половой принадлежности, возрасте, профессии, образовании, родном языке, национальности, психическом состоянии» человека [Моисеева, Огорелков 2022].

При этом постоянно ведется поиск новых методик, позволяющих на основе текстовых характеристик получить точную информацию об авторе. Для целей криминалистического автороведения А. В. Громовой обоснована «целесообразность развития междисциплинарного подхода к экспертному анализу таких текстов, подразумевающему использование методов компьютерной и классической лингвистики» [Громова 2025: 50].

Также активно развивается применение метода профилирования автора письменного текста, «т. е. установления характеристик автора по созданному им речевому произведению» [Литвинова 2012: 90]. С развитием интернет-технологий возрастает значимость точного профилирования личности по текстам электронной коммуникации, в связи с чем ведутся разработки методик с большим количеством параметров, «с помощью которых возможно портретирование «цифровой личности» с учетом разнообразного речевого поведения, обусловленного возрастом, гендерной принадлежностью, особенностями темперамента, уровнем психофизиологического и интеллектуального развития, текущим эмоциональным состоянием, наличием или отсутствием аддикции (наркотической, игровой и пр.), акцентуацией поведения в различных типах ситуативной обстановки, возможными видами патологий, местом формирования речевого навыка и т. д. в условиях опосредованной цифровой реальностью коммуникации» [Потапова, Курьянова 2022: 57].

В настоящем исследовании представлено применение метода сопоставительного профилирования авторов письменных текстов с целью представления критериев, позволяющих разграничить персонотекст и нейротекст. Мы исходим из положения о том, что порождение текста обусловлено языковой картиной мира автора (далее – ЯКМ), в результате чего выстраивается следующая цепочка: текст <=> ЯКМ <=> языковая личность. С нашей точки зрения, именно языковая картина мира в силу ее текстопорождающего потенциала [Голев, Шпильная 2009: 11] является ключевым понятием для дифференциации персонотекста от нейротекста. Если ЯКМ спорного текста соответствует ЯКМ типичной для данной языковой личности, то спорный текст является персонотекстом. Если же такого соответствия не наблюдается, то текст сгенерирован нейросетью. Конечно, нейросеть не обладает своей собственной

ЯКМ, но при генерации текстов в них обнаруживаются, воспроизводятся типовые и статистически распространенные ЯКМ.

На данном этапе исследования использованы следующие материалы:

1) персонотекст реальной языковой личности, написанный как пост при размещении фото в личном блоге, который автор ведет в стиле пародийной журналистики. Личный блог содержит более чем 10 поликодовых персонотекстов, объединенных тематикой межличностный школьных отношений;

2) нейротекст LLM «ГигаЧат», работающей на флагманской модели GigaChat Ultra, как реакция на промпт: «Посмотри на фото и сочини текст-репортаж».

Исследовательские материалы приводятся в статье в исходном виде без редактуры.

Персонотекст

«"Борьба за жизнь"»

Срочные новости, друзья!!

Стало известно, что случилось с бедным школьником, которого затолкала в сумку его собственная одноклассница!!

Если вы заинтригованны, читайте дальше.

Вы уже догадались, что происходит на фото?.. Это тот самый парнишка из сумки!! Кадры сделаны после жестокого заточения одноклассника! Как он смог выбраться?? Вы не поверите, когда узнаете, на что может пойти человек, когда его жизни угрожает опасность! По словам потерпевшего, у него была с собой расческа(фото прилагается), с помощью которой он смог проделать отверстие и выкарабкаться наружу. Сообразительный парень заточил эту расческу своими собственными зубами и только потом смог прорезать себе выход на волю!

Мы прекрасно знаем, что слева - это та самая обезумевшая после прочтения "Грозы" девушка. Но кто тогда справа на фото?! Это ее сообщница, дорогие мои (хотя, возможно не все так просто... О подробностях вы узнаете в скором времени).

Видно, что обе настроены недоброжелательно: одна угрожает пострадавшему, который еле смог спастись, другая же надменно улыбается и чувствует свою безнаказанность. Парень напуган! Не может сделать и шага! Они окружили его!!Он в безвыходном положении!Видно, что сумка все еще в руках сумасшедшей. Вокруг множество людей, и никто не хочет с ней связываться .

Неужели исход истории мальчишки будет плачевным? Никто не сможет ему помочь?..

Люди, очнитесь ! Взгляните на жестокий мир вокруг! Мы не готовы прийти друг другу на помощь в страшных жизненных ситуациях! И кто в этом виноват? Родители и их воспитание? Равнодушие и бесчувствие со стороны людей? Неправильно привитые обществом ценности? Нет, дорогие мои, на самом деле все намного проще: во всем виноваты кобчики.

Автор и редактор статьи:

Лапаева В. В. (Напоминаем, что мы не несем ответственности за возможный вред вашему здоровью, причененный во время или после прочтеня данной статьи)»

Нейротекст LLM «ГигаЧат»

Репортаж с места событий: «Школа выживания»

Сегодня мы оказались свидетелями необычной сцены в одном из учебных корпусов престижной гимназии города N. Здесь, среди привычных коридоров и классных комнат, разворачивалась настоящая драма человеческих эмоций и характеров.

▌Место действия: школьный холл

Время близилось к обеденному перерыву, ученики спешили отдохнуть и набраться сил перед следующим уроком. Но внимание всех присутствующих привлекла одна группа подростков, расположившаяся на ярко-жёлтом диване в центре холла.

▌Главные герои нашего сюжета

Анна, девушка слева, выглядела спокойной и уверенной. Она сидела прямо, держала сумку на коленях и внимательно наблюдала за происходящим вокруг. Её взгляд выражал лёгкую усмешку и любопытство, словно она была готова ко всему, что могло произойти дальше.

Рядом с Анной сидел Максим. Его поза говорила сама за себя: голова опущена, руки сцеплены в замок, плечи сгорбились. Казалось, весь мир обрушился на парня в этот момент. Максим казался подавленным и уставшим, будто переживал какой-то внутренний конфликт или неудачу.

Справа от Максима находилась Елена, девушка в светлой кофте и черных брюках. Она смотрела на Максима с сочувствием, слегка подняв руку вверх, словно хотела подбодрить друга жестом поддержки. Елена улыбнулась нам, показывая, что ситуация не столь трагична, как кажется на первый взгляд.

▌Что же произошло?

По словам очевидцев, Максим получил плохую оценку на последнем уроке математики. Это стало неожиданностью даже для самого парня, ведь обычно он считался одним из лучших учеников класса. Учительница поставила низкую отметку за контрольную работу, несмотря на старания Максима. Парень, привыкший к успехам, оказался морально не готов к такому повороту событий.

«Мы пытались его успокоить, — рассказала Анна, — но он замкнулся в себе. Мы знаем, что он расстроен, но уверены, что все наладится».

Елена добавила: «Это всего лишь оценка. Главное — поддержка друзей. Я уверена, что Максим справится и исправит ситуацию».

▌Атмосфера школы

Несмотря на драматизм момента, атмосфера в школе оставалась дружелюбной и позитивной. Другие ученики продолжали заниматься своими делами: кто-то читал учебники, кто-то разговаривал с друзьями. Жизнь шла своим чередом, хотя каждый понимал важность взаимопомощи и поддержки друг друга.

▌Итог

Эта сцена стала ярким примером того, насколько важны дружба и понимание в школьной среде. Даже самые сильные переживания можно преодолеть вместе, поддерживая друг друга. Ведь школа — это не только уроки и оценки, но и место, где формируются настоящие человеческие отношения.

Параметры, по которым проводился текстовый анализ:

1. Смысловые признаки.
2. Текстологические признаки.
3. Лексико-стилистические признаки. Количество слов и лексическое разнообразие.
4. Морфолого-синтаксические признаки. Ритм.
5. Коммуникативная тональность.
6. Графические, орфографические и пунктуационные признаки.
7. Психолингвистические признаки.

Параметры для проведения текстового анализа включают традиционные признаки, применяемые в автороведческих исследованиях, дополненные следующими характеристиками:

1. Количество слов и лексическое разнообразие, понимаемое как отношение количества уникальных слов текста к количеству всех слов текста. Параметры определяются с помощью ресурса «Текстометр» (https://textometr.ru).

Введение данных параметров в критерии анализа текста основывается на опыте многих лингвистов, отмечающих, что для сгенерированных текстов характерны «формально-языковые и содержательные повторы» [Осетрова, Седова 2025: 48].

2. Ритм текста, представленный как визуализация относительной длины предложений. Параметр позволяет на основе изменения длины предложений охарактеризовать текст как монотонный или динамичный. Он определяется с помощью «Сервиса проверки читабельности, ритма и параметров текста от Шардакова» (https://text.shardakov.com).

Введение параметра «ритм текста» обусловлено результатами исследований, в которых установлено, «что с точки зрения собственных лингвистических характеристик «естественные» тексты отличаются от сгенерированных преимущественно большей гибкостью синтаксической структуры, допускающей как пропуск или сокращение структур, так и избыточность, а также − большей лексической вариативностью» [Колмогорова, Марголина 2024: 73].

3. Коммуникативная тональность, понимаемая как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2008: 99].

Введение названного параметра обусловлено представлениями о нейросети как о «новом типе автора», имеющего постоянную коммуникативную тональность в отличие от реальной языковой личности, осуществляющей выбор тональности в зависимости от ситуации общения. Параметр «коммуникативная тональность» определяется в соответствии с классификацией В. И. Карасика.

4. Графические признаки текста, основанные на анализе использования эмотиконов в текстах виртуальной коммуникации.

В лингвистике установлено, что эмотиконы могут полностью, частично или совсем не соответствовать вербализованному тексту, а их использование «зависит от социальных, психологических черт, особенностей и установок лиц, вступающих в коммуникацию» [Дударева, Шпильная 2023: 99]. Это означает, что наличие/отсутствие эмотиконов, их выбор позволяет профилировать автора по тексту.

Анализ персонотекста

1. Смысловые признаки.

Тематическая направленность текста – сфера межличностных школьных отношений.

2. Текстологические признаки.

Текст написан в жанре пародийного новостного репортажа. Нарратив открывается как бытовая сенсация («Срочные новости, друзья!!»), затем трансформируется в социальную критику («Люди, очнитесь! Взгляните

на жестокий мир вокруг!») и завершается абсурдистским, иррациональным выводом («во всем виноваты кобчики»). Связь между композиционными блоками (новость – мораль – абсурд) осуществляется посредством эмоционально-ассоциативных переходов. Финальный твист о «кобчиках» представляет собой неожиданное изменение в повествовании о школьнике, побочную ассоциацию, не связанную с основной сюжетной линией.

3. Лексико-стилистические признаки. Лексическое разнообразие.

В тексте используются разнообразные стилистические пласты лексики: газетно-публицистическая («потерпевший», «безнаказанность», «жестокое заточение»), разговорная и просторечная лексика («парнишка», «выкарабкаться», «обезумевшая», «затолкала»). Сочетание стилей органично и служит формированию ироничного эффекта. Просторечия используются не как механическая замена нейтральных слов, а как способ создания неформальной коммуникации для «своих».

Коэффициент лексического разнообразия – 0,64. Это высокий показатель для текста из 278 слов, что демонстрирует богатый словарный запас автора, стремление создать качественный творческий продукт.

4. Морфолого-синтаксические признаки. Ритм.

В тексте часто употребляются вопросительные и побудительные предложения с глаголами в форме повелительного наклонения («очнитесь», «взгляните»), благодаря чему происходит вовлечение читателей в описываемую ситуацию. Наречия выражают пространственные и причинные значения («наружу», «вокруг», «своими», «только потом») и создают осязаемую картину происходящего. Характерно использование усилительных частиц («даже», «же», «всего лишь»), которые придают высказываниям модальность убеждения. Активно используются вводные слова и конструкции: они служат для создания интриги («по словам потерпевшего»), выражения неуверенности («хотя, возможно не все так просто...»), установления контакта с читателем («дорогие мои») и констатации («видно, что»).

В тексте чередуются длинные и короткие предложения, благодаря чему возникает динамичность ритма.

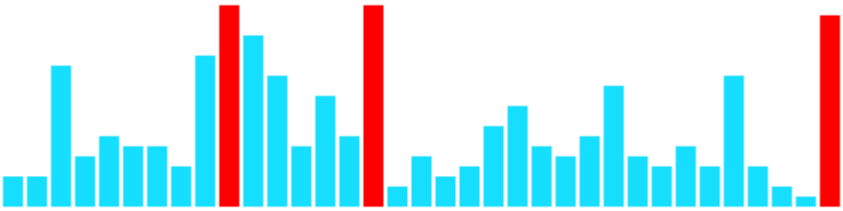

Рис. 1. Ритм персонотекста

5. Коммуникативная тональность.

Анализируемый текст имеет шутливую тональность – «несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами» [Карасик 2008: 100] в сочетании с фатической. Показателем названных тональностей является выбранный жанр для создания текста (пародийный новостной репортаж) и реализация названного жанра в языковом оформлении текста. Помимо уже представленных особенностей текста на лексическом и морфологическом уровнях отметим его фоносемантические признаки, благодаря которым также создается шутливая тональность. Анализ ключевых слов («школьник», «сообщница», «расческа», «жестокий», «кобчики»; «одноклассница», «парень», «виноватый», «выкарабкаться», «безнаказанность») показывает частотность фонемы [о], ассоциирующейся с идеей замкнутого пространства (заточение героя, его безвыходное положение), и фонемы [а], ассоциативно связанной с открытым пространством (счастливым избавлением героя от опасности).

6. Графические, орфографические и пунктуационные признаки.

В тексте имеются орфографические ошибки, связанные с написанием Н и НН в причастиях, правописание безударной гласной в корне слова. Допущена пунктуационная ошибка, связанная с пропуском запятой после употребления вводного слова. Имеется слово с пропущенной буквой «прочтеня» и слитное написание конструкции «очнитесьВзгляните».

Пунктуационной особенностью текста является эмоционально-экспрессивное использование восклицательных и вопросительных знаков препинания, проявляющееся в их дублировании. Многократные восклицания («друзья!!», «одноклассница!!») выступают средством интенсификации эмоций. Сочетание вопросительного и восклицательного знаков («Но кто тогда справа на фото?!») образует гибридный знак, передающий одновременно удивление и экспрессию. Многоточие («фото?..») используется для создания интригующей паузы и имитации устной речи.

В тексте имеется значительное количество разнообразных эмотиконов, которые усиливают шутливую эмоциональную тональность текста, соответствующую жанру пародийного новостного репортажа.

7. Психолингвистические признаки.

Для текста характерна эмоциональность речи, экзальтированность описания фантазийной ситуации. Проявлена не одна эмоция, а их сложный комплекс. Возбуждение и жалость к «бедному школьнику» сменяются гневом в адрес «обезумевшей» девушки и ее сообщницы, затем пафосным морализаторством, которое обесценивается абсурдным финалом.

Профилирование автора

На основе проведенного лингвистического анализа можно установить, что в тексте отражается языковая картина мира личности, имеющей следующие характеристики: пол – женский; возраст – молодой, с учетом школьной тематики, вероятно, автор – школьница старших классов; родной язык – русский.

Поскольку в тексте имеется множество внешне наблюдаемых деталей, обилие зрительных образов, можно сделать вывод, что по типу восприятия информации автор – визуал.

В тексте, несмотря на монологическую форму представления, заметно проявлена диалогичность (интенция привлечения внимания и вызова у читателей ярких эмоций, ритмизированность текста, экспрессия в использовании вопросительных и восклицательных конструкций), что дает основания сделать вывод об экстраверсии автора текста и, следовательно, о принадлежности к холерическому либо сангвиническому типам темперамента.

Анализ нейротекста

1. Смысловые признаки.

Тематическая направленность текста – сфера межличностных школьных отношений.

2. Текстологические признаки.

В заглавии обозначен жанр текста – «репортаж с места событий». Содержание текста в целом соответствует жанру, поскольку в нем имеется информация о месте («учебный корпус престижной гимназии города N») и времени описываемого события («время близилось к обеденному перерыву»), представлены портретные зарисовки героев (Анны, Елены и Максима), их прямая речь, присутствует автор-наблюдатель. Но поскольку репортаж как журналистский жанр должен выполнять воздействующую функцию, то от текста ожидается большая фактологичность, эмоциональность и динамичность. Завершает текст пафосное рассуждение о важности дружбы и понимания, напоминающее шаблонный вывод в школьном сочинении. Таким образом, наблюдается неполное соответствие заявленному жанру.

Текст четко разделен на содержательные блоки, обозначенные графическими символами ( ), каждый из которых выполняет свою функцию в нарративе: обозначение жанра («Репортаж с места событий»), места действия («школьный холл»), представление героев («Главные герои нашего сюжета»), описание события («Что же произошло?»), обобщение («Атмосфера школы», «Итог»). Композиционная структура строго соответствует схеме «введение – основная часть – заключение». Связь между предложениями осуществляется преимущественно за счет формально-логических средств (причинно-следственные связи, временная последовательность) и лексических повторов.

3. Лексико-стилистические признаки. Лексическое разнообразие.

Лексика текста характеризуется клишированностью и шаблонностью. Автор использует устойчивые, предсказуемые обороты, характерные для школьных сочинений и газетных репортажей: «настоящая драма человеческих эмоций и характеров», «поза говорила сама за себя», «весь мир обрушился на парня», «морально не готов к такому повороту событий», «жизнь шла своим чередом».

Общее количество слов – 378, коэффициент лексического разнообразия – 0,66, но при этом лексика относится к одной тематической группе «школьная дружба», отсутствуют неожиданные и яркие лексические единицы, наблюдается повторяемость ключевых слов («друг», «дружба», «поддержка»). Отсутствуют просторечные формы, разговорная лексика, иронические обороты. Текст стилистически нейтральный.

4. Морфолого-синтаксические признаки. Ритм.

Текст составлен от лица этикетного «мы» («Сегодня мы оказались свидетелями необычной сцены...»), что характерно для научного или официально-делового стиля. Публицистический стиль предполагает авторскую проявленность, выражение собственного взгляда, оценок и суждений.

Глаголы преимущественно используются в действительном залоге, но их употребление не создает эффекта динамичности: «оказались», «разворачивалась», «спешили», «привлекла», «сидела», «наблюдала», «находилась», «смотрела», «улыбнулась». Глаголы в повелительном наклонении отсутствуют, что снижает апеллятивную функцию текста и возможность вовлечения читателя в коммуникативное пространство. Наречия, имеющие пространственные и причинные значения («среди», «в центре», «слева», «справа», «вверх», «вокруг»), выполняют сугубо информативную функцию без эмоциональной окраски картины происходящего. Усилительные частицы практически отсутствуют. Повторы сравнительных конструкций со словами «казалось», «словно», «будто» создают модальность предположения, неуверенности, осторожности высказывания мнения. Обращает на себя внимание насыщенность текста причастиями и деепричастиями, что увеличивает длину предложений и создает монотонность. Автоматический анализ ритмичности текста показывает отсутствие ярко выраженных контрастов между предложениями. Длина предложений уменьшается только в случаях обозначения рубрик.

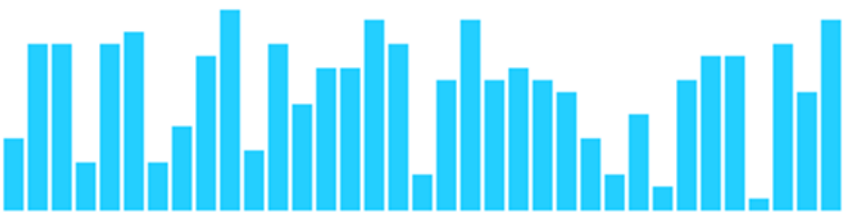

Рис. 2. Ритм нейротекста

5. Коммуникативная тональность.

В тексте реализуется информативная тональность – «серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него» [Карасик 2008: 100], которая проявляется в фиксации и перечислении действий героев.

6. Графические, орфографические и пунктуационные признаки.

Отсутствуют орфографические и пунктуационные ошибки, опечатки. Отсутствуют эмотиконы. Из графических знаков используется вертикальная черта (▌) для разделения текста на смысловые блоки.

7. Психолингвистические признаки.

Для анализируемого текста характерна неэмоциональность речи в целом, неуверенность в обозначении чувств и переживаний героев, наблюдается ожидаемость эмоций, к которым относится сочувствие к герою, уверенность в позитивном исходе, общий оптимистический настрой. Оценки событий носят предсказуемый, морализаторский, этически выверенный характер: «важны дружба и понимание», «самые сильные переживания можно преодолеть вместе», «школа – это место, где формируются настоящие человеческие отношения».

Профилирование LLM «ГигаЧат» по нейротексту

На основе проведенного лингвистического анализа можно установить, что в тексте отражается языковая картина мира LLM «ГигаЧат» как нейроязыковой «личности», имеющей следующие характеристики:

- гендерная деперсонализация; текст лишен прямой демонстрации гендерной проявленности через обозначение имени автора, грамматические конструкции, в которых категория гендера была бы точно обозначена. Пол автора можно определять только по косвенным указаниям, что является недостаточно убедительным;

- возрастная деперсонализация; текст лишен явной информации об авторе, он не обозначен ни как одноклассник, ни как друг или родственник героев ситуации, ни как журналист, пришедший в школу, чтобы подготовить репортаж.

Родной язык – русский, так как высок процент лексического разнообразия, отсутствует употребление слов в несвойственных значениях, нарушение грамматики и т. п.

Текст наполнен зрительными образами, которые получают аналитическое осмысление. Считаем, что наличие зрительных образов в сгенерированном тексте следует из промпта, направленного на продуцирование текста на основе визуального восприятия. Демонстрации анализа от «ГигаЧата» в промпте не требовалось, но оно нашло проявление, что свидетельствует о признаках дигитала.

Информативная тональность, композиционная структурированность (введение – основная часть – заключение), осложненность лексико-грамматических конструкций вводными словами, причастными и деепричастными оборотами, демонстрирующими детальность и аналитизм наблюдения и создающими монотонность изложения, отсутствие яркой эмоциональности, хотя описывается «настоящая драма человеческих эмоций и характеров», позволяет сделать вывод об интроверсии нейроязыковой «личности» «ГигаЧат» и, следовательно, о вероятной принадлежности коммуникативного стиля к флегматическому типу темперамента.

Заключение

Сопоставление полученных результатов свидетельствует о том, что использование традиционных автороведческих признаков, дополненных новыми данными (с указанием количества слов и коэффициента лексического разнообразия; коммуникативной тональности; ритма; графических признаков), позволяет отличить персонотекст, продуцированный реальной языковой личностью, от нейротекста, сгенерированного нейроязыковой «личностью».

Текстовые и смысловые признаки демонстрируют, что для персонотекста характерны содержательные отступления, побочные ассоциации, типичные для спонтанной естественной речи, индивидуальность композиции текста. Для нейротекста типично смысловое единство и формальное соответствие заявленному жанру, если это указано в промпте. Нейротекст строится в соответствии с классической трехчастной композицией: введение, основная часть, заключение.

Лексико-стилистическими признаками нейротекста являются шаблонность, клишированность, использование предсказуемых оборотов, ориентация на книжную нейтральную лексику. Для персонотекста характерна свободная комбинация слов разных функциональных стилей, авторская проявленность (пол, возраст, образование и т. д.) через лексику.

По результатам проведенного эксперимента нейротекст по количеству слов получился большего объема, чем персонотекст, что коррелирует с параметрами обстоятельного изложения фактов, построением сложных синтаксических конструкций, типичных для классических письменных текстов, но не для текстов виртуальной коммуникации с их стремлением к легкости и живости естественной речи. Параметр «лексическое разнообразие» показал, что для текста, продуцированного реальной языковой личностью, характерно политематическое разнообразие лексических единиц, у нейротекста лексическое разнообразие монотематично и обусловлено промптом.

Важным диагностическим признаком нейротекста в рассмотренном примере является намеренное присвоение героям вымышленных имен: Анна, Максим, Елена. Этот прием демонстрирует алгоритмическую стратегию имитации живой речи через создание иллюзии конкретности и достоверности. Для человека как автора фантазийного репортажа имена героев принципиально не нужны. Отсутствие имен в используемом жанре позволяет осуществить перенос реальной бытовой ситуации, ставшей поводом для фото, на фантазийную занимательную историю. Нейросеть генерирует имена участников описываемой ситуации как маркеры индивидуализации, не принимая во

внимание, что они незнакомы широкому кругу читателей. Это явление можно охарактеризовать как алгоритмическую гиперкомпенсацию: нейросеть создает избыточную конкретику там, где человек как автор использует обобщение или функциональное описание.

Персонотекст демонстрирует способность реальной языковой личности к самоиронии и деконструкции собственного пафоса, что является уникальной чертой человеческого сознания, его рефлексивной природы. Для нейротекста характерны высокопафосные глобальные рассуждения, философские выводы, не подкрепленные реальной конкретикой.

Морфолого-синтаксические признаки персонотекста демонстрируют авторскую интенцию вовлечения в коммуникативное пространство текста, что проявляется в диалогичности и ритмичности текста, использовании эмоционального синтаксиса. Разнообразие модальностей реализует признак живого, рефлексирующего автора, который не просто излагает факты, но и комментирует их, выражает свое отношение, сомневается и играет с читателем. Нейротекст отличается прямым порядком слов, полными грамматическими конструкциями, осложненными вводными словами, причастными и деепричастными оборотами, повторяемостью синтаксических конструкций, в результате чего текст становится монотонным.

С точки зрения коммуникативной тональности в нашем примере языковая личность использовала шутливую тональность с элементами фатической. Нейросеть «ГигаЧат» предпочитает информативную тональность, что соответствует ее проявлению как аналитической «личности».

По орфографическим и пунктуационным признакам LLM «ГигаЧат» проявляет нарочитую правильность. Отсутствуют даже опечатки и пропуски, характерные для естественной письменной речи. При генерации текста нейросеть не использовала эмотиконы, что нетипично для языковой личности. Пунктуационные знаки нейротекста выполняют смысловую функцию, их экспрессивно-эмоциональная нагрузка минимальна.

Сопоставление по психолингвистическим признакам обнаруживает, что эмоциональные проявления нейроязыковой «личности» сводятся к читательски ожидаемым. При описании ситуации, потенциально вызывающей эмпатию (школьник расстроен из-за плохой оценки), эмоциональная реакция «ГигаЧата» остается ровной, без признаков глубокого сопереживания, что характерно для алгоритма, следующего заданной моральной программе, а не человеческому спонтанному выражению эмоционального интеллекта. В персонотексте авторские эмоции проявляются ярко, многократно. Это заметно и при содержательном анализе текста, и при анализе его графического оформления.

Наблюдаемые текстовые различия позволили охарактеризовать LLM «ГигаЧат» как нейрозыковую «личность» с деперсонализированными гендерными и возрастными характеристиками, русскоязычную, имеющую дигитальный тип восприятия (с возможностью настройки на другой тип в зависимости от поставленной в промпте задачи) и обладающую коммуникативным стилем флегматика.

Литература

Голев Н. Д., Мельникова В. С., Напреенко Г. В. Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии» / Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 201–215. https://doi.org/10.17223/18137083/93/15.

Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Языковая картина мира как текстопорождающая категория (на материале сочинений по картине «Девочка с персиками» В. А. Серова) / Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 11-16.

Громова А. В. Признаки сгенерированных нейросетями текстов в аспекте криминалистического автороведения (на основе экспериментального исследования) / Теория и практика судебной экспертизы. – 2025. – Т. 20. – № 4. – С. 50–58. https://doi.org/10.30764/1819-2785-2025-4-50-58.

Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Диалог как текст, содержащий эмотиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения / Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 99-105. https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2718.

Карасик В. И. Коммуникативная тональность / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – №10. – С. 99–109.

Клушина Н. И. Автор, языковая личность и искусственный интеллект / Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2025. – № 2. – С. 20–31. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2.

Колмогорова А. В., Марголина А. В. Написанный vs сгенерированный текст: «естественность» как категория текстовая и психолингвистическая / Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2024. – Т. 10. – № 2. – С. 71–99. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2024-10-2-0-4.

Литвинова Т. А. Установление характеристик (профилирование) автора письменного текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (13). – С. 90–94.

Лягошина Т. В. Большие языковые модели: влияние на публичный дискурс и общество в целом / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 79. – С. 111–124. https://doi.org/10.17223/1998863X/79/11.

Микалефф Л. О. Лингвистика нейросетей как парадигма современной науки о языке / Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №1. – С. 467–469. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-1110-467-469.

Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная авторoведческая экспертиза: учебное пособие. М., 2022. URL: https://op.raj.ru/vpo/1027-moiseeva-t-f-ogorelkov-i-v-sudebnaya-avtorovedcheskaya-ekspertiza-uchebnoe-posobie?ysclid=mnb91139o7427605843

Осетрова Е. В., Седова А.В. Характеристики сгенерированного текста: языковой и социально-коммуникативный анализ / Сибирский филологический форум. – 2025. – №2 (31). – С. 45–55. https://doi.org/10.24412/2587-7844-2025-2-45-55.

Потапова Р. К., Курьянова И. В. Научно-исследовательская основа лингвокриминалистики и особенности портретирования «цифровой личности» / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 13 (868). – С. 56–61. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_13_868_56.

References

Golev, N. D., Melnikova, V. S., Napreenko, G. V. (2025). Russian legal text in the paradigm of “new variantology”. Siberian Philological Journal, 4, 201-215. DOI: 10.17223/18137083/93/15 (in Russian).

Golev, N. D., Shpilnaya, N. N. (2009). The linguistic picture of the world as a text-generating category (based on essays on the painting “Girl with Peaches” by V.A. Serov). Bulletin of Tomsk State University, 322, 11-16 (in Russian).

Gromova, A. V. Features of texts generated by neural networks in the aspect of forensic authorship (based on an experimental study) (2025). Theory and practice of forensic examination, 20, 4, 50-58. DOI: 10.30764/1819-2785-2025-4-50-58 (in Russian).

Dudareva, Ya. A., Shpilnaya, N. N. (2023). Dialogue as a text containing emoticons: a legal linguistic aspect of consideration. Jurislinguistics, 27, 99-105. DOI: 10.14258/leglin(2023)2718 (in Russian).

Karasik, V. I. (2008). Communicative tonality. Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 10, 99-109 (in Russian).

Klushina, N. I. (2025). Author, linguistic personality and artificial intelligence. Bulletin of Moscow University, 9, Philology, 2, 20-31. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2 (in Russian).

Kolmogorova, A. V., Margolina, A. V. (2024). Written vs. generated text: “naturalness” as a textual and psycholinguistic category. Research result. Issues of theoretical and applied linguistics, 10, 2, 71–99. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-2-0-4 (in English).

Litvinova, T. A. (2012). Establishing characteristics (profiling) of the author of a written text. Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2 (13), 90-94 (in Russian).

Lyagoshina, T. V. (2024). Large linguistic models: influence on public discourse and society as a whole. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 79, 111-124. DOI: 10.17223/1998863X/79/11 (in Russian).

Mikaleff, L. O. (2025). Linguistics of neural networks as a paradigm of modern language science. World of science, culture, education, 1, 467-469. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-467-469 (in Russian).

Moiseeva, T. F., Ogorelkov, I. V. (2022). Forensic authorship examination: a tutorial. Available from: https://op.raj.ru/vpo/1027-moiseeva-t-f-ogorelkov-i-v-sudebnaya-avtorovedcheskaya-ekspertiza-uchebnoe-posobie?ysclid=mnb91139o7427605843 (in Russian).

Osetrova, E. V., Sedova, A. V. (2025). Characteristics of the generated text: linguistic and socio-communicative analysis. Siberian Philological Forum, 2 (31), 45-55. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-45-55 (in Russian).

Potapova, R. K., Kuryanova, I. V. (2022). Research basis of forensic linguistics and features of portraying a “digital personality”. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (868), 56-61. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_13_868_56 (in Russian).

Citation:

Дударева Я. А., Воронько А. А. Персонотекст и нейротекст: критерии разграничения естественно-языковых и сгенерированных текстов на основе сопоставительного профилирования // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 50-59.

Dudareva Ya. A., Voronko A. A. (2026) Personatext and Neurotext: Criteria for Distinguishing between Natural Language and AI-Generated Texts Based on Comparative Profiling. Legal Linguistics, 41, 50-59.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 60-64, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4110

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ *УДК 81`33, ББК 81, ГРНТИ 16.31.02, Код ВАК 5.9.8*

Лингвистические аспекты авторoведческой диагностики

И. В. Огорелков

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5, стр.3, 125032, Москва, Россия. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы авторoведческого диагностического исследования текстов конфликтогенной направленности с целью установления обликовых характеристик автора (пола, возраста, профессии, маскировки письменной речи). Кратко описываются основные лингвистические признаки, в своей совокупности составляющие языковую модель речемыслительного навыка автора. Приводятся конкретные примеры авторoведческого диагностического исследования конфликтогенных текстов.

Ключевые слова: речемыслительный навык, авторoведческая диагностика, признаки письменной речи, облик автора конфликтогенного текста, маскировка письменной речи.

Linguistic Aspects of Authorship Studies

I. V. Ogorelkov

State Budgetary Institution of Moscow "Moscow Research Center"

5, bld.3 Nizhnyaya Syromyatnicheskaya str., 125032, Moscow, Russia. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

This article examines issues related to the authorship diagnostic analysis of conflict-prone texts to establish the author's profile characteristics (such as gender, age, profession, and the disguise of written speech). It briefly describes the key linguistic features that, taken together, constitute the linguistic model of the author's verbal and cognitive skills. Specific examples of authorship diagnostic analysis of conflict-prone texts are provided.

Key words: speech-thinking skill, authorship diagnostics, features of written speech, author profile in conflict-generating text, disguise of written speech.

Авторoведческая диагностика как самостоятельный вид экспертного криминалистического исследования в качестве научной основы опирается на систему знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, определяющих индивидуальность письменной речи, ее динамическую устойчивость и вариативность, и о методах установления авторства. Судебное авторoведение синтезирует в себе данные различных научных дисциплин: лингвистики, психологии, психолингвистики, теории коммуникации, социологии и ряда других наук, связанных с речевым поведением и закономерностями письменной речи.

Предметом авторoведческого исследования являются проявления так называемого речемыслительного навыка автора конфликтогенного текста. «Навык речи и мышления приобретается в процессе обучения соответствующим образцам и нормативам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения, и не имеет отношение к врожденным свойствам личности. Речемыслительный навык находит свое отражение в различных высказываниях или текстах: устных, рукописных, машинописных, печатных. В связи с этим объектом авторoведческого анализа, т. е. тем материалом, в котором навык проявляется и может быть изучен, является текст» [Огорелков 2020: 66].

Задачи авторoведческого исследования традиционно делятся на идентификационные и диагностические. Основной идентификационной задачей является установление автора письменного текста. В рамках этой задачи могут решаться также вопросы о выполнении нескольких текстов (их фрагментов) одним и тем же лицом. Диагностические задачи позволяют установить некоторые личностные характеристики: пол, возраст, уровень образования, родной язык, профессию или род занятий, маскировку письменной речи автора и ее конкретный вид.

Ранее авторoведческие диагностические задачи в основном решались на основе анализа смысловых и языковых структур, выявленных в исследуемых документах. Считалось, например, что экстремистская тематика, выступление от имени группы лиц, наличие высказываний угрожающего характера свойственны для письменной речи мужчин, а бытовая направленность текстов, эмоциональность суждений характерны для женщин.

Созданные во времена Советского Союза методические пособия [Вул 1977], [Грановский 1976], [Богин 1981] с большой степенью вероятности определяли возраст автора (на основе анализа ценностных ориентаций), уровень его образования, степень владения русским языком (который считался обязательным предметом в школьной программе любой советской республики), наличие или отсутствие психических отклонений от нормы.

С развитием интернет-технологий, расширением информационной базы современного русского языка, изменением политической ситуации в стране потребовалась основательная переработка традиционных авторoведческих методик и подходов. Был собран реальный массив текстов различной направленности (бытовые письма, листовки, жалобы, заявления, публицистические статьи, блоги – более 5000 текстов), проведен их комплексный авторoведческий анализ, выделены соответствующие признаки письменной речи, характерные для определенных социальных групп населения. При проведении лингвистического анализа подобных текстов выяснилось, что признаки некоторых социально-биографических характеристик (возраста, профессии, уровня образования) необходимо существенно перерабатывать и дополнять.

Решить задачу создания научно обоснованных и проверенных на практике принципиально новых по содержанию социально-биографических характеристик авторов анонимных документов удалось в кратчайшие сроки благодаря плодотворной работе научного коллектива экспертов-авторoведов [Моисеева, Огорелков 2021], [Огорелков 2024].

В настоящее время в процессе проведения диагностического авторoведческого исследования решаются следующие задачи:

– проводится систематизация признаков письменной речи, которые используются при определении социально-биографических характеристик автора исследуемого документа;

– выделяются параметры лингвостилистического и грамматического разбора анонимного текста;

– разрабатывается лингвистическая модель речемыслительного навыка автора анонимного документа;

– проводится дифференциация методов определения пола, возраста, профессии автора анонимного документа по степени их соответствия характеру объекта.

При авторoведческом исследовании анонимных документов различного объема и содержания (экстремистского, бытового, политического) проводится комплексное изучение текстов документов с единых методических позиций, в результате которого производится подробное описание исследуемого объекта по качественным лингвистическим характеристикам, построение лингвистической модели речемыслительного навыка автора анонимного документа. На основании лингвистического анализа признаков письменной речи автора анонимного документа (смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических), выявленных в результате диагностического авторoведческого исследования, с вероятностью до 90 % определяются пол и возраст автора анонимного документа.

В настоящее время к числу наиболее информативных лингвистических признаков, на основании которых эксперт-авторoвед определяет половозрастные характеристики автора конфликтогенного текста, относятся следующие:

– употребление нецензурных слов как простой замены нормативной лексики;

– употребление модальных слов, с помощью которых автор оценивает свое высказывание в целом или его части с точки зрения их отношения к объективной действительности;

– использование вводных слов, обстоятельств, дополнений, определений, выражающих различную степень неопределенности;

– употребление вместе с грубыми словами в адрес человека эпитетов, указывающих на физические недостатки, заболевания;

– эмоциональная окрашенность вульгаризмов, выражающаяся в акцентуации с помощью усилительных частиц, наречий, прилагательных;

– употребление оценочных слов, высказываний вместо называния лиц по имени или конкретного указания на объект;

– использование слов с суффиксами субъективной оценки, передающих различные оттенки чувств.

Проиллюстрируем вышесказанное примером из авторoведческой экспертной практики.

Текст № 1

Наш родной и любимый город Хабаровск испокон веков был открытым и гостеприимным, принимал добрых людей всех национальностей. Но в последнее время наш городок почти превратился в притон жителей Кавказских национальностей, цыган и уголовных элементов, которые организуются в группы и почти каждый день устраивают драки, издеваются над людишками, ведут себя нагло и хамски. Так гости себя не ведут. Вечерами многие боятся выйти из дома. Все это происходит некоторым образом при полном попустительстве милиции, она делает вид, что ничего не происходит, проедая тем не менее народные деньжата, которые народ платит ей за свое спокойствие.

Странно при этом и поведение администрации улучшающей благосостояние и количество работников милиции, а порядка становится все меньше и меньше. Русский народ – терпеливый народ, но сколько же можно терпеть!

Мы требуем от администрации района до 1 октября с.г. освободить город от вышеуказанных лиц и разобраться с поведением милиции. В противном случае, мы оставляем за собой право силового воздействия на данную категорию лиц.

Хватит шептаться и жаловаться за углами. Найдите в себе гражданское мужество, идите в администрацию, расскажите все.

Поддержите наши требования, помните Хабаровск наш город и здесь жить вашим детям и внукам.

В представленном авторoведческом диагностическом исследовании на основании анализа лингвистических признаков письменной речи автора (использование слов «людишки», «деньжата», «городок» с суффиксами

субъективной оценки, передающих различные оттенки чувств; использование вводных слов, обстоятельств, дополнений, определений, выражающих различную степень неопределенности, например «почти», «некоторым образом») было выявлено, что текст составлен женщиной пожилого возраста (60-65 лет).

Указанное исследование было использовано сотрудниками полиции для розыска и изобличения автора анонимного документа.

Достаточно часто в экспертной практике приходится иметь дело с маскировкой письменной речи автора исследуемого документа (в частности, имитацией авторства). Для того чтобы скрыть информацию о себе, автор анонимного документа прибегает к различного рода ухищрениям (делает специальные грамматические ошибки, дает неверную информацию о себе).

Разработанные лингвистические методы позволяют выявить и подробно описать подобные случаи маскировки письменной речи автора анонимного документа, а также (в некоторых случаях) восстановить его подлинный стиль.

Маскировка письменной речи – это осознанное изменение автором текста лингвистической и смысловой структуры своей письменной речи. «Основными целями речевой маскировки следует считать: 1) сокрытие от адресата и/или контрагента значимой информации об авторе; 2) предоставление адресату и/или контрагенту заведомо ложной информации о своей личности; 3) дискредитацию автора первичного текста путем создания нового (вторичного) текстового продукта на основе существующего текста» [Огорелков, Фролова, Мятлик 2024: 111].

В экспертной практике одним из наиболее ярких примеров использования данных методов является поимка автора анонимных обращений к органам власти г. Якутска.

Текст № 2

Юрий Николаевич! Расскажу Вам, как работают ваши подчиненные на Сибирской железной дороге. Начальник службы перевозок Гоцманов Д.Н. и его кадровик Артемьева О.Б. (его любовница) принимают к себе на работу только исключительно за взятки или своих родственников. Вечно опухший, с похмелья ходит. Сын Гоцманова наркоман, работая начальником поезда, перевозил наркотики в Якутск и требовал сексуальных услуг от проводников-женщин. Не дашь, на улицу пойдешь. Весь в папу. Сейчас пошел на повышение, но замашки остались прежние, злоупотребляет спиртным. Начальник отдела Зайцев И.В. постоянно сам занимается коммерцией и еще берет взятки за услуги по вагонам с коммерсантов и делится с начальником Гоцмановым Д.Н., раньше делился с Прокофьевым В.А.

Люди смотрят и думают, что все в управлении такие, значит и в Москве все продажные. А кто не борется с этим, значит, поощряет коррупцию. Президент призывает к борьбе с коррупцией.

Николай Мишин

В результате проведенного диагностического исследования было выявлено, что тексты составлены с имитацией авторства (документы от имени Мишина на самом деле были составлены женщиной) – данная информация стала решающей при проведении оперативно-разыскных мероприятий

Одним из существенных вопросов автороведческой диагностики продолжает оставаться вопрос определения возможной профессиональной принадлежности автора.

Если вспомнить времена Советского Союза, можно говорить о том, что тогда подобный вопрос решался значительно проще ввиду четкой стилевой регламентации профессиональной принадлежности автора текста документа.

Считалось, что владение деловым стилем речи, как правило, свойственно категории служащих; публицистическим стилем владеют журналисты и работники общественных организаций, научным стилем владеют ученые, ораторский стиль свойственен тем, кому по роду своей деятельности часто приходится делать устные публичные выступления перед аудиторией, разговорным стилем пишут работники физического труда, домохозяйки и дети.

В настоящее время, в связи с изменением политической и социальной обстановки в стране, с развитием сферы бизнеса, торговли, финансов, появилось множество новых профессий (менеджер, торговый представитель, предприниматель), для письменной речи представителей которых достаточно проблематично подобрать четкие речевые стилистические эквиваленты.

Поэтому основной акцент в вопросе определения профессиональной принадлежности автора документа делается на выявлении и комплексном анализе профессиональной терминологической лексики. В настоящее время ведется активная работа по составлению словарей профессиональных терминов (военная, финансовая, деловая лексика, канцеляризмы и т. д.), используются новейшие компьютерные программы (в частности, TextAnalyst).

Применение вышеуказанной программы на практике позволило существенно улучшить качество и результаты проводимых автороведческих исследований, позволило в большинстве экспертных дел максимально точно определять профессиональную принадлежность автора анонимного документа.

Так, в Саратове, рядом с железнодорожной станцией было найдено анонимное письмо экстремистского характера, с требованием выплаты крупной денежной суммы.

Текст № 3

С 20 ноября на территории области или России в любом удобном месте будут происходить крушения пассажирских поездов путем притягивания строго по ходу поезда на большой скорости предметов, гарантирующих сход любого состава с рельсов.

Чтобы этого не произошло нужно собрать к 20 ноября шестьсот купюр по 500 евро каждая и 300000 руб. по 5000 руб. Другие купюры нельзя. Также ни в коем случае их ничем не обрабатывать.

Получив инструкции он должен немедленно начать их выполнять. Он должен быть, слежка будет обнаружена по любому, передача денег срывается если: 1) вместо денег КУКЛА, 2) радиомаяк 3) деньги не все 4) они обработаны изотопами и ультрафиолетом 5) будет слежка 6) вы возьмете посредника который ничего не знает или за ним будет слежка 7) не выполните точно все дальнейшие инструкции.

Тогда передача срывается и происходит диверсия в ту же ночью.

В процессе проведения диагностического автороведческого исследования было установлено, что в тексте активно используется терминологическая профессиональная лексика, характерная для работников железнодорожного транспорта («крушения пассажирских поездов», «гарантирующий сход любого состава с рельсов», «строго по ходу поезда»).

Употребление данных лексических конструкций, по мнению эксперта, свидетельствовало о том, что автор анонимного документа работает на железнодорожном транспорте, что впоследствии позволило разработать и реализовать план поимки автора документа.

Абсолютно новым направлением в автороведческой диагностике можно считать исследование текстов ИИ. Массовое распространение новых компьютерных и информационных технологий в настоящее время выходит за рамки простого технологического прогресса, так как затрагивает существенные стороны человеческой личности, что проявляется и в трансформации ее языкового статуса.

Так, сегодня большие языковые модели или нейросетевые генераторы текстов обладают значительным потенциалом выполнения задачи по маскировке письменной речи автора, на релевантность реализации которой влияют в том числе следующие факторы:

– наличие конкретных образцов письменной речи автора текста, под которую модели необходимо «подстроиться»;

– составление корректного (с учетом качественных и количественных параметров) промпта – запроса, который задается модели с указанием задачи, роли и прочих деталей по выполнению маскировки письменной речи автора [Глазова, Лузгина, Пугачевский, Кочетова, Фейзулов, Чиж, Виноградов 2024];

– владение злоумышленником навыками промпт-инжиниринга.

Принимая во внимание вышеуказанные условия успешности использования ИИ-инструмента в целях выполнения маскировки письменной речи автора, нами было проведено экспериментальное исследование с использованием генеративной большой языковой модели GhatGPT 4.5.

В ходе проведения исследования языковой модели был задан промпт следующего содержания:

Сгенерируй текст от имени автора текста, а именно женщины старческого возраста, имеющей низкий уровень образования и профессию в области швейного дела. Продемонстрируй низкую степень владения орфографией, пунктуацией и грамматикой, соответствующую уровню образования автора текста.

В результате моделью был сгенерирован текст, включающий в себя все параметры сформированного запроса (промпта).

Текст № 4

Жизнь наша все ровно что ткань каждый день стежок за стежком. Я то с детства чай привыкла работать всегда в руках нитка да иголка. Тяжило бывало конечно но иначе не умею. Вспаминаю как раньше всё было: работали много но и радости свои находили.

Сейчас малодёжь всё шибко иначе делает. Малодёжь у нас другая сидят в своих гаджетах и думать не знают как это работать по настоящему. А мы всё вручную по старинке. Но знаешь своё дело любила всегда. Сесть за машинку взять материал и работа спорится. Каждому своё как говорится.

С годами всё труднее стало руки уже не те да и глаза подводят. Но ничего годков то много уже привыкла. Соседи памагают дети навещают. Внуки у меня хороши умные страсть радуют бабушку. Вот и живу потихоньку день за днём. Главное не унывать а там чай и всё остальное прибавится.

Как видно, результат решения языковой моделью задачи по маскировке письменной речи автора текста отличается высокой степенью релевантности: сгенерированный текст характеризуется не только структурно-семантической правильностью, когерентностью, отсутствием семантических аномалий, но и воплощает диагностически значимые характеристики идиостиля автора текста, описанного в промпте, о чем свидетельствует наличие жаргонизмов и просторечий на лексическом языковом уровне, орфографических и пунктуационных особенностей, элементов разговорно-обиходного функционального стиля в сгенерированном тексте.

Проведенное экспериментальное исследование свидетельствует о высоком технологическом потенциале генеративных языковых моделей при условии выполнения правил использования данных ИИ-инструментов, что требует дальнейшей научной разработки проблемы маскировки письменной речи автора, реализуемой посредством нейросетевой генерации текстов.

Основными перспективными направлениями развития диагностических автороведческих исследований являются следующие:

– создание новых тематических словарей русского языка на основе автоматизированной системы анализа текстов на русском языке «TextAnalyst»;

– создание информационных массивов текстов с различными видами маскировки письменной речи;

– объективизация оценки информативности выделенного комплекса признаков письменной речи;

– оценка сопоставимости особенностей письменной речи одного автора при использовании им различных стилей речи.

Таким образом, разработанный и апробированный в экспертной практике метод лингвистического анализа конфликтогенных материалов с целью выявления значимых социально-биографических характеристик автора позволяет успешно решать диагностические задачи в рамках автороведческих исследований анонимных и

псевдонимных документов.

Литература

Богин Г. И. Филологическая герменевтика. М., 1981.
Вул С. М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. М., 1977.
Глазова Л. И., Лузгина А. Д., Пугачевский А., Кочетова А. Н., Фейзулов Д., Чиж А. В., Виноградов М. Ю. Искусственный интеллект как эффективный инструмент коммуникаций / Российская школа связей с общественностью. – 2024. – № 33. – С. 48–65.
Грановский Г. Л. Использование признаков письменной речи в криминалистической экспертизе. М., 1976.
Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза. М., 2021.
Огорелков И. В. Особенности диагностического автороведческого исследования анонимного документа на основании признаков, характеризующих имитацию авторства / Русский язык за рубежом. – 2020. – № 1(278). – С. 66–69.
Огорелков И. В. Диагностика пола автора текста политического дискурса. М., 2024.
Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В. Речевая маскировка авторства в конфликтогенных материалах: лингвистические, правовые и психологические аспекты / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 115–127.

References

Bogin, G. I. (1981). Philological Hermeneutics. Moscow (in Russian).
Glazova, L. I., Luzgin, A. D., Pugachevsky, A., Kochetova, A. N., Feyzulov, D., Chizh, A.V., Vinogradov, M. Y. (2024). Artificial intelligence as an effective communication tool. The Russian School of Public Relations, 33, 48-65 (in Russian).
Granovsky, G. L. (1976). Use of Written Speech Features in Forensic Examination. Moscow (in Russian).
Moiseeva, T. F., Ogorelkov, I. V. (2021). Forensic Authorship Examination. Moscow (in Russian).
Ogorelkov, I. V. (2020). Features of Diagnostic Authorship Study of an Anonymous Document Based on Features Characterizing Imitation Authorship / Russian Language Abroad, 1 (278), 66-69 (in Russian).
Ogorelkov, I. V. (2024). Determining the Gender of the Author of a Political Discourse Text. Moscow (in Russian).
Ogorelkov, I. V. Frolova, Yu. A., Myatlik, T. V. (2024). Linguistic Masking of Authorship in Conflict-Inducing Materials: Linguistic, Legal, and Psychological Aspects / Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 19 (3), 115-127. Moscow (in Russian).
Vul, S. M. (1977). Theoretical and Methodological Issues in Forensic Research of Written Speech. Moscow (in Russian).

Citation:
Огорелков И. В. Лингвистические аспекты автороведческой диагностики // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 60-64.
Ogorelkov I. V. (2026) Linguistic Aspects of Authorship Studies. Legal Linguistics, 41, 60-64.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 65-71, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4111

ЯЗЫК И ПРАВО *УДК 811.161.1, ББК 81.411.2, ГРНТИ 16.21.33, Код ВАК 5.9.5*

Языковые особенности рассказа А. П. Чехова «Убийство» как средство раскрытия религиозно-правовой проблематики произведения

И. С. Кузнецова

Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (АНОО ВО «СИБИТ»)
ул. 24-я Северная, д. 196/1, 644116, Омск, Россия. E-mail: zaks_83@mail.ru

В статье анализируются языковые особенности криминального рассказа А. П. Чехова «Убийство», имеющие значение для понимания его проблематики, включающей в себя такие аспекты, как нравственный выбор и вина, истинная вера и псевдорелигия, влияние среды на личность, истоки преступления, наказание как морально-этическая и правовая категория. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к изучению произведения Чехова с целью выявления механизмов взаимодействия языка и смысла при раскрытии сложной религиозно-правовой проблематики. Анализ языковых средств, с помощью которых Чехов описывает этические и правовые вопросы, позволяет провести параллели с современными общественными и правовыми дискуссиями о границах свободы совести, природе преступления и роли института наказания. Сделан вывод о том, что основными средствами раскрытия художественной идеи писателя являются антитеза, семантика имен собственных, лексические повторы, прием ретроспекции, речевые характеристики персонажей, включающие просторечную и религиозную лексику, элементы речевой агрессии, различные коммуникативные стратегии и тактики, символика заглавия и отдельных образов.

Уникальность идиостиля писателя заключается в сочетании разнообразных средств языка, композиционных особенностей произведения, психологической глубины в раскрытии внутреннего мира героев. Отмечено, что отсутствие прямой авторской оценки и открытый финал рассказа позволяют читателю самостоятельно интерпретировать соотношение амбивалентных понятий, таких как «преступление», «суд», «наказание», «вина».

Ключевые слова: криминальный рассказ, преступление, речевая характеристика героя, религиозная лексика, семантика имен, символика.

Linguistic Features of Anton Chekhov's Short Story «The Murder» as a Means of Revealing the Religious and Legal Issues of the Work

I. S. Kuznetsova

Siberian Institute of Business and Information Technology
24 North St.196/1, Omsk, Russia. E-mail: zaks_83@mail.ru

The article analyzes the linguistic features of A. P. Chekhov's crime story «Murder», which are important for understanding its themes, including moral choices and guilt, true faith and pseudo-religion, the influence of the environment on the individual, the origins of crime, and punishment as a moral, ethical, and legal category. The relevance of this research lies in the need for a comprehensive approach to studying Chekhov's work in order to identify the mechanisms of language and meaning in the context of complex religious and legal issues. The analysis of the linguistic means used by Chekhov to describe ethical and legal issues allows us to draw parallels with contemporary social and legal discussions about the boundaries of freedom of conscience, the nature of crime, and the role of the institution of punishment. It is concluded that the main means of revealing the writer's artistic idea are antithesis, the semantics of proper names, lexical repetitions, the technique of retrospective, the speech characteristics of characters that include colloquial and religious vocabulary, elements of verbal aggression, various communicative strategies and tactics, and the symbolism of the title and individual characters.

The uniqueness of the writer's idiostyle lies in the combination of various linguistic means, the compositional features of the work, and the psychological depth in revealing the inner world of the characters. It is noted that the absence of direct

authorial assessment and the open ending of the story allow the reader to independently interpret the relationship between ambivalent concepts such as «crime», «trial», «punishment, «guilt».

Key words: criminal story, crime, character speech characteristics, religious vocabulary, name semantics, symbolism.

Введение

Многогранность творческой личности А. П. Чехова заключается не только в сочетании нескольких профессиональных направленностей, таких как медицина, литература (проза и драматургия), юриспруденция, общественная деятельность, но и в глубине психологического анализа, тонком юморе и реалистичном изображении жизни простых людей. Творчество Чехова представляет собой уникальный синтез литературного таланта, медицинского опыта и глубокого понимания человеческой природы. Многомодельность мировоззрения писателя находит отражение в рассказах и повестях 1890-х годов, в основе которых лежит криминальный сюжет или имеются отсылки к нему. Достаточно внушительный список «криминальных» произведениях Чехова[1] свидетельствует о том, что рассказ «Убийство», опубликованный им в журнале «Русская мысль» в 1895 году, можно рассматривать как особое произведение, имеющее ряд отличительных характеристик. Писатель отходит от традиционных канонов детективного жанра, сосредотачиваясь и на самом факте убийства, и на внутреннем мире героев, их мотивах и нравственных конфликтах. В рассказе «Убийство» А. П. Чехов демонстрирует не только мастерство построения криминального сюжета, знание правовых аспектов своего времени, но и владение языковыми средствами, которые позволяют ему передать психологическую глубину и социальную обусловленность преступления.

При выявлении языковых особенностей криминального рассказа Чехова «Убийство» использовались общенаучные методы анализа, обобщения и систематизации материала, а также специальные лингвистические методы: описательный с элементами компонентного анализа, контекстный анализ. Материалом исследования послужил текст произведения.

Рассказ Чехова как объект изучения в большей степени привлекает внимание исследователей-литературоведов. Проанализированы мотивы убийства и судебной ошибки [Долотова 1974], рассмотрены «сахалинские мотивы» [Проваторова 2010; Гедзюк 2021] и архетипический мотив хаоса в рассказе [Синякова 2019], мотивы рока и фантастики в прозе писателя на примере исследуемого произведения [Парфенов 2014]. Религиозный контекст рассказа представлен в работах К. А. Лукьяненко [Лукьяненко 2017] (понятие «гиперрелигиозность» и ее последствия), А. И. Жаровой [Жарова 2019] (духовная жизнь героев, убийство как грех), К. Юрачек [Юрачек 2024] (библейские аллюзии, помогающие понять специфику новой веры главного героя). В последней работе дается краткий обзор точек зрения ученых по вопросам приобретения героем новой веры, трансформации его мировоззрения. В работе С. Г. Павлова рассказ «Убийство» анализируется с позиции лингвогерменевтики через апелляцию к идеологеме «Святая Русь» [Павлов 2022]. На примере исследуемого произведения в статье Н. В. Капустина рассмотрены черты авторской поэтики [Капустин 2022].

Обзор научных трудов, посвященных рассказу Чехова, показывает необходимость его изучения в лингвистическом аспекте для выявления специфики языковых средств, способствующих раскрытию религиозно-правовой проблематики произведения. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе языковых особенностей рассказа на стыке лингвистики, литературоведения, юриспруденции и религиоведения. В отличие от традиционных подходов, где языковые средства рассматриваются изолированно или в контексте стилистики, данная работа выявляет, как лексические, синтаксические и другие особенности текста (например, использование библейских аллюзий, юридической терминологии, диалогической структуры) формируют у читателя представление о моральных и правовых дилеммах, а также о религиозном контексте преступления и наказания.

Авторские размышления о вере, противоречивые взгляды героев на религию, описание преступления, совершенного верующими людьми, реалистичная картина жизни каторжан на острове Сахалин – все это делает рассказ Чехова особым произведением в его творчестве.

Результаты и обсуждение

Произведение «Убийство» состоит из семи частей, сам автор определял его жанровую специфику как рассказ. В его основе лежит криминальный сюжет, развивающийся постепенно, связанный с размышлениями Чехова о вере в Бога: «Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно… Нужно жить, а значит и молиться так, как угодно Богу…» (Чехов URL). Однако если человек утрачивает веру или сомневается в ней, то он теряет почву под ногами, попадает в круговорот событий, которым сложно противостоять.

Начало рассказа вводит читателя в мир Матвея Терехова – двоюродного брата Якова Ивановича Терехова. Основа жизни Матвея – вера в Бога, посещение церкви, соблюдение законов религии. Повествование первой части строится на антитезе: радость и удовольствие от службы в канун Благовещения сменяются унынием и печалью героя об одной мысли о возвращении в родительский дом. Общая атмосфера отчужденности и эмоционального одиночества пронизывает существование главных героев рассказа. Недовольство друг другом, непонимание, душевная глухота постепенно перерастают в ненависть. По словам Матвея, в их семье «никакого спокойствия, день-деньской шум, брань, нечистота…» (Чехов URL). Усилению одиночества способствует описание трактира, половину нижнего этажа которого занимала семья Тереховых, во дворе «было грязно даже летом; здесь в грязи лежали громадные, жирные

[1] «Случай из судебной практики» (1883), «Верба» (1883), «Вор» (1883), «Шведская спичка» (1884), «Драма на охоте» (1884), «Мертвое тело» (1885), «Злоумышленник» (1885), «Следователь» (1887), «В суде» (1887), «Спать хочется» (1888), «Пари» (1888), «Бабы» (1891), «Мужики» (1897), «В овраге» (1900) и др.

свиньи и бродили без привязи лошади» (Чехов URL). Отдаленность от «большого» мира сказалась на характерах хозяев, неласковых и жадных.

Пейзажные зарисовки, на фоне которых происходит действие рассказа, подготавливают читателя к трагическим событиям. Вой метели и ветра, темнота, пустота являются отражением «тоски медленно текущей жизни» (Чехов URL). Чехов мастерски показал зависимость психологического состояния героев от природной стихии: «Погода располагала и к скуке, и к ссорам, и к ненависти…» (Чехов URL). Конструкция нанизывания однородных членов предложения с усилением главного признака – ритмический повтор, создает ощущение безысходности. Взаимное раздражение героев нарастает, предвосхищая трагическую развязку.

Особое значение в лингвистическом аспекте имеет семантика имен главных героев рассказа. Все они взаимосвязаны и выбраны писателем неслучайно. Имя Яков имеет библейские корни. В буквальном переводе с иврита оно означает «следующий по пятам» и связано с библейской историей о рождении сына Исаака и Ревекки. В разных культурах это имя имеет свою интерпретацию. Например, в еврейской традиции ассоциируется со стойкостью и мудростью, что вполне отражает черты характера персонажа произведения Чехова. В христианстве имя Яков связывают с идеями служения и смирения, известно, что одним из учеников Иисуса Христа был Яков (Иаков). Исследователи отмечают, что в имени старшего брата прослеживаются интертекстуальные связи с Ветхим Заветом (история братьев Исавы и Иакова) [Юрачек 2024: 68]. Имя главного героя – Матвей – происходит от древнееврейского слова, означающего в переводе «Божий человек», «дарованный Богом». Разногласия между братьями в вопросах веры и миропорядка в целом станут основой главного события рассказа – испытания убийством Матвея, через которое Яков приобретет новую веру и попытается переосмыслить свою прежнюю жизнь.

Семантика имени Аглая восходит к древнегреческим корням и может рассматриваться как символ света и чистоты. В христианской религии имя Аглая не является каноническим, оно отсутствует также в православном календаре. Имя Аглая было широко распространено в России в XIX веке и стало популярным у классиков русской литературы (не только у Чехова, но и Ф. М. Достоевского). При описании образа Аглаи Чехов также использует прием антитезы: «Когда она говорила с Матвеем или в трактире подавала мужикам чай, это была тощая, остроглазая, злая старуха, в молельной же лицо у нее было чистое, умиленное, сама она как-то вся молодела, манерно приседала и даже складывала сердечком губы» (Чехов URL). В одном предложении писатель тонко подмечает двойственность человеческой природы, умение перевоплощаться в зависимости от ситуации. Имя Дарья персидского происхождения, обозначающее «владеющую добром». В старославянской традиции это имя понимается как «дарованная Богом». В рассказе Чехова героиня названа по-детски Дашуткой. Она молода, ей 18 лет, не образована и в интеллектуальном плане не развита.

Обращает на себя внимание еще одна деталь в произведении Чехова: прозвище рода Тереховых – Богомоловы. В нем выразилась набожность семьи в восприятии окружающих, следование законам религии. Однако писатель подчеркивает, что Тереховы «были склонны к мечтаниям и к колебаниям в вере, и почти каждое поколение веровало как-нибудь особенно» (Чехов URL). Это уточнение отчасти объясняет поведение и Матвея, и Якова. По мере взросления Матвей начинает сомневаться в праведности священнослужителей («не по уставу живут»), в правильности служения в церквях и истинности народной веры. Свой грех он определит как гордыню, которая явилась причиной обустройства собственной молельной. После грехопадения («впал я в блуд») и тяжелой болезни Матвей приходит к осознанию необходимости быть «обыкновенным человеком», веровать как все. Яков стремится во всем к «известному порядку»: «Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно, из года в год, изо дня в день в известном порядке, чтобы каждое утро и каждый вечер человек обращался к Богу именно с теми словами и мыслями, какие приличны данному дню и часу», «по уставу» (Чехов URL). Этому порядку мешает появление в его доме Матвея. Разногласия в вопросах веры и нежелание героев слышать друг друга постепенно разрушают веру Якова, после долгих размышлений он придет к выводу о том, что у окружающих его людей «нет никакой веры и что это их нисколько не беспокоит», вследствие чего «жизнь стала казаться ему странною, безумною и беспросветною, как у собаки…» (Чехов URL).

Другой лингвистической особенностью рассказа Чехова, раскрывающей его религиозно-правовую проблематику, является прием лексического повтора. Фраза Матвея о покаянии, обращенная к брату, в тексте повторяется пять раз, сам герой в беседе с буфетчиком признается в каждодневном «наставлении» Якова («Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!»). Исследователи отмечают повторяющиеся образы метели, снега и ветра, упоминания о бесах, повторы слова «казалось» и его семантики, воспоминания героев о прошлом (что *было*) [Капустин 2022]. Поэтика воспоминаний Матвея и Якова в произведении и отрывки из этих воспоминаний выступают в роли семантических «скреп» сюжета. Для Матвея основу счастливых воспоминаний составили служение Богу в юношестве, аскетический образ жизни, которого он строго придерживался. Для Якова – это жизнь в родительском доме по лично установленным правилам до появления Матвея. В тексте рассказа также несколько раз повторяется упоминание о страшном звере, которым ощущает себя Яков до совершения убийства, и бесах, преследующих его: «ему начинало казаться, что на голове и на плечах у него сидят бесы», «…что-то давило ему голову и плечи, будто сидели на них бесы, и ему казалось, что это ходит не он, а какой-то зверь, громадный, страшный зверь…» (4 часть, Чехов URL).

Как и во многих рассказах, в «Убийстве» автор использует диалоги, которые помогают раскрыть внутренний мир персонажей и мотивы их поступков. Включение диалогов в основной текст произведения делает повествование живым и динамичным. Через речь героев Чехов передает их эмоции и переживания, углубляя понимание психологии каждого из персонажей. Нужно отметить, что специфика диалогов Чехова заключается в эмоциональной

глухоте героев, они говорят о своем, не вникая в речь собеседника. Так, например, рассказ Матвея об устройстве своей молельни, о грехах и болезни не вызывают у слушающих сочувствия. В ответ буфетчик ничего не говорит Матвею, а жандарм рассуждает о богатстве Якова (2 часть). Подчеркнем, что в диалогах фразы второстепенных героев короткие, отрывистые (высказывания Дашутки в первой части, жандарма – во второй части). Речь Матвея, напротив, отличается полнотой, развернутыми описаниями и рассуждениями и представляет собой монологи. Речь Матвея состоит из сложных предложений, включающих однородные и уточняющие члены, вводные слова и конструкции, а также императивы. В монологах Матвея встречаются элементы диалогичности («и должен я вам заметить», «надо нам заметить», обращения к буфетчику – «Сергей Никанорыч», к буфетчику и жандарму – «судари мои»).

Язык персонажей соответствует их социальному статусу и образованию, речь героев наполнена просторечиями и религиозной лексикой. Просторечия в высказываниях чеховских героев служат средством их характеристики, передачи социального статуса, психологии и бытовой среды, в которой тот или иной герой развивается как носитель языка. С одной стороны просторечия в высказываниях героев рассказа демонстрируют их неграмотность, эмоционально-экспрессивное поведение наряду с агрессивными речевыми формами, с другой – отражают живую, динамичную сторону языка, его социальную стратификацию. Кроме того, прием включения просторечий в живую речь героев произведения позволил Чехову передать колорит той эпохи, раскрыть мировосприятие простых людей. Так, например, в высказываниях Матвея можно отметить следующие просторечия: «леригия» (литературный вариант – «религия»), «скоромное» (литературный вариант – «скромная пища»), «лутшею» (литературный вариант – «лучшею»), «прызнательность» (литературный вариант – «признательность»), «книгы» (литературный вариант – «книги»). В речи буфетчика Сергея Никанорыча встречаются такие примеры, как «огромадное» (литературный вариант – «огромное»), «не зевали» (в значении не «бездельничали»). Короткие фразы Дашутки включают слова «свистить» (литературный вариант – «свистит»), «надысь» (литературный вариант – «на днях, недавно»).

Религиозная лексика представлена церковно-славянскими заимствованиями («апостол», «псаломщик», «говеть», «постное масло», «образа», «всенощная», «киот», «аналой», «риза», «кадильница», «псалтирь»), бытовой религиозной лексикой («молиться», «поститься», «богоотступник», «еретик»), устойчивыми выражениями («истинный свет», «люта смерть», «божья воля»), заимствованиями из других языков («ладан»). Однако религиозная лексика в речи Матвея, Аглаи, Якова часто звучит механически, без глубокого понимания смысла, на фоне бытовых конфликтов. Матвей цитирует церковные тексты («прежде смирись с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой», «глас вопиющего в пустыне»), но его вера сводится к внешним обрядам, а не к нравственному содержанию. Чехов показывает, как религиозные понятия искажаются в сознании простых людей, превращаясь в суеверия или инструмент манипуляции. Интерес представляет эпизод, в котором Яков вспоминает евангельские слова о верблюде. Они соотносятся с известным выражением из Евангелия: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (от Матфея (19:24), Марка (10:25), Луки (18:25). По словам К. Юрачек, «библейский текст вписывается в отношения Матвея и Якова, выходя за рамки семейной истории и индивидуальной судьбы и поднимая общие вопросы межличностных отношений и иерархии ценностей» [Юрачек 2024: 71]. Таким образом, религиозная лексика в рассказе Чехова является не столько частью словесного полотна произведения, сколько выполняет функцию катализатора нравственного развития героев, побуждая их к осмыслению совести, вины и морального выбора в критических ситуациях.

В отдельных фразах главных действующих лиц можно отметить элементы речевой агрессии, предшествующей агрессии физической – убийству. Так, Аглая называет «чужой гадюкой» сожительницу Матвея, угрожает ему: «Я б тебя разорвала, лядащий!», посылает проклятия: «...будь она трижды анафема проклята, дьяволица...», Яков в гневе гонит брата из дома: «Вон из моего дома сию минуту!... Уходи, дьявол!» (Чехов URL). Речь Аглаи наполнена грубыми, оскорбительными словами (гадюка, заводская кобыла, дьяволица, лядащий, заводский жеребец (о Матвее)), что противоречит образу верующего человека, для которого неприемлемы конфликты, открытые столкновения и яркое проявление гнева. Высказывания героини содержат прямые угрозы не только в адрес Матвея, но и женщины, с которой у него была связь («чтоб ей светлого дня не дождаться»). Объединяя в одной фразе угрозу, выраженную в пожелании смерти другому человеку, и религиозную лексику (светлыми днями в христианстве называют дни первой недели после Пасхи – Светлую седмицу), Чехов показывает, как человеком овладевает ненависть, разрушая его нравственные устои и веру в Бога. Согласимся с мнением исследователей о том, что рассказ «Убийство» написан «не о религии как таковой, а о *поведении* людей, верующих по-разному, об их неспособности согласовать собственные убеждения с уважением к человеку. По Чехову, и вера, и безверие, если они приобретают агрессивный характер, нарушают нравственные законы существования» [Долотова 1974].

В исследуемом произведении Чехова герои используют различные коммуникативные стратегии и тактики. Так, например, буфетчик Сергей Никанорыч в диалоге с Матвеем использует стратегию уговора, направленную на достижении цели при сохранении единства интересов обеих сторон (кооперативная стратегия). По характеру функционирования в момент коммуникации данную стратегию можно обозначить как прямую, непосредственно направленную на адресата. Буфетчиком использованы тактики побуждения (занять деньги), обещания (выплачивать проценты), однако они не имели результата. Обратим внимание на то, что в рассказе Чехова в большинстве случаев героями использованы конфронтационные стратегии и связанные с ними тактики. Это обусловлено разными взглядами на вопросы веры и личной неприязнью. В качестве примера можно привести диалог двух братьев, в котором Матвей просит Якова дать ему лошадь для поездки в Веденяпино (4 часть). Эту просьбу Матвей озвучивает во время молитвы брата, не понимая, что мешает ему и только усиливает раздражение. Его коммуникативное намерение в данной ситуации – достижение собственной цели без учета интересов других людей. Конфронтация интересов усиливается при упоминании Матвеем общего имущества и невозможности им распоряжаться. В целях

избежания очередного конфликта Яков применяет тактику умолчания, не дав ответ на вопрос о лошади и имуществе. В свою очередь Матвей ежедневно и неоднократно по отношению к брату применяет тактику обвинения, разоблачая «неправильную» веру брата и наставляя его на путь истинный. Но ключевым, на наш взгляд, становится диалог героев перед совершением убийства (5 часть). Он так же, как и предыдущие диалоги, строится на столкновении взглядов героев. Причиной разногласий явилась просьба Матвея добавить в еду постного масла. Реплика писателя «со злорадной улыбкой, очевидно, довольная, что он такой грешник» свидетельствует о том, что Аглая, выставляя бутылку с маслом на стол, провоцирует брата. Конфликт разгорается с большей силой: Яков в гневе кричит на брата, тот делает вид, что не слышит. Основу диалога составляют восклицательные односоставные предложения с использованием императивов и обращений, включена также религиозная лексика, оскорбления в религиозном контексте (дьявол, богоотступник, еретик). По мнению одного из исследователей творчества Чехова, в своем рассказе «писатель пытается ответить на вопрос: когда, в какой момент в человеке, решившимся на убийство, наступает духовный надлом и обесценивается чужая жизнь. И не важно, верующий человек или безбожник – он в любом случае нарушает не только светский, но и нравственный закон» [Яшин 2017: 170].

Значение в контексте всего произведения получает его заглавие – «Убийство». Почему произведение названо именно «Убийство»? Не «Несчастный случай», «Смерть» или «Семейная драма»? Выбор данного слова писателем не так прост, как кажется на первый взгляд. Значение слова «убийство» напрямую связано с понятиями «мотив» и «наказание» в правовом аспекте. Ни одно из криминальных произведений Чехова в отличие от рассматриваемого в заголовке не имеет прямого указания на самое страшное преступление, которое может совершить человек, – лишение жизни другого человека. Этимологически существительное «убийство» восходит к древнерусскому глаголу «убити», оно образовано добавлением суффикса -ств-, придающего слову значение процесса или состояния. Изначально слово использовалось преимущественно в юридических документах и церковнославянских текстах, постепенно закрепившись в разговорной речи и литературе. В словаре В. И. Даля существительное «убийство» находится в гнезде многозначного глагола «убивать», который произошел от праславянского «бити»; означает «убиение человека, смертоубийство, умерщвление, лишение кого жизни, как преступление» (Даль 1991, Т. 4: 457).

С правовой точки зрения конфликт возникает на почве семейной ссоры, спровоцированной религиозными разногласиями. В ходе потасовки между братьями, когда старший из них, Яков, пытается вытащить из-за стола Матвея, сестра Якова наносит удар Матвею по голове бутылкой с постным маслом. Делает она это потому, что «Аглае показалось, что это он хочет бить Якова» (Чехов URL). Для читателя остается неясным: был ли жив в данный момент Матвей или он потерял сознание от удара. Свидетели (Дашутка и Сергей Никанорыч) и участники сцены (Яков и Аглая) не предпринимают попыток спасти Матвея, оказать первую помощь. Напротив, Яков указывает Аглае на утюг: «Яков, тяжело дыша… несколько раз (это он помнил очень хорошо) указал Аглае пальцем на утюг, и только когда полилась по его рукам кровь… понял, что произошло» (Чехов URL).

В исследуемом произведении Чехов впервые изобразил преступление, совершенное группой лиц. Согласно ч. 1 ст. 35 действующего УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц, если два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего. Следуя сюжетной линии рассказа, изначально герои не имели умысла причинить вред другому лицу, предварительно не договаривались друг с другом. Однако в ходе семейного конфликта этот умысел появляется, совершается особо тяжкое преступление. Описанный Чеховым эпизод убийства в рамках современного законодательства может быть рассмотрен по ст. 105 ч. 2 (ж).

В сцене убийства писатель использует символические образы и элементы. Убийство совершается в Страстной (Великий) понедельник, который считается первым днем Страстной седмицы. В этот день церковный устав предписывает совершение богослужений в честь памяти земной жизни Иисуса Христа и событий, предшествовавших его страданиям. Кроме того, в Страстной понедельник показано сухоядение – употребление невареной пищи, без растительного масла. Именно поэтому бутылка с постным маслом, которой Аглая совершает первый удар по голове Матвея, является символом церковного обряда и может быть рассмотрена в философско-религиозном аспекте как символ сочетания священного и греховного. Символичен и белый платок Аглаи, «забрызганный кровью» Матвея. В христианстве белый цвет ассоциируется с чистотой, непорочностью и святостью, сопровождает начало пасхального богослужения, символизирует свет Воскресения. Кровь может символизировать ветхозаветные жертвы, которые приносили в честь Пасхи (к примеру, пасхального агнца). Образ Матвея в этом ключе можно ассоциировать с идеей жертвенности, искупления и мессианской надежды: через соучастие в убийстве двоюродного брата Яков приобретает настоящую веру, смысл которой он раскроет, находясь на каторге в заключении. Линия жизни Матвея, описываемая Чеховым особыми языковыми средствами, при более детальном анализе соотносится с жизнью святого-мученика. Основные эпизоды из жизни Матвея – безоблачное детство и юность, отказ от земных благ и строгие посты, устройство собственной молельни, грехопадение, тяжелая болезнь и страдания, возвращение в родительский дом, попытки облагоразумить брата – подтверждают это предположение.

Итак, в простом и лаконичном заглавии произведения Чехова отражена идея нарушения одной из заповедей Христа. Писатель впервые изобразил преступление, спровоцированное религиозными разногласиями и открытым конфликтом между родными людьми. Убийство, совершенное во время Пасхи – периода воскресения и духовного обновления, – становится гротеском, сочетанием резких контрастов святого и демонического. Конфликт Матвея и Якова ассоциативно отсылает читателя к сюжету из Книги Бытия (Быт. 4: 1-16) о Каине и Авеле. История первого убийства в истории человечества станет архетипом для многих литературных, философских произведений, в том числе и для рассказа Чехова. Кроме того, заглавие произведения может быть рассмотрено как юридический термин,

который предусматривает умышленную форму вины, причинение смерти человеку (не иному субъекту), причинно-следственную связь и противоправность деяния. Следовательно, вынося в заглавие слово «убийство», Чехов тем самым акцентирует внимание на правовом аспекте: это преступление всегда связано с насильственным лишением жизни человека и предусматривает ответственность в виде наказания.

Рассказ Чехова подробно описывает не только события, предшествующие убийству, и само преступление, но и арест, нахождение героев в остроге 11 месяцев и, самое главное, вид наказания для каждого из четырех участников преступления. По решению суда «все четверо были признаны виновными в убийстве с корыстною целью. Яков Иваныч был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Аглая – на тринадцать с половиной, Сергей Никанорыч – на десять, Дашутка – на шесть» (Чехов URL). В заключительной части произведения на примере Воеводской тюрьмы на Сахалине, «самой неприглядной и суровой из всех сахалинских тюрем» писатель показал изнутри уголовно-исправительную систему того времени. Не вызывает сомнений тот факт, что основу рассказа составили впечатления Чехова от поездки на остров Сахалин. Материал, собранный им в одноименной книге, помог писателю открыть новые грани тем преступления и наказания, усложнить проблематику криминального сюжета и утвердить его взгляды на отечественную правовую систему как писателя-гуманиста. Именно в заключительной части рассказа писатель предпринимает попытку ответить на вопрос о том, что происходит с осужденным после вынесения приговора во время его нахождения на каторге.

Пребывание на каторге заставляет Якова переосмыслить свою прежнюю жизнь и веру, на которой строился его миропорядок. Однако его тревожат мысли не о содеянном (смерть брата), а тоска по родине и размышления о цене «новой» веры: Якову «…было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого», ему «…хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от погибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день» (Чехов URL). Путь к истине через страдания приводит Якова к *со*страданию, то есть готовности испытывать и преодолевать трудности вместе с другим человеком, взять на себя часть его непосильной ноши. В толковом словаре Даля существительное «страдание» находится в гнезде глагола «страдать» – «биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться; терпеть боль; скорбеть, тосковать, болеть душою, нравственно; терпеть убытки, теряться, лишаться чего; приходить в упадок, быть под гнетом» (Даль 1991, Т. 4: 334) и связано с глаголами «трудиться», «работать». По Далю «сострадать» означает «переносить муки сообща», а слово «страдание» имеет синонимы «сострастие, сочувствие, симпатия» (Даль 1991, Т. 4: 280).

Таким образом, заключительная часть произведения Чехова раскрывает сложную внутреннюю эволюцию одного из героев – Якова Терехова – и поднимает вопросы нравственного обновления, веры и моральной ответственности за свои поступки.

Заключение

В ходе комплексного анализа рассказа Чехова приходим к следующим выводам. В умении изображать ключевые моменты в жизни героев, используя определенные языковые средства, заключается уникальность мастерства Чехова. Антитеза, семантика имен собственных, лексические повторы, прием ретроспекции, речевые характеристики персонажей, включающие просторечную и религиозную лексику, элементы речевой агрессии, различные коммуникативные стратегии и тактики, символика заглавия и отдельных образов – все эти языковые особенности направлены на раскрытие религиозно-правовой проблематики произведения. Отсутствие прямой авторской оценки позволяет читателю самостоятельно интерпретировать заключительную часть рассказа. Открытый финал заставляет задуматься о природе вины, о грани, разделяющей нравственное и относящееся к религии, от преступного, противоречащего природе человека.

Произведение Чехова показывает трагический конфликт между фанатичной верой и человеческой природой. Вина Якова носит не столько юридический характер, сколько экзистенциальный. Он обречен на вечное внутреннее мучение, которое гораздо страшнее любой каторжной работы. Несмотря на это, герой мечтает вернуться на родину, где процветает, по его мнению, «…темнота, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул» (Чехов URL). Героем движет желание с помощью новой веры, приобретенной им на каторге, сделать мир лучше. Однако общество способно лишь зафиксировать факт преступления и вынести приговор, оно бессильно понять или измерить глубину той духовной катастрофы, которая произошла с человеком. Финал рассказа перекликается с библейскими мотивами покаяния и искупления, но Чехов оставляет открытым вопрос: является ли это истинным духовным прозрением или лишь следствием обстоятельств.

Список источников

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4.

Чехов А. П. Убийство. URL: https://azbyka.ru/fiction/ubijstvo/

Литература

Гедзюк Е. А. «Сахалинский» текст в рассказе А. П. Чехова «Убийство»: особенности сюжетики и характерологии / История и современность филологических наук: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения. В 2 томах. Т. 2. М., 2021. С. 74-80.

Долотова Л. М. Мотив и произведение («Рассказ старшего садовника», «Убийство») / В творческой лаборатории Чехова. 1974. URL: https://a-chehov.ru/publikacii/v-tvorcheskoj-laboratorii-chehova

Жарова А. И. В ракурсе духовного измерения: о рассказе А. П. Чехова «Убийство» / Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение: сборник статей региональной конференции (Екатеринбург, 24-25 октября 2019 года). Екатеринбург, 2019. С. 121-125.

Капустин Н. В. «Убийство» как чеховский рассказ / Два века русской классики. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 150-165. DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165

Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») / Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. – вып. 1. – С. 32-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39

Павлов С. Г. Свет Святой Руси в рассказе А. П. Чехова «Убийство»: опыт лингвистической герменевтики / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 11. – С. 95-102.

Парфенов А. И. Фантастика и рок в прозе А. П. Чехова (на материале повести «Три года» и рассказа «Убийство») / Вестник Литературного института имени А. М. Горького. – 2014. – № 4. – С. 86-93.

Проваторова О. Н. «Сахалинские» мотивы в рассказе А. П. Чехова «Убийство» / Вестник ОГУ. – 2010. – № 17 (ноябрь). – С. 21-26.

Синякова Л. Н. Архетипический мотив хаоса в сюжетной структуре повести А. П. Чехова «Убийство» / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 9. – С. 169-175. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Юрачек К. Библейские параллели в чеховском рассказе «Убийство» / Slavica, 53. – 2024. – С. 63-74. DOI: 10.31034/053.2024.06

Яшин А. Н. Тема преступления, наказания и правосудия в воззрении и творчестве А. П. Чехова / Тенденции и перспективы решения проблем государства и права: сборник статей Международной научно-практической конференции (16 сентября 2017 г., г. Омск). Уфа, 2017. С. 168-171.

References

Dolotova, L. M. (1974). Motive and work (“The Story of the Chief Gardener”, “The Murder”). In Chekhov's creative laboratory. Available from: https://a-chehov.ru/publikacii/v-tvorcheskoj-laboratorii-chehova (in Russian).

Gedzyuk, E. A. (2021). The “Sakhalin” Text in Anton Chekhov's Story “The Murder”: Features of Plot and Characterology. History and Modernity of Philological Sciences: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XVI Vinogradov Readings International Scientific Conference. In 2 volumes, vol. 2, Moscow, 74-80 (in Russian).

Kapustin, N. V. (2022). “Murder” as a Chekhov Story. Two centuries of Russian classics, 4, 2, 150-165. DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165 (in Russian).

Lukyanenko, K. A. (2017). The Riskogenic Potential of Hyperreligion (Based on Chekhov's Short Story “The Murder”). Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 17, 1, 32-39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39 (in Russian).

Parfenov, A. I. (2014). Science Fiction and Rock in the Prose of Anton Chekhov (Based on the Novella “Three Years” and the Short Story “Murder”). Vestnik of Gorky literary institute, 4, 86-93 (in Russian).

Pavlov, S. G. (2022). The Light of Holy Russia in Anton Chekhov's Short Story “The Murder”: An Attempt at Linguistic Hermeneutics. Modern Humanities Success, 11, 95-102 (in Russian).

Provatorova, O. N. (2010). “Sakhalin” Motifs in Anton Chekhov's Short Story “The Murder”. Vestnik Orenburg State University, 17 (November), 21-26 (in Russian).

Sinyakova, L. N. (2019). The archetypal motif of chaos in the plot structure of Chekhov's short story “The Murder”. Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya, 18, 9, 169-175. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-9-169-175

Yashin, A. N. (2017). The theme of crime, punishment, and justice in the views and works of Anton Chekhov. Trends and Prospects for Solving State and Legal Issues: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference (September 16, 2017, Omsk). Ufa, 168-171 (in Russian).

Yurachek, K. (2024). Biblical Parallels in Chekhov's Short Story “The Murder”. Slavica, 53, 63-74. DOI: 10.31034/053.2024.06 (in Hungary).

Zharova, A. I. (2019). From the perspective of the spiritual dimension: A. P. Chekhov's short story “The Murder”. Theology in the Scientific and Educational Space: Religion, Culture, and Education: Collection of Articles from the Regional Conference (Yekaterinburg, October 24-25, 2019). Ekaterinburg, 121-125 (in Russian)

Citation:

Кузнецова И. С. Языковые особенности рассказа А. П Чехова «Убийство» как средство раскрытия религиозно-правовой проблематики произведения // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 65-71.

Kuznetsova I. S. (2026) Linguistic Features of Anton Chekhov's Short Story «The Murder» as a Means of Revealing the Religious and Legal Issues of the Work. Legal Linguistics, 41, 65-71.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 72-76, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4112

ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКА *УДК 81'373:81'42, ББК 81:67, ГРНТИ 16.21.27, Код ВАК 5.9.5*

Особенности репрезентации концепта «*свобода*» в повседневном и юридическом дискурсе (на материале русского и английского языков)

О. В. Дудурич

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

ул. А. Невского, 14, 236041, Калининград, Россия. E-mail: olvdudurich@kantiana.ru

В работе рассматриваются особенности репрезентации концепта «свобода» в английском и русском языках в юридическом и повседневном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания языковых механизмов, обеспечивающих различную интерпретацию близких по значению лексем freedom и liberty в англоязычной правовой традиции и их влияние на представления о свободе в русскоязычном коммуникативном пространстве. Цель исследования: описание механизмов трансформации значения лексемы «свобода» под влиянием англо-американской правовой культуры. В ходе анализа обосновывается, что, несмотря на сходство значений, английские лексемы различаются на концептуальном уровне (freedom как обозначение личной автономии и liberty как знак юридических гарантий). Установлено, что выбор той или иной лексемы в юридических текстах Великобритании и США обусловлен дискурсивной спецификой и прагматическими задачами коммуникации. Особую значимость в процессе юридизации лексем получают устойчивые сочетания формы множественного числа слова с определяющими его прилагательными (public liberties, civil liberties). В русскоязычных текстах периода глобализации в качестве основных механизмов трансляции новых подходов к пониманию свободы выступают семантические кальки. Их активное включение в пространство правовых документов приводит к сближению представлений о свободе личности как правовой категории. Калькирование сочетания freedom of choice («свобода выбора») воспроизводит англоязычный паттерн понимания свободы как потребительского комфорта и индивидуальной ответственности за принимаемые решения. Методология исследования опирается на теории семантической деривации, лексической юридизации и межъязыкового влияния. В качестве основных методов используются дефиниционный, контекстуальный и сопоставительный анализ. Эмпирическую базу составили данные толковых словарей, тексты юридических документов, медиаматериалов и корпусов русского и английского языков. Делается вывод о трансформации семантики слова «свобода»: в юридическом дискурсе свобода выступает в качестве термина, определяющего пределы институциональных гарантий, тогда как в повседневном дискурсе формируется новое ценностное понимание личностных свобод.

Ключевые слова: концепт «свобода», юридический дискурс, повседневный дискурс, семантика, freedom/liberty.

Specifics of the Concept «Freedom» Representation in Everyday and Legal Discourse (with Reference to the Russian and English Languages)

O. V. Dudurich

Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevsky Street, 236041, Kaliningrad, Russia. E-mail: olvdudurich@kantiana.ru

The paper examines the specific features of the representation of the concept of «свобода» in the English and Russian languages across legal and everyday discourses. The significance of the study stems from the need to describe the linguistic mechanisms that facilitate distinct interpretations of the closely related lexemes freedom and liberty within the Anglophone legal tradition, as well as their influence on the perception of freedom in the Russian-speaking communicative environment. The purpose of the study is to describe the mechanisms of transformation in the meaning of the Russian lexeme «свобода» (freedom) under the influence of Anglo-American legal culture. The analysis demonstrates that despite their semantic similarities, the English lexemes differ at the conceptual level: freedom denotes personal autonomy, while liberty signifies

legal guarantees. The research revealed that the choice of a particular lexeme in UK and US legal texts is determined by discursive specifics and pragmatic communicative goals. Fixed collocations of the plural form with defining adjectives (public liberties, civil liberties) acquire particular significance in the process of the legalization of these lexemes. In Russian-language texts of the globalization era, semantic calques serve as the primary mechanisms for promotion of new approaches to understanding freedom. Their active integration into legal documents leads to a convergence of ideas regarding personal freedom as a legal category. Specifically, the calquing of the phrase freedom of choice («свобода выбора») reproduces the English pattern of understanding freedom as consumer comfort and individual responsibility for decision-making. The research methodology is based on the theories of semantic derivation, juridification of the lexicon, and cross-linguistic influence. The primary methods employed include definitional, contextual, and comparative analysis. The empirical foundation comprises data from explanatory dictionaries, legal documents, media materials, and Russian and English language corpora. The study concludes that the semantics of the word «свобода» is undergoing transformation: in legal discourse "freedom" functions as a term defining the limits of institutional guarantees, while in everyday discourse, a new value-based understanding of personal freedoms is emerging.

Key words: concept of «freedom», legal discourse, everyday discourse, semantics, freedom/liberty.

Введение

Изменения в значении и употреблении лексемы *свобода* в юридическом и повседневном дискурсе современных российских СМИ обусловлены во многом воздействием английских лексических коррелятов – *freedom* и *liberty*. Несмотря на общее денотативное ядро, данные существительные имеют отличительные особенности как на концептуальном уровне, так и в организации синтагматических связей и прагматических контекстов. Вхождение России в начале 90-х гг. в пространство правовой глобализации нашло свое непосредственное отражение в способах функционирования слова *свобода* в текстах юридической направленности и в медиадискурсе в целом. Цель работы: выявление системных лингвистических факторов, обусловивших изменения в концепте *свобода*, механизмы его введения в тексты юридических документов, а также другие области современных дискурсивных практик.

Методологический аппарат исследования базируется на концептуальных положениях теории семантической деривации [Зализняк 2001; Шкапенко, Ваулина 2021], принципах анализа межъязыкового влияния [Григорьева 2021] и семантического калькирования [Горбов 2015], а также англосемантизации [Шкапенко, Милявская 2017]. В работе применяются методы дефиниционного, контекстуального, лингвокультурологического и сопоставительного анализа.

Эмпирическую базу исследования составили данные толковых словарей русского и английского языков, а также материалы современного сетевого дискурса. Сопоставительный анализ лексикографических источников и актуальной речевой практики в интернет-пространстве позволил зафиксировать динамику трансформаций в репрезентации концепта «свобода» и выявить специфику его функционирования в повседневной и юридической сферах.

Результаты исследования

Репрезентация концепта *свобода* в английском языке

В английской лингвокультуре концепт «свобода» репрезентируется лексической оппозицией *freedom* и *liberty*. В рамках лингвокультурологической парадигмы А. Вежбицкой данные единицы рассматриваются как этноспецифические феномены, инкорпорирующие культурно детерминированную «точку зрения» на природу волеизъявления субъекта.

Ключевое различие между анализируемыми лексемами заключается в их семантических особенностях. Для *freedom* характерна так называемая «негативная» интенция: она интерпретируется как возможность индивида воздерживаться от нежелательных действий или реализовывать собственные намерения без вмешательства извне. Подобное осмысление, по мнению ученого, коррелирует с фундаментальной установкой англосаксонской культуры – идеалом «ненавязывания» (non-imposition). В данной системе координат свобода не тождественна абсолютной партикулярной воле, поскольку предел реализации интенций одного субъекта полагается точкой соприкосновения с интересами другого. Принцип «ненавязывания» функционирует как институционализированный механизм, гарантирующий члену социума неприкосновенную сферу автономии. А. Вежбицкая эксплицирует данную культурную установку через следующую ментальную репрезентацию: «Может быть, я не могу делать что-то, что я хочу, но, по крайней мере, никто другой не помешает мне делать то, что я хочу и на что имею право» [Вежбицкая 2001: 223].

Что касается *liberty*, в семантике этого слова, согласно наблюдениям А. Вежбицкой, изначально была заложена идея борьбы против рабства и угнетения. Поскольку выполнение данной задачи западной цивилизацией считается завершенным, значение слова *liberty* подверглось сужению: оно «стало специализироваться на «общественных правах», то есть на правах общественных групп, гарантируемых соответствующими политическими структурами» [Вежбицкая 2001: 225]. Таким образом, сущность концепта *свобода* определяется через структурное бинарное противопоставление состояний свободы и несвободы.

Лексема *liberties* (свободы) является концептуально значимой для основополагающих правовых актов США. Данное понятие широко представлено в «Билле о правах» (первых десяти поправках к Конституции), определяющем базовые гарантии личности, а также в самой Конституции и в ряде законодательных актов, таких как «Законы о личной свободе» (*Personal Liberty Laws*). Указанные документы направлены на институциональную защиту гражданских прав и свобод от неправомерного государственного вмешательства.

С точки зрения историко-правового анализа необходимо проводить четкую демаркацию между двумя

одноименными документами, принадлежащими к англосаксонской правовой семье:

1) английский Билль (*Bill of Rights*) о правах 1689 года (англ. *An Act declaring the Rights and Liberties of the Subjectand Settling the Succession of the Crown – Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование Короны*) является фундаментальным элементом британской неписаной конституции. Его юридическая природа заключается в переходе от абсолютизма к конституционной монархии, где полномочия суверена ограничиваются в пользу парламента, а права и свободы подданных декларируются как неотъемлемые условия легитимного правления. Документ послужил историческим прецедентом и идеологическим фундаментом для развития концепции верховенства права;

2) американский Билль о правах (1791 г.) представляет собой первые десять поправок к Конституции США. В отличие от английского прототипа, его юридический контекст ориентирован на жесткое ограничение полномочий федерального правительства в интересах штатов и отдельных граждан. Здесь права и свободы концептуализируются не просто как «права подданных», а как естественные, неотчуждаемые права человека, защищаемые судебной системой от любых законодательных или исполнительных посягательств. Несмотря на ограниченную частотность употребления термина *liberties* непосредственно в основном тексте, смысловой вектор документа задается Преамбулой. В ней провозглашается цель обеспечения «благ свободы» (*the Blessings of Liberty*) для современников и потомков.

Таким образом, если английский документ 1689 года заложил институциональные основы ограничения власти, то американская правовая традиция трансформировала эти идеи в систему гарантированных гражданских свобод, адаптировав их к республиканской форме правления.

В правовом дискурсе США семантика *liberties* находится в состоянии эквиполентности с понятием *rights*. Традиционная формула «права и свободы» на английском языке передается как *rights and freedoms* либо *rights and liberties*. При этом термин *rights* преимущественно относится к юридически закрепленным нормам, в то время как *freedoms* и *liberties* охватывают более широкую категорию автономии личности и отсутствие необоснованных ограничений. Это находит отражение в устойчивых конструкциях, таких как: *Human rights and fundamental freedoms* (‘права человека и основные свободы’); *individual rights and liberties* (‘права и свободы индивида’).

Использование термина *liberties* в текстах различной функциональной направленности иллюстрирует многогранность этого понятия:

1) в контексте гражданской активности и защиты правового статуса личности: *Many citizens join picket activities to advocate for their rights and liberties* (‘Многие граждане присоединяются к пикетам, чтобы защищать свои права и свободы’);

2) в рамках анализа исторических и сословных преференций: *It was a significant political problem, especially for the guilds, because in their view, it was a severe encroachment on their corporate liberties* (‘Это была существенная политическая проблема, особенно для сообществ [гильдий], поскольку, по их мнению, это было серьезным посягательством на их корпоративные свободы’);

3) в военно-политическом и освободительном дискурсе: *They rose in order to fight for their own rights, liberties, and land* (‘Они поднялись, чтобы бороться за свои права, свободы и землю’).

Вместе с тем употребление слова *liberties* характерно не только для правового дискурса, но и для повседневной речи, где слово подвергается идиоматизации в составе устойчивого сочетания *to take liberties – He doesn't allow staff members to take liberties, such as calling clients by their first names* (‘Он не позволяет сотрудникам злоупотреблять правилами [допускать вольности], например обращаться к клиентам по имени’). Заметим, что идентичное приращение смысла характерно и для русского существительного *вольности*, которое первоначально функционировало в документах официально-делового и государственно-правового характера (например, в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года, закреплявшей сословные права), однако впоследствии стало обозначать выход за рамки этикета, излишнюю фамильярность или неоправданную свободу в поведении.

Таким образом, функциональный диапазон лексемы *liberties* охватывает как строго регламентированную сферу государственного права, так и область межличностных отношений, при этом в обоих случаях сохраняя концептуальное ядро, связанное с границами дозволенного поведения.

Функционирование лексемы *свобода* в юридическом дискурсе современного русского языка

Существительное *свобода* прошло длительный исторический путь от выражения онтологического понятия «возможности действовать по своей воле» (Даль 2006: 151) до его использования как юридического термина. Окончательно процесс юридизации лексемы оформился в период правовой глобализации, с начала 90-х гг. прошлого столетия. Языковыми средствами англосемантизации концепта явились, в первую очередь, плюрализация формы существительного *свобода* (*свободы*) в результате калькирования английских сочетаний *civil liberties, personal liberties, political liberties, economic liberties* и т. п. (CD), например: *Many citizens join picket activities to advocate for their rights and liberties* (‘Многие граждане присоединяются к пикетам, чтобы защищать свои права и свободы’); *It was a significant political problem, especially for the guilds, because in their view, it was a severe encroachment on their corporate liberties* (‘Это была существенная политическая проблема, особенно для сообществ, поскольку, по их мнению, это было серьезным посягательством на их корпоративные свободы’) (COCA) и т. п.

Отметим, что множественное число слова *liberty* означает свободу (как право, гарантированное законом), и, в зависимости от контекста, это могут быть «гражданские свободы», «личные свободы» (*personal liberties*) или «злоупотребления» (*liberties taken*). Например: *The state should not be allowed to infringe upon personal liberties without a compelling reason* (‘государству не должно быть позволено посягать на личные свободы без веских на то оснований’); *He's the sort of man who takes liberties with women* (‘он из тех мужчин, что позволяют себе лишнее/вольности

в обращении с женщинами') (BNC).

Таким образом, слово *свобода* из абстрактной, экзистенциальной категории превратилось в правовую, экономическую – маркированную именно формой множественного числа, которая является способом конкретизации понятия *свободы*, переводя его из общей категории в ряд конкретных проявлений.

С другой стороны, *свобода* – это еще и возможность самоопределения личности, имеющая определенные границы. Правовые нормы устанавливают правила игры, чтобы *свобода* одного не нарушала *свободу* другого, а также обеспечивают социальный порядок и стабильность. Как отмечает А. В. Корнев: «Именно субъективное право абсолютно верно связывается со свободой, ибо это мера свободы» [Корнев 2015: 113].

Воздействие представлений о свободе как правовой категории в рамках англо-американской лингвокультуры обусловило ряд модификаций в концептуальном содержании русского концепта *свобода*.

В русском языковом сознании понятие *свобода* тяготеет к философско-онтологическому осмыслению как внутреннему состояния духа. По наблюдениям А. Д. Шмелева, русская «свобода» исторически противопоставлена «воле» и несет в себе высокую ценностную нагрузку [Шмелев 2002: 93]. Однако под влиянием английского *freedom* происходит инструментализация понятия: семантический сдвиг от категории «состояния» к категории «ресурса». Это находит отражение в росте частотности падежно-предложных конструкций по модели *freedom from* (свобода от чего-либо), например: *«Новая цифровая реальность гарантирует свободу от посредников» (РБК); «Для него свобода была не синонимом воли, а осознанной необходимостью в духе европейской традиции» (Новое время)* (НКРЯ). В русском узусе такая трактовка десакрализует концепт, превращая его в технический маркер отсутствия препятствий или «рыночную автономию» [Копылова 2020: 195].

Лексема *liberty*, в отличие от *freedom*, этимологически сопряжена с институционально закрепленным статусом. В российском дискурсе «свобода» все чаще функционирует в значениях, эквивалентных английскому *civil liberties*. Морфологическим маркером этой трансформации является переход лексемы в разряд конкретно-исчисляемых существительных, например: *«Власти обязаны защищать наши базовые свободы» (Коммерсантъ); «Защита фундаментальных свобод граждан становится ключевым пунктом повестки правозащитных организаций» (Коммерсантъ)* (НКРЯ); *«The bill of rights protects our fundamental liberties»* (COCA).

Формирование устойчивых сочетаний во множественном числе (*«пакет свобод», «перечень свобод»)* воспроизводит семантическую структуру английского *liberties*. Как указывала Н. Д. Арутюнова, такая «множественность» превращает идею в объект обладания или обмена [Арутюнова 1999: 439]. Свобода интерпретируется как «набор опций», подлежащих правовому регулированию [Иванова 2023: 48].

Итогом описанных процессов становится постепенное замещение традиционного противопоставления «свобода vs. воля» западной моделью «*свобода как правовой инструмент*». В академической среде конструкции типа «академические свободы» (калька с *academic freedom*) маркируют право на автономное функционирование институций, утрачивая связь с этической категорией «вольнодумства».

В маркетинговом и лайфстайл-дискурсах клише «свобода выбора» (когнитивный эквивалент сочетания *freedom of choice*) воспроизводит англоязычный паттерн понимания свободы как потребительского комфорта и индивидуальной ответственности за принятое решение. Например: *«Потребительская свобода превращается в ловушку: избыточный ассортимент навязывает человеку постоянную тиранию выбора» (Psychologies Russia); «Настоящая свобода всегда сопряжена с риском ошибки, это тяжелая ноша индивидуальной ответственности»* (НКРЯ).

Анализ частотности в НКРЯ за 2000–2024 гг. подтверждает семантические преобразования концепта «свобода» под влиянием англоязычных моделей, проявляющуюся в росте исчисляемости (увеличение частоты множественного числа на 18–22 %), доминировании коллокации «*свобода выбора*» и увеличении конструкций «свобода от» (в 1,5 раза) в публицистике (НКРЯ). Данные тенденции свидетельствуют о переходе концепта из категории абстрактного состояния в дискретный юридический и прагматизированный экономический объект.

Таким образом, влияние иноязычных моделей реализуется через механизмы семантической специализации (юридизации) и концептуального обогащения. В современном русском языке наблюдается функционально-стилистическая дифференциация лексемы. Она мигрирует из категории абстрактных философских универсалий (реализуемых в контекстах типа «свобода как познанная необходимость») и общеупотребительных единиц («свобода от опеки») в строго регламентированную правовую категорию.

Данный процесс терминологизации окончательно закреплен в тексте Конституции РФ, где «свобода» (совести, вероисповедания и др.) выступает в качестве юридического денотата с фиксированным содержанием. Дальнейшая конкретизация лексемы осуществляется в рамках судебно-правового дискурса (решения Конституционного Суда РФ), в рамках которого интерпретация термина опирается на нормы международного права, что подтверждает статус «свободы» как бинарного регистра: широкого абстрактного понятия в обыденной речи и узкоспециального термина в официальной юриспруденции.

Заключение

Выполненный анализ позволяет заключить, что существительное *свобода* в современном русском языке претерпевает глубокую семантическую ревизию. Под воздействием англоязычной экспансии (англосемантизации) происходит вытеснение исконных смыслов, связанных с внутренней независимостью и экзистенциальным поиском, прагматическими компонентами западного либерального дискурса [Петрова 2022: 48]. В результате семантика лексемы аккумулирует англо-американские когнитивные сценарии *freedom* (как отсутствие внешних барьеров) и *liberty* (как юридический актив), что свидетельствует о существенных изменениях в русском правовом и культурном сознании.

Список источников

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: https://ruscorpora.ru.
British National Corpus (BNC). URL: https://ox.ac.uk/.
Cambridge Dictionary (CD). URL: https://dictionary.cambridge.org/.
Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: https://english-corpora.org/.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М, 2001.
Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX-XXI веков / Вопросы языкознания. – 2015. – №1. – С. 87–101.

Григорьева Т. В. Семантическая деривация под влиянием иноязычных образцов как фактор трансформации языковой картины мира / Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 412–418.
Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
Иванова Е. В. Трансформация политического дискурса в зеркале англо-русской интерференции / Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 45–54.
Копылова Т. Р. Динамика концепта «свобода» в современном медиадискурсе / Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып. 2. – С. 191–198.
Корнев А. В. Свобода, право и закон в контексте правопонимания / LexRussica (Русский закон). – 2015. – № 11. – С. 109–120.
Петрова Н. Е. Динамические процессы в лексике и фразеологии современного русского языка. М., 2022.
Шкапенко Т. М., *Ваулина С. С.* Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. – Т. 20. – № 6. – С. 158-169.
Шкапенко Т. М., *Милявская Н. Б.* Понятие англосемантизма в теории заимствований: к постановке проблемы / Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2017. – № 9(43).
Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М, 2002.

References

Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka: a monograph. Moscow (in Russian).
Gorbov, A. A. (2015). On the issue of semantic calquing and "secondary borrowing" in the Russian language at the turn of the XX-XXI centuries. Issues of Linguistics, 1, 87-101 (in Russian).
Grigor'eva, T. V. (2021). Semantic derivation under the influence of foreign language patterns as a factor in the transformation of the linguistic picture of the world. Bulletin of the Bashkir University, 26(2), 412–418 (in Russian).
Ivanova, E. V. (2023). Transformation of political discourse in the mirror of English-Russian interference. Political Linguistics, 1(97), 45–54 (in Russian).
Kopylova, T. R. (2020). Dynamics of the "freedom" concept in modern media discourse. Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology, 30(2), 191–198 (in Russian).
Kornev, A. V. (2015). Freedom, right and law in the context of legal understanding. LexRussica (Russian Law), 11, 109–120 (in Russian).
Petrova, N. E. (2022). Dynamic processes in the vocabulary and phraseology of the modern Russian language. Moscow (in Russian).
Shkapenko, T. M., Milyavskaya, N. B. (2017). The concept of anglo-semantism in the theory of borrowings: to the statement of the problem. Universum: Philology and Art History: electron. scientific. journ., 9(43) (in Russian).
Shkapenko, T. M., Vaulina, S. S. (2021). The role of context in the process of semantic transformations of a lexical unit. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(6), 158-169 (in Russian).
Shmelev, A. D. (2002). Russian linguistic model of the world: Materials for the dictionary. Moscow (in Russian).
Vezhbitskaya, A. (2001). Understanding cultures through key words: a monograph. Moscow (in Russian).
Zaliznyak, A. A. (2001). Semantic derivation in synchrony and diachrony: the "Catalog of Semantic Transitions" project. Issues of Linguistics, 2, 13-25 (in Russian).

Citation:
Дудурич О. В. Особенности репрезентации концепта «*свобода*» в повседневном и юридическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 72-76.
Dudurich O. V. (2026) Specifics of the Concept «Freedom» Representation in Everyday and Legal Discourse (with Reference to the Russian and English Languages). Legal Linguistics, 41, 72-76.
(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 77-83, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4113

ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКА *УДК 340.132, ББК 81+67.022.1, ГРНТИ 10.15.33, Код ВАК 5.1.1*

Конкретизация правовой нормы как языковая работа: структурирующее учение о праве Фридриха Мюллера в перспективе юрислингвистики

Й. Шнайдер

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., д. 7–9, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: schneider.johann@bk.ru

Настоящая статья вводит в русскоязычную юрислингвистику концептуальный аппарат структурирующего учения о праве (Strukturierende Rechtslehre) Фридриха Мюллера, разработанного в Германии начиная с 1966 г. и получившего заметную рецепцию в бразильской юридической методологии и судебной аргументации. Российская теория права традиционно рассматривает язык нормативного акта как форму выражения воли законодателя, а толкование как установление уже заключенного в тексте смысла. Структурирующее учение о праве Мюллера предлагает иную модель: правовая норма не содержится в тексте закона в готовом виде и не может быть извлечена из него посредством толкования; она производится в ходе структурированного процесса конкретизации, каждый этап которого представляет собой методологически дисциплинированную работу с языком. Статья реконструирует ключевые структурные элементы этого процесса: нормативный текст (Normtext), программу нормы (Normprogramm) и сферу нормы (Normbereich), показывая, каким образом они преобразуют классическую модель толкования закона в модель производства нормы. Особое внимание уделяется лингвистическому измерению теории: конкретизация описывается как последовательность текстовых уровней, правовое значение понимается не как обнаруживаемый семантический объект, а как фиксируемый в ходе юридической аргументации результат, а правовой язык выступает ареной семантических конфликтов. Для юрислингвистики как дисциплины теория Мюллера открывает возможность перехода от анализа изолированных правовых текстов к анализу текстовых операций: отбора, переформулирования, семантической стабилизации и аргументативно обоснованной фиксации значения. В заключительной части статьи многоязычное право Европейского союза рассматривается как проверочный случай, подтверждающий продуктивность подхода Мюллера. Статья призвана восполнить существенный пробел в русскоязычной литературе.

Ключевые слова: структурирующее учение о праве, Фридрих Мюллер, конкретизация, язык права, программа нормы.

Concretization of Legal Norms as Linguistic Work: Friedrich Müller's Structuring Theory of Law from the Perspective of Legal Linguistics

J. Schneider

Saint Petersburg State University

7-9 Universitetskaya Emb., 199034, Saint Petersburg, Russia. E-mail: schneider.johann@bk.ru

This article introduces the conceptual apparatus of Friedrich Müller's Structuring Legal Theory (Strukturierende Rechtslehre), developed in Germany since 1966 and widely received in Brazilian legal methodology, into Russian-language legal linguistics. Russian legal theory traditionally treats the language of a normative act as the form of expressing the legislator's will, and interpretation as the ascertainment of a meaning already contained in the text. Müller's Structuring Theory of Law proposes a different model: the legal norm is not contained in the statutory text in a ready-made form and cannot be extracted through interpretation; it is produced in a structured process of concretization, every stage of which constitutes methodologically disciplined work with language. The article reconstructs the key structural elements of this process: normative text (Normtext), norm programme (Normprogramm), and norm area (Normbereich), showing how they transform the classical model of statutory interpretation into a model of norm-production. Particular attention is given to the linguistic dimension:

concretization is described as a sequence of text levels, legal meaning is understood not as a discoverable semantic object but as a result fixed through legal argumentation, and legal language is presented as an arena for semantic conflicts. For legal linguistics as a discipline, Müller's theory opens a transition from the analysis of isolated legal texts to the analysis of textual operations: selection, reformulation, semantic stabilization, and argumentatively justified fixation of meaning. The concluding part examines European Union multilingual law as a test case confirming the productivity of Müller's approach.

Key words: Structuring Theory of Law, Friedrich Müller, concretization, language of law, norm program.

Введение

Проблема соотношения языка и права занимает одно из центральных мест в современной юрислингвистике. Исследования в этой области, как правило, исходят из того, что право выражается в текстах, прежде всего в текстах законов, и ставят вопрос о том, каким образом язык нормативного акта определяет, ограничивает или, напротив, не определяет правовые последствия в конкретном случае [Власенко 2018: 13–15]. Англоязычная литература по праву и языку обычно анализирует законодательный текст как языковой объект, стремящийся к максимальной ясности и точности, хотя именно это стремление нередко порождает непрозрачность для неспециалистов [Hiltunen 2012: 39–40]. В центре дискуссии при этом оказываются вопросы неопределенности, открытой текстуры, многозначности и пределов, в которых юридический язык способен предопределить правильное решение конкретного дела [Bix 1993: 1–6].

Структурирующее учение о праве (Strukturierende Rechtslehre) Фридриха Мюллера подходит к этой проблематике с принципиально иной стороны. Оно не задается в первую очередь вопросом о том, достаточно ли определен язык закона. Оно спрашивает, каким образом обязывающая правовая нормативность фактически производится, когда конкретный спор подлежит разрешению в условиях законности, демократии и конечности языковых средств [Müller 1994: 147–163]. Теория Мюллера разрабатывается с 1966 г., когда вышла монография «Normstruktur und Normativität» [Müller 1966], и к настоящему времени представляет собой обширный корпус текстов, включающий одиннадцатое издание «Juristische Methodik» [Müller, Christensen 2013] и программный труд «Syntagma» [Müller 2012]. В Бразилии, где Мюллер с 2003 по 2007 г. выступал консультантом федерального правительства, его теория получила заметную рецепцию в юридической методологии и судебной аргументации [Stamile, Castilho Gomes, Almanza Torres 2021: 7–8].

В русскоязычной научной литературе структурирующее учение о праве практически не представлено [Мюллер 2025: 99]. Этот пробел не является случайным: он отражает определенные черты отечественной традиции. В российской теории права язык нормативного акта понимается преимущественно как средство выражения воли законодателя, а толкование рассматривается как деятельность по уяснению смысла, уже заключенного в тексте [Черданцев 2003: 55–62]. Язык закона изучается главным образом с точки зрения требований юридической техники: точности, ясности, однозначности терминологии и стилистической нормативности [Власенко 2018: 13–22]. При этом предполагается, что правовая норма в основном содержится в нормативном акте и может быть выявлена путем применения канонических способов толкования [Алексеев 2008: 164–170]. Структурирующее учение о праве Мюллера оспаривает именно эту предпосылку и тем самым ставит перед юрислингвистикой вопрос, который в рамках указанного подхода не может быть поставлен: каким образом правовая нормативность производится через языковую работу, а не извлекается из готового текста.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции ключевых структурных элементов этого процесса и в обосновании того, что структурирующее учение о праве может быть прочитано именно как юрислингвистическая теория конкретизации. В методологическом отношении статья осуществляет реконструктивный анализ: она систематизирует понятийный аппарат Мюллера и показывает, каким образом его элементы преобразуют предмет юрислингвистического исследования. Для юрислингвистики это означает переход от анализа изолированных правовых текстов к анализу текстовых операций: отбора релевантных языковых данных, их переработки в программу нормы, семантической стабилизации в ходе аргументации, текстовой артикуляции юридически значимой реальности и фиксации значения для конкретного дела. При этом под производством нормы понимается не произвольное создание решения судьей, а методологически дисциплинированная конкретизация под текстовыми, институциональными и аргументативными ограничениями.

1. Нормативный текст и правовая норма: исходное различие

Отправной точкой структурирующего учения является разграничение нормативного текста (*Normtext*) и правовой нормы (*Rechtsnorm*). Это разграничение не является тривиальным указанием на то, что закон надо толковать. Оно означает, что до начала конкретизации правовая норма в полном методологическом смысле не существует как решение конкретного дела. Существует только официально установленный нормативный текст, представляющий собой формально-действительную точку отправления юридической работы [Müller, Christensen 2013: 250–270]. Это утверждение касается методологически полной нормы, релевантной для разрешения конкретного спора; оно не отрицает ни формальной действительности законодательного текста, ни существования правовой системы до начала конкретного правоприменения.

Мюллер настаивает на том, что нормативный текст не является ни фрагментом правовой нормы, ни одной из ее концептуальных частей. Нет методологического смысла описывать расплывчатые законодательные формулировки как «неполные нормы». То, что существует до конкретизации, есть только формулировка, вместе с обязанностью юриста принять ее за авторитетную отправную точку процесса [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 20–24]. В «Syntagma» Мюллер характеризует нормативный текст как часть текстовой структуры конституционного

государства: он не парит в абстрактной изоляции, а находится в систематических связях с другими текстами и во взаимодействии с конкретной работой над делом [Müller 2012: 117–124].

Это имеет прямое лингвистическое следствие. Поскольку нормативный текст еще не является правовой нормой, его значение не может рассматриваться как готовый объект, ожидающий извлечения. Мюллер формулирует эту мысль в одном из программных фрагментов «Syntagma»: значения невозможно просто установить, их необходимо зафиксировать, потому что в юридической работе значение, релевантное для данного дела, должно быть решено, а не обнаружено путем обращения к словарям или комментариям [Müller 2012: 131–135]. Нормативный текст, таким образом, является местом конкурирующих смысловых гипотез, а не хранилищем готовых нормативных решений.

Вместе с тем нормативный текст не является семантически пустым. Мюллер прямо отвергает представление о нем как о бессмысленной цепочке знаков. После того как текст определен как релевантный, он обладает тем, что Мюллер называет *Bedeutsamkeit*, то есть значимостью, соответствующей на лингвистическом уровне юридической действительности текста. Юрист официально обязан включить его в аргументативную разработку правовой нормы [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 26–30]. Различие, таким образом, проходит не между осмысленным и бессмысленным текстом, а между значимостью текста как действительного входного данного и нормативностью результата, произведенного из него.

Помимо того нормативный текст выполняет ограничительную функцию. Мюллер говорит о приоритете языковых данных всякий раз, когда речь идет о допустимости результатов конкретизации: текст не диктует положительное содержание результата так, как это воображается в традиционных теориях, но продолжает структурировать горизонт, внутри которого допустимая конкретизация может состояться [Müller, Christensen 2013: 278–289]. Нормативный текст, таким образом, обладает одновременно сигнальным и пограничным эффектом: он приводит юридическую работу в движение и не позволяет ей раствориться в неограниченном обращении к внетекстовым соображениям.

Для юрислингвистики это разграничение имеет фундаментальное значение. В российской теории права язык нормативного акта обычно рассматривается как форма, в которой воля законодателя находит свое выражение [Власенко 2018: 18–22]. Мюллер переосмысляет этот тезис: нормативный текст есть не оболочка уже существующей нормы, а предварительная запись (*Vor-Schrift*), стоящая перед той стадией, на которой текст правовой нормы еще только может быть написан [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 22]. Законодатель производит не правовые нормы в полном методологическом смысле, а текстовые формулы для норм, которые будут произведены впоследствии.

2. Программа нормы как результат работы с языковыми данными

Второй структурный элемент конкретизации представляет собой программу нормы (*Normprogramm*). Если нормативный текст является действительным входным данным, то программа нормы есть первый крупный результат юридической работы с языковыми данными. Мюллер и Кристенсен определяют ее как продукт интерпретации всех релевантных языковых данных и как мерило, в соответствии с которым в дальнейшем отбираются данные реальности для включения в процесс конкретизации [Müller, Christensen 2013: 248–250].

Программу нормы не следует сводить к лексическому значению слов закона. Она шире и операциональнее. Она возникает из совокупной переработки первичных языковых данных: формулировки релевантного положения, систематически связанных норм, материалов разработки закона, доктринальных текстов и других юридически допустимых языковых элементов. В этом смысле программа нормы является уже переработанным текстом, вторичным текстовым образованием, сформированным в столкновении с конкретным делом [Müller, Christensen 2013: 252–256].

Функция программы нормы двойственна. Положительно она отбирает: из совокупности обстоятельств, потенциально затрагиваемых нормативным положением, она выделяет те аспекты, которые релевантны для решения, и устанавливает критерии юридически обязывающей релевантности. Отрицательно она ограничивает: определяет, за пределы каких содержаний последующее формирование сферы нормы выходить не вправе [Müller, Christensen 2013: 260–268]. Именно этим объясняется, почему программа нормы не является ни чисто определенным предписанием, ни простым признанием неопределенности: она задает структурированное поле методологических возможностей.

Мюллер замечает в «Syntagma», что так называемый буквальный предел толкования является фантомом, если понимать его так, будто слова естественного языка несут на спине пограничные столбы. Действительным критерием оправданности решения выступает программа нормы, поскольку она уже представляет собой синтезированный результат юридически релевантной языковой работы, проведенной в свете дела [Müller 2012: 148–153]. Это одно из решающих достижений теории: предел правового решения перемещается от воображаемой семантической сущности слов к методологически выработанному лингвистическому конструкту.

Для отечественной дискуссии о толковании права этот элемент теории представляет особый интерес. Если в классическом подходе значение нормы рассматривается как нечто, что может быть установлено средствами грамматического, логического, систематического и исторического толкования [Черданцев 2003: 103–128], то в структурирующем учении о праве результат этих операций не обнаруживает готовую норму, а производит программу нормы как мерило дальнейшей работы с реальностью. Толкование, таким образом, оказывается не самодостаточным описанием правового решения, а лишь одним компонентом конкретизации.

3. Сфера нормы: реальность как составной элемент нормы

Третий ключевой структурный элемент касается стороны реальности в процессе конкретизации. Здесь терминология теории приобретает особую важность, поскольку она заменяет недифференцированное обращение к «фактам» последовательностью всё более избирательных областей: от предметной сферы (*Sachbereich*) к казуальной

сфере (*Fallbereich*) и затем к сфере нормы (*Normbereich*) [Müller, Christensen 2013: 269–278].

Предметная сфера обозначает общее поле данных реальности, вызываемое предположительно релевантными текстами норм. Казуальная сфера представляет собой дальнейшее сужение этого поля до тех фактов, которые играют роль именно в конкретном деле. «Syntagma» описывает это как переход от общей познавательной рамки данных реальности к познавательной рамке, необходимой для конкретного дела [Müller 2012: 136–142].

Сфера нормы отбирается из предметной сферы или казуальной сферы в соответствии с мерилом программы нормы. Она представляет собой ту совокупность данных реальности, которые остаются релевантными и совместимыми после проведения языковой работы программы нормы. Мюллер и Кристенсен определяют ее как подмножество фактов, которые вправе стать частью основания решения и тем самым со-определяют его результат [Müller, Christensen 2013: 272–276]. «Syntagma» формулирует ту же мысль еще резче: сфера нормы является «со-нормативной» (*ko-normativ*), поскольку она материально со-обосновывает правовую норму [Müller 2012: 139].

Это понятие представляет собой главный антидуалистический ход теории. Вместо того чтобы противопоставлять право и реальность как два внешних друг другу блока, структурирующее учение о праве интернализирует реальность в саму структуру правовой нормы. Сфера нормы есть не внешняя фактуальность, позднее подводимая под готовую норму; она является одним из конститутивных компонентов, через которые правовая норма производится. В «Тезисах о структуре правовых норм» 1970 г. Мюллер настаивает на том, что не только веление «должного», но и реальная структура соответствующего сегмента социальной действительности участвует в решении дела [Müller 1970: 508–509].

Вместе с тем сфера нормы не тождественна социальной фактичности как таковой. Факты могут принадлежать к более широкому социальному полю нормативного положения и тем не менее не выдержать проверки по мерилу программы нормы. Сфера нормы есть юридически фильтрованная реальность, а не эмпирическая тотальность. Соотношение между программой нормы и сферой нормы асимметрично: для позитивного определения правовой нормы элементы сферы нормы стоят на одном уровне с элементами текстовой интерпретации, но для разграничения допустимых результатов элементы, наиболее непосредственно связанные с нормативным текстом, прежде всего грамматическое и систематическое толкование, имеют приоритет [Müller, Christensen 2013: 282–289]. Этот приоритет является решающим для правового государства: данные реальности интегрируются, но в рамках иерархии, остающейся чувствительной к нормативному тексту.

Из взаимодействия программы нормы и сферы нормы возникает правовая норма (*Rechtsnorm*) как первый подлинно нормативный результат конкретизации, определяемый Мюллером как абстрактно-обобщенное промежуточное высказывание, сформулированное после столкновения с конкретным делом и имеющее форму «в деле, подобном данному, действует следующее» [Müller, Christensen 2013: 290–294]. Последним же структурным элементом является директивная норма (*Entscheidungsnorm*) как обязывающее определение индивидуального дела [Müller, Christensen 2013: 295–298].

4. Конкретизация как последовательность текстовых уровней

Реконструкция структурных элементов позволяет увидеть лингвистический характер теории Мюллера с той степенью точности, которая далеко выходит за рамки банального наблюдения о том, что «право использует язык». Мюллер и Кристенсен прямо описывают этапы юридической работы как пять текстовых уровней: нормативный текст, программа нормы, сфера нормы в ее вторичной языковой формулировке, правовая норма и директивная норма [Müller, Christensen 2013: 235–240]. Юридическая работа не начинается с «чистых фактов», чтобы затем перейти к языку, и не начинается с «чистого языка», чтобы позднее встретиться с реальностью. Она развертывается через последовательные текстуализации, включая текстовую артикуляцию юридически релевантной реальности.

Именно эта характеристика сближает теорию Мюллера с центральными проблемами юрислингвистики как научного направления. Ф. Фогель, определяя юрислингвистику (*Rechtslinguistik*) как самостоятельную дисциплину, указывает на то, что она исследует конституирующую роль языка в праве, а не просто описывает лексические или синтаксические особенности юридических текстов [Vogel 2017: 215–220]. Структурирующее учение о праве предлагает именно такую перспективу: язык не является внешней оболочкой права, а представляет собой среду, в которой нормативность производится, ограничивается и делается подотчетной.

Этот взгляд позволяет переосмыслить и роль юридической аргументации. Поскольку не существует никакой *lex ante casum*, то есть нормы, готовой до рассмотрения дела, и никакого объективного семантического моста, автоматически соединяющего закон и судебное решение, правовое государство обеспечивается публично контролируемым обоснованием каждого этапа конкретизации. Методологические работы Мюллера перемещают фокус от воображаемой определенности правовых понятий к прозрачности, прослеживаемости и методологической честности юридической работы [Müller 1994: 263–280].

5. Фиксация значения и семантические конфликты в праве

Лингвистическое измерение структурирующего учения проявляется с особой отчетливостью в его трактовке правового значения. Как было показано в связи с анализом нормативного текста, значения в юридической работе не обнаруживаются, а фиксируются для конкретного дела под обязанностью обоснования [Müller 2012: 131–135]. Этот тезис имеет более широкие последствия, чем может показаться. Мюллер настаивает на том, что словари сами являются интерпретациями и не могут служить основанием юридического обоснования: если бы значение слова закона было семантически устойчивым объектом, обращение к авторитетному словарю разрешало бы правовой спор, чего в действительности не происходит.

Правовой язык, таким образом, рассматривается как место конфликта. Нормативный текст является полем конкурирующих интерпретаций, а правовое решение есть юридически дисциплинированное вмешательство в этот конфликт. Мюллер и Кристенсен описывают это в программных терминах как семантические битвы (*Semantikkämpfe*) в языковой игре права и как работу юриста по семантизации, осуществляемую в условиях законности [Müller, Christensen 2013: 168–175].

Эта характеристика имеет прямое отношение к дискуссиям о неопределенности правового языка. Биксу принадлежит точная формулировка юриспруденциального фона проблемы: язык является средой, через которую действует право, и вопрос состоит в том, каким образом право и язык взаимодействуют при установлении правовой определенности [Bix 1993: 1–3]. Ответ Мюллера заключается в том, что определенность не является в первую очередь свойством юридических слов. Она есть структурированный и обоснованный результат конкретизации. Правовой язык значим, но он значим как институциональная среда производства нормы, а не как самодостаточное хранилище готовых ответов.

Для юрислингвистики эта позиция означает, что предметом анализа является не отдельный текст в его лексическом или синтаксическом измерении, а структурированная юридическая работа, посредством которой действительная формулировка закона превращается в обоснованную норму для конкретного дела. Центральной проблемой при этом оказывается не вопрос о том, является ли тот или иной термин неопределенным, а вопрос о том, каким образом юридически приемлемая норма может быть произведена из текста и реальности в условиях неизбежного семантического плюрализма. Как подчеркивают редакторы крупнейшего справочника по языку и праву, юридическая работа есть всегда также языковая работа, и сама возможность понимания правовых отношений, заявления прав и получения правовой защиты зависит от доступа к лингвистически опосредованному правовому знанию [Felder, Vogel 2017: IX–XII].

6. Многоязычное право ЕС как проверочный случай

Многоязычное право Европейского союза представляет для структурирующего учения не просто иллюстративный пример, а методологически привилегированный проверочный случай. В одноязычном праве репрезентационная модель, предполагающая единое скрытое значение за текстом, может казаться самоочевидной: текст один, и иллюзия единственного «правильного» толкования поддерживается этой монолингвальностью. Когда же несколько равно аутентичных языковых версий сосуществуют в качестве нормативных текстов, репрезентационная модель утрачивает свою кажущуюся естественность, и вопрос о производстве нормы через конкретизацию становится неизбежным. Именно поэтому многоязычное право ЕС является не периферийным добавлением к аргументу, а полем, в котором центральный тезис структурирующего учения проходит наиболее строгую проверку.

В условиях европейского многоязычного права одно из базовых прозрений структурирующего учения становится особенно наглядным: правовая норма не может быть помыслена как долингвистическое значение, стоящее за текстом и ожидающее своего обнаружения путем интерпретации. Мюллер и Кристенсен показывают, что унаследованная репрезентационная модель по-прежнему представляет нормативный текст как внешнюю оболочку уже существующей мысли, ценности или намерения [Müller, Christensen 2007: 40–47]. Их критика направлена именно против этого образа: дело не в том, что норма лежит «за» текстом в каком-то более богатом семантическом пространстве, а в том, что юридическая работа должна производить нормативность из текстов и с помощью текстов в рамках методических ограничений.

Многоязычная ситуация делает это видимым в особенно острой форме: когда несколько равно аутентичных языковых версий сосуществуют, фикция одного скрытого значения за одной текстовой поверхностью становится значительно труднее поддерживаемой. Мюллер отвергает мысль о том, что конфликты значений между языковыми версиями могут быть разрешены посредством поиска «общего минимума» всех формулировок [Müller, Christensen 2007: 260–265]. Там, где официальные версии расходятся, метод общего знаменателя не решает проблему; решение должно быть достигнуто через дальнейшие элементы конкретизации, прежде всего телеологические и систематические. Одновременно Мюллер и Кристенсен настаивают на том, что формулировка остается релевантной и не является лишь одноразовой отправной точкой, поскольку даже в юрисдикции Суда ЕС грамматический аргумент появляется не только в начале, но и в конце обосновательного процесса [Müller, Christensen 2007: 268–275].

Как замечает Фогель, многоязычие заставляет суд покинуть кажущуюся самоочевидность «собственного» языка и переместиться в неопределенное пространство между языками; это является не только бременем, но и методологическим выигрышем, поскольку множественность языковых формулировок расширяет материал, подлежащий учету, и тем самым может сделать судебное обоснование более устойчивым [Vogel 2017: 230–235]. С точки зрения структурирующего учения многоязычие, таким образом, не есть аномалия, внешняя по отношению к теории; оно представляет собой особенно показательный случай его центрального тезиса: правовая нормативность возникает только посредством дисциплинированной практики конкретизации, осуществляемой в языке и через язык.

Заключение

Структурирующее учение о праве не должно восприниматься ни как расплывчатая антипозитивистская ориентация, ни как обобщенная герменевтика правового понимания. Его решающий вклад состоит в реконструкции структурных элементов, посредством которых правовая нормативность производится. Нормативный текст выступает действительным входным данным и текстовой предварительной формой позднейшей нормативности. Программа нормы есть проработанное языковое мерило релевантности и допустимости. Сфера нормы представляет собой отобранный в соответствии с программой сегмент социальной реальности, который со-обосновывает норму. Правовая норма есть первый подлинно нормативный результат этого взаимодействия, директивная норма –

окончательное индивидуальное определение дела. То, что классическая теория компрессирует в единое понятие толкования, здесь развертывается в дифференцированную последовательность юридически значимых операций, каждая из которых подотчетна за ошибки, совершенные в рамках ее собственной области.

Для юрислингвистики рецепция структурирующего учения открывает конкретные исследовательские перспективы. Во-первых, аппарат Мюллера позволяет анализировать судебную аргументацию не как толкование готовой нормы, а как последовательность текстовых операций, каждая из которых может быть прослежена и оценена; это применимо, в частности, к исследованию мотивировочных частей судебных решений как объектов юрислингвистического анализа. Во-вторых, различие между языковой значимостью текста закона и нормативностью результата юридической работы открывает перспективу для исследований законодательной техники и правового редактирования: качество нормативного текста может оцениваться не по иллюзорному критерию «полного выражения нормы», а по тому, насколько он обеспечивает продуктивную конкретизацию. В-третьих, перспектива многоязычного права показывает, каким образом юрислингвистика и юридическая методология могут взаимно обогащать друг друга в условиях семантического плюрализма, что актуально и для сравнительного анализа правовой терминологии, и для лингвистической экспертизы в рамках интеграционных объединений, в которых участвует Россия.

Литература

Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 2008.
Власенко Н. А. Язык права. М., 2018.
Мюллер Ф. Тезисы о структуре правовых норм / Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 3. – С. 99–109.
Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003.
Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford, 1993.
Felder E., Vogel F. Einleitung / Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, 2017. S. IX–XIX.
Hiltunen R. The grammar and structure of legal texts / The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford, 2012. P. 39–52.
Müller F. Normstruktur und Normativität. Berlin, 1966.
Müller F. Thesen zur Struktur von Rechtsnormen / Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. – 1970. – Bd. 56, Nr. 4. – S. 493–509.
Müller F. Strukturierende Rechtslehre. 2. Aufl. Berlin, 1994.
Müller F. Syntagma. Berlin, 2012.
Müller F., Christensen R. Juristische Methodik. Bd. I. 11. Aufl. Berlin, 2013.
Müller F., Christensen R. Juristische Methodik. Bd. II: Europarecht. 2. Aufl. Berlin, 2007.
Müller F., Christensen R., Sokolowski M. Rechtstext und Textarbeit. Berlin, 1997.
Stamile N., Castilho Gomes N., Almanza Torres D. (eds.). Friedrich Müller's Theory of Law. Stuttgart, 2021.
Vogel F. Rechtslinguistik: Bestimmung einer Fachrichtung / Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, 2017. S. 209–248.

References

Alekseev, S. S. (2008). General theory of law. In 2 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
Bix, B. (1993). Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford.
Cherdantsev, A. F. (2003). Interpretation of law and contract. Moscow (in Russian).
Felder, E., Vogel, F. (2017). Einleitung. In Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, pp. IX–XIX (in German).
Hiltunen, R. (2012). The grammar and structure of legal texts. In The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford, pp. 39–52.
Müller, F. (1966). Normstruktur und Normativität. Berlin (in German).
Müller, F. (1970). Thesen zur Struktur von Rechtsnormen. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, 56(4), 493–509 (in German).
Müller, F. (1994). Strukturierende Rechtslehre. 2. Aufl. Berlin (in German).
Müller, F. (2012). Syntagma. Berlin (in German).
Müller, F. (2025). Theses on the structure of legal norms. Theoretical and Applied Jurisprudence, 3, 99–109 (in Russian).
Müller, F., Christensen, R. (2007). Juristische Methodik. Bd. II: Europarecht. 2. Aufl. Berlin (in German).
Müller, F., Christensen, R. (2013). Juristische Methodik. Bd. I. 11. Aufl. Berlin (in German).
Müller, F., Christensen, R., Sokolowski, M. (1997). Rechtstext und Textarbeit. Berlin (in German).
Stamile, N., Castilho Gomes, N., Almanza Torres, D. (eds.) (2021). Friedrich Müller's Theory of Law. Stuttgart.
Vlasenko, N. A. (2018). Language of law. Moscow (in Russian).
Vogel, F. (2017). Rechtslinguistik: Bestimmung einer Fachrichtung. In Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, pp. 209–248 (in German).

Citation:
Шнайдер Й. Конкретизация правовой нормы как языковая работа: Структурирующее учение о праве Фридриха Мюллера в перспективе юрислингвистики // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 77-83.
Schneider J. (2026) Concretization of Legal Norms as Linguistic Work: Friedrich Müller's Structuring Theory of Law from the Perspective of Legal Linguistics. Legal Linguistics, 41, 77-83.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 84-90, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4114

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ

УДК 81`42:32, ББК 81.055.1, ГРНТИ 16.21.47, Код ВАК 5.9.8

Коммуникативно-семиотические механизмы маскировки содержания в рекламных объявлениях

А. А. Клёцкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, 6, 117485, Москва, Россия. E-mail: kletskina2310@gmail.com

Статья посвящена исследованию коммуникативно-семиотических механизмов маскировки содержания в рекламных объявлениях, предлагающих сексуальные услуги. На материале данных, собранных методом сплошной выборки на специализированных онлайн-платформах, в работе выявляются ключевые особенности функционирования подобных объявлений в интернет-дискурсе, а также устанавливаются способы семиотического камуфлирования информации, репрезентированной в исследуемом дискурсивном поле.

В зависимости от характера адресанта и адресата выделяются два типа объявлений: клиентоориентированные (адресованные потенциальным потребителям услуг) и рекрутинговые (содержащие информацию о вакансии и направленные на поиск сотрудников). Субъектом размещения рекламных объявлений интимного характера может выступать как частное лицо (предложения собственных услуг), так и организация, агентство или салон.

Специфика организации является ключевым фактором, детерминирующим содержательное и формальное наполнение рекламного сообщения. В связи с этим объявления, размещенные на сайтах эскорт-агентств, массажных салонов, арендных сервисов и на платформах для частных объявлений не только дифференцируются между собой, но и демонстрируют инвариантные признаки, свойственные каждой из платформ.

Объявления интимных услуг можно отнести к дискурсу закрытого типа (согласно классификации А. Н. Баранова), предполагающего наличие некоторых ограничений в выражении содержания, налагаемых институционально существующими нормами. В соответствии с этим рекламирование услуг сексуального характера осуществляется с помощью особых способов вербализации, позволяющих актуализовать подтекст наблюдаемой ситуации, не прибегая к ее прямой номинации.

В работе устанавливаются два основных способа маскировки сообщений в исследуемой дискурсивной практике: легевфемизация (смягчение значений как способ ухода от правового риска) и актуализация значения посредством невербальных знаков (использование фотографий, эмодзи, дополняющих содержание). Выявлено, что большинство рекламных объявлений интимного характера представляют собой креолизованные тексты.

Ключевые слова: маскировка, сексуальные услуги, подтекст, легевфемизация.

Communicative and Semiotic Mechanisms of Content Masking in Advertisements

A. A. Kletskina

Pushkin State Russian Language Institute

6 Academician Volgin st., 117485, Moscow, Russia. E-mail: kletskina2310@gmail.com

This article examines the communicative and semiotic mechanisms of content masking in advertising announcements offering sex services. Based on data collected through continuous sampling from specialized online platforms, the study identifies the key functional features of such advertisements in the Internet, discourse and establishes the methods of semiotic disguise employed within this discursive field.

Depending on the nature of the addresser and the addressee, two types of announcements are distinguished: client-oriented (addressed to potential service consumers) and recruitment-oriented (containing job vacancy information and aimed at finding employees). The subject posting sex service advertisements may be either a private individual (offering their own services) or an organization, agency or salon.

The specific organizational structure is a key factor determining the content and formal composition of the advertising message. In this regard, announcements posted on escort agency websites, massage parlor sites, rental services, and

classified advertisement platforms not only differ from one another but also demonstrate invariant features characteristic of each platform.
Sex service announcements can be classified as close-type discourse (according to A.N. Baranov's classification), which poses certain restrictions on the expression of content imposed by institutionally established norms. Consequently, the advertising of sex services relies on specific verbal strategies that allow the subtext of the situation to be conveyed without direct nomination.
The study establishes two primary methods of masking within this discursive practice: circumlocution (softening meanings as a strategy for mitigating legal risk) and meaning actualization through non-verbal signs (the use of photographs and emojis to supplement verbal content). The findings indicate that the majority of sex-service advertisements are creolized (multimodal) texts.

Key words: masking, sex services, implication, circumlocution.

Трансформация дискурса в рамках цифровой среды создала новые условия для распространения маргинальных видов деятельности и, как следствие, новых, еще не изученных стратегий языковой маскировки информации, что составляет актуальность данной работы.

К одному из таких видов деятельности относится сфера сексуальных услуг, то есть услуг сексуального характера, функционирующих на коммерческой основе. На законодательном уровне до сих пор не сформирован единый терминологический аппарат для определения и категоризации сферы сексуальных услуг [Джалыков 2023: 231]. Подобная неопределенность позволяет дискурсивным сообществам закрытого типа рекламировать интимные услуги с помощью семиотического камуфлирования сообщений.

Закрытость дискурсивного сообщества, по мнению А. Н. Баранова, предполагает наличие некоторых ограничений в выражении «коммуникативного намерения или пропозиционного содержания», налагаемых институционально существующими нормами, нарушение которых может повлечь за собой санкции [Баранов 2020: 66]. Использование механизмов маскировки сообщения в подобных сообществах зачастую осуществляется с помощью криптолалии, эвфемизации и других способов, позволяющих актуализовать в представлении адресата подтекст предполагаемой ситуации [Корнилова 2020: 83], не прибегая к ее прямой номинации.

С содержательной точки зрения все рекламные объявления подобной направленности предполагают: (1) «возмездный характер» услуги, то есть предоставление интимных услуг за определенную плату [Джалыков 2023: 232] и (2) тематическую соотнесенность информации со сферой интимной жизни человека [Зайцева, Катышев 2023: 73], имплицитно или эксплицитно выраженной в объявлении.

На материале данных, собранных методом сплошной выборки на специализированных онлайн-платформах (Avito, Parep Moscow, Afrodita Models, Intimcity, lunaeskort.ru, premier-spa78.ru, Woman-Works.info, Moon agency и др.), можно выделить ключевые особенности функционирования подобных объявлений в интернет-дискурсе, а также способы и виды коммуникативно-семиотической маскировки информации, представленной в данной дискурсивной практике.

Так, характер адресата и адресанта определяет прагматику рекламного сообщения, его оформленность, канал распространения: в зависимости от того, на кого направлено сообщение, объявления бывают клиентоориентированными, адресованными потенциальным потребителям услуг, и рекрутинговыми, содержащими информацию о вакансии и направленными на поиск новых сотрудников. Объявление может размещаться частным лицом (чаще всего представляя саморекламу, предложение собственных услуг) или исходить от организации, агентства, салона.

Специфика организации выступает ключевым фактором, детерминирующим содержание и форму рекламного объявления. Распространенным типом организаций выступает так называемое «сопровождение», эскорт, который сам по себе включен в «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» под пунктом «предоставление прочих персональных услуг, не включенных в другие группировки», что объясняет существование многих организаций подобного рода в открытом доступе. По определению М. В. Афанасьева и В. С. Петровой, эскорт-услуги представляют собой компании, зарегистрированные как модельные агентства, нанимающие девушек и «сдающие их в аренду» мужчинам в качестве сопровождения. «Зачастую, клиенты не ограничиваются обычным выходом в свет и такие мероприятия заканчиваются половой связью за определенную плату» [Афанасьев, Петрова 2024: 6]. Примечательно описание эскорта самими организациями: это «не просто компания на вечер, а настоящее удовольствие от общения, визуального восприятия и интеллектуального взаимодействия», «элитный досуг столицы», «эксклюзивный отдых», «рынок сопровождения», «элитные услуги», «элитный сервис», «премиальный досуг», «вип отдых», «Услуги эскорта в Москве – это не просто встречи на час, а возможность провести время с очаровательной, умной и утонченной девушкой, умеющей поддержать беседу и создать атмосферу комфорта». Работниц таких организаций чаще всего называют «моделями», «девушками по вызову», «элитными девушками»: *Девушки по вызову Москва: кто они? Современные девушки по вызову Москва – это не только модели, но и личности с высшим образованием, знанием иностранных языков и хорошими манерами. Они умеют поддержать беседу на любые темы, стать идеальным сопровождением для деловых встреч, премий, светских раутов и даже семейных мероприятий, где важен статусный образ // Элитные девушки – это всегда discreet-сервис, международный опыт и высокий уровень IQ. Их выбирают бизнесмены, политики, артисты и просто эстеты, ценящие непринужденное общение, поддерживающее статус и настроение.*

Подобное избегание прямых номинаций, механизм коммуникативно-семиотической маскировки, состоящий в смягчении или подмене понятий, тесно связан с явлением легевфемизации, описанным в работе А. Р. Дегтярёвой и М. А. Осадчего. Легевфемизация рассматривается авторами как способ ухода от правового риска, частный случай эвфемии, при котором говорящий/пишущий «стремится замаскировать, сгладить конфликтогенное высказывание с целью минимизировать возможную правовую ответственность» [Дегтярёва, Осадчий 2012: 160]. Так, предложение интимных услуг заменяется понятием «сопровождения», «элитного досуга» и других, чтобы скрыть содержание от «реальных/предполагаемых представителей закона» [Дайлоф 2019: 26] и избежать санкций.

Как и любое рекламное сообщение, подобное объявление ориентировано на конкретную целевую аудиторию; как маскировочное сообщение, оно направлено на определенный круг лиц, способных декодировать информацию из объявления: спрятанное в имплицитных слоях семантики текста содержание рекламного сообщения актуализуется посредством апелляции к модели мира адресата – его знанию об устройстве действительности – и основывается на упоминании некоторого компонента типизированной ситуации, по которому адресат может реконструировать всю ситуацию в целом. Так, если адресат не имеет необходимого фонового знания, то сообщение понято не будет [Баранов 2012: 222].

Рекламные объявления, будучи локализованными на сайтах эскорт-агентств, обладают определенной содержательной и формальной близостью, отражающейся на уровне анкет с описанием девушек, обязательно включающих фотографию, имя, возраст, вес, краткую информацию о них (либо самоописание) и ссылку на контакт с менеджером/организацией (см. *Если вас заинтересовала моя анкета, заказать VIP сопровождение можно, связавшись с менеджером нашего эскорт агентства // В нашем агентстве лучшие девушки для сопровождения мужчин. Чтобы весело провести время со мной или другой прелестной спутницей, свяжитесь с нашим менеджером // На нашем сайте ты сможешь заказать услуги элитного эскорта, и менеджер с удовольствием подберет девушку по вкусу или ты можешь выбрать меня // Если вас интересуют такие девочки эскорт, как я, свяжитесь с нашим менеджером, и он организует встречу с привлекательной нимфой // свяжитесь с моим менеджером, чтобы забронировать меня*).

Краткая характеристика девушки, представленная на сайте, несильно варьируется от анкеты к анкете. На одних сайтах это представлено внешним самоописанием: *Я роскошная, длинноволосая шатенка с яркой внешностью и идеальной фигурой // Роскошная элитная девушка эскорт покорит мужчин своим видом в бикини // Я игривая и нежная, страстная и находчивая, при этом довольно эффектная, что помогает мне привлекать внимание мужчин // Русская девушка эскорт, с тонкой талией и пышными округлостями, предлагает свои услуги уверенным в себе мужчинам, которые жаждут страстного общения // Горячая блондинка с подтянутой фигурой и роскошными формами всегда готова украсить ваш вечер // Во мне есть все, что нравится красивым и успешным мужчинам. Яркая внешность, длинные светлые волосы и потрясающая фигура.* На других платформах доминирует стандартное, клишированное описание, вплоть до повтора фраз: *Роскошная девушка которая превращает встречу в ощущение. Ее улыбка будоражит даже без касаний – она естественна и реальна. Уля наслаждается взаимностью и делает каждую минуту особенной // Пылкая богиня в чьих глазах читается искреннее желание. Ее улыбка мягко притягивает – она естественна и реальна. Лейтон наслаждается взаимностью и дарит эмоции, которые не повторяются // Завораживающая девушка чей голос звучит, как обещание. Ее аромат мягко притягивает – все в ней живое, текучее, настоящее. Галя любит соединять страсть и спокойствие и оставляет след, не требуя слов // Завораживающая девушка с взглядом, в котором играют эмоции. Ее грация вызывает желание приблизиться – она не играет – она чувствует. Вера играет не по сценарию, а по наитию и дает почувствовать вкус момента. Магнетичная VIP-компаньонка которая чувствует момент лучше слов. Ее аура сбивает дыхание – она не играет – она чувствует. Кайя играет не по сценарию, а по наитию и создает близость, где нет притворства // Изящная спутница с взглядом, в котором играют эмоции. Ее прикосновение вызывает желание приблизиться – все в ней живое, текучее, настоящее. Виолетта умеет читать желания без слов и делает каждую минуту особенной.*

Сексуальный подтекст ситуации актуализуется через непрямую номинацию, смягчение, эвфемизацию: *Гарантирую незабываемую ночь со страстной, молодой, раскрепощенной тигрицей. Салон эскорт услуг поможет нам организовать ВИП отдых в одном из пятизвездочных отелей, где ты сможешь прикоснуться к моей нежной, гладкой коже и какое будет продолжение, ты знаешь // Лучшее времяпрепровождение – уединение в отдельном номере с привлекательным, успешным мужчиной // Ничто не помешает нам испытать наслаждение и достичь вершин эмоционального блаженства // Помогу сбросить стресс и окунуться с головой во вселенную наслаждения // расслабиться в интимной обстановке.*

Подтекст также формально отражен на уровне категорий услуг, указанных на сайтах: *Девушка на час // Девушки для знакомства // Девушки для мероприятий // Девушки для поездок // Девушки для путешествий // Девушки москва сити // Девушки на вечеринки // Девушки на выезд // Девушки столицы // Знакомства с моделями // Сопровождение // Элитный эскорт* – в одной из организаций есть категория «досуг без интима».

В массажных салонах структура рекламного сообщения формируется на основе традиционных принципов построения объявлений: указывается название, длительность оказываемой услуги и ее стоимость. Название ориентировано не на прямое обозначение референта (услуги), а на эмоциональное воздействие с целью привлечения и удержания фокуса внимания реципиента; оно образно, неоднозначно: «Мемуары гейши», «Основной инстинкт», «Премьер», «Инь Янь Premium» и др. Подтекст раскрывается на уровне описания услуги: «*Главная изюминка этой программы – тантрический массаж. Он подходит для настоящих ценителей искусства соблазнения. Последующая за ним эротическая часть вознесет к вершине блаженства. Что входит в вип массаж: совместный душ/джакузи, тантрический чувственный массаж, эротическая часть в джакузи или на татами, прикосновения к мастерице, 1 финал / неограниченное количество финалов», «Фут джоб: Если наша мастерица берется за какую то*

работу, пусть даже ножками, то она точно доведет ее до окончания :)». Другим примером клиентоориентированных объявлений являются объявления организаций, сдающих бани / сауны / бильярдные залы в аренду, оказывающие «💋 Дополнительные услуги».

Рекламные объявления, исходящие от частных лиц, преимущественно представлены на специализированных сайтах в виде анкет, также состоящих из фотографии, имени, самоописания, указания номера для связи. Такие анкеты характеризуются повышенной экспрессивностью, вариативностью стилистических средств и более выраженным авторским началом по сравнению с анкетами, размещенными на сайте организаций: *Мне важна атмосфера, тепло и внимание к деталям, когда желание рождается постепенно. Если тебе интересно открыть это со мной, напиши мне в WhatsApp // Раскованная и чувственная, настоящая фея для настоящего мужчины. Я на связи! Пиши только на ватсап! // Меня зовут Полина, фото мои, к салону отношения не имею, 100% ИНДИ!!!🔥🔥🔥 Красива и ухожена, кожа нежная и бархатистая, я с горячим темпераментом🤩жду в гости на незабываемую встречу!!!💋👄👄 // Очень СПОСОБНАЯ дамочка!!🫧🫧🫧 // Я чудесная девушка, которая готова провести своё драгоценное время в компании шикарного мужчины 💋 Да, я очень нежная, ласковая и чуткая девушка…Эталон женственности и грации…💋 А моя естественная красота тебя поразит….🤩 Думаю при встрече со мной, ты будешь полностью согласен с выше сказанным….😊 // Студенточка на грани отчисления 🆘 да и будь что будет 🙏🔥 Как и многие девочки приехала покорять Москву, но что -то пошло явно не по плану 😀 <…> Пока решила совмещать сомнительную перспективу обучения в Вузе с профессиАнальной деятельностью в эскорте ❤️💔-но второе мне явно нравится больше 🤩 Так что надеюсь что задержусь здесь надолго 🔥 Могу предложить вам массу вариантов как провести со мной время ,но боюсь у вас не хватит времени так много и долго читать, поэтому открыта для ваших смелых и амбициозных предложений 🙏📩😘 // Меня зовут Каролина. Я – воплощение ваших самых утончённых фантазий: – Высокая (очень) – Худая (беспощадно) – С карамельными волосами (до поясницы) ✨ Мой профиль • Талия – 56 см. Ваши руки не встретятся сзади. Намеренно. • Губы – полуоткрыты. Всегда. • Особые навыки – искусство медленного погружения в блаженство // Общая деградация повышает спрос на вменяемость 😁 Надоели силиконовые куклы? Потоковые встречи без эмоций, деревянные тела? Отсутствие опыта и интереса со стороны девочки? Тогда ты по адресу!🔥🔥🔥 Максимально настоящая и эмоциональная, без допингов, я такая есть и другой уже не стану, это не работа, это lifestyle, горячо любимый мной ❤️// Искусство интимного сервиса: Полное погружение в мир чувственных удовольствий📩📩📩 // Полюби меня! После нашей встречи гарантирую тебе хорошее настроение и ты на крыльях любви помчишься домой, но обязательно вернешься ко мне! 👩❤️🧑 Ведь любовь-это единственное, ради чего стоит жить) ❤️🔥.*

Как видно из приведенных выше примеров, часто завуалированное содержание актуализуется при помощи невербального символа – для частных анкет характерно широкое использование эмоджи, выполняющих компенсаторную функцию и эксплицирующих часть информации, не выраженной словесно.

Во многих частных анкетах рисковая информация преподносится как приглашение в гости. Самой распространенной формулировкой является предложение помочь «расслабиться», «сбросить стресс»: *помогу расслабиться и отдохнуть от повседневных забот и физической усталости // Со мной ты забудешь о всех своих проблемах // Отвлеку от серых будней, расслаблю // Хочешь отвлечься от повседневных забот? Встреча со мной не оставит тебя равнодушным и поможет расслабиться.. Звони, и ты не пожалеешь // Если ты устал и желаешь приятно провести время, то я очарую тебя при первой же встрече // Со мной ты забудешь о тяжелом дне // Удовольствие и релакс гарантирую! // Приезжай расслабиться и получить удовольствие!*

Иной спецификой обладают рекламные объявления, специализирующиеся на поиске «сотрудников», включающие чаще всего указание на размер зарплаты и реже – на сами обязанности сотрудника. Например, в объявлении о вакансии в массажном салоне нет никакого указания на сексуальный подтекст ситуации, кроме как «внимание» со стороны мужчин: *Работа в массажном салоне Flagman. Начни зарабатывать от 150 000 рублей в месяц. Мы предлагаем тебе свободный график и дружный коллектив. Нашему салону требуются администраторы и мастера по расслабляющему массажу, так что если ты привыкла к шубам, путешествиям, подаркам и вниманию мужчин, приходи к нам. Мы тебя ждем!*

Часто объявления-вакансии находятся на самих сайтах эскорт-организаций: *Мы работаем с девушками, которые хотят зарабатывать, но при этом ценят комфорт, безопасность и человеческое отношение. Мы сопровождаем на каждом шаге, помогаем адаптироваться и даем возможность чувствовать себя уверенно в профессии. Мы помогаем выйти из этой сферы осознанно – с капиталом, опытом и внутренней опорой, чтобы каждая могла выбирать свою жизнь, а не выживать в ней* – от соискателя требуется только ввести свои данные в анкету, чтобы связаться с организаторами. Встречаются и совсем пустые, малоинформативные объявления, гарантирующие высокооплачиваемую работу, выгодные условия, исполнение заветных желаний, финансовую независимость, конфиденциальность. Часто они фигурируют под абстрактными, неоднозначными заголовками: «Новый набор девушек», «Очень нужны девочки в Париж», «Ищу моделей», «Ты привлекательна и амбициозна? Взлет начинается здесь», «Работа для девушек», «Высокооплачиваемая работа для девушек», «Ищем ту самую и ждем именно тебя)». Например: *Я менеджер Мариам и Ищу красивых и амбициозных герл, которые хотят зарабатывать больше сына маминой подруги и утерать нос своей финансовой независимостью. Я менеджер, который поможет воплотить твои мечты в реальность Предлагаю: 1. Высокий заработок; 2. Индивидуальный график; 3. Безопасность твоя и твоей личной информации; 4. Жилье, если ты из другого города . От тебя много не требуется –Желание поднимать больше денег – Хорошее настроение – Ухоженность Сотрудничаем 50/50 Малышка, я твоя путевка в лучшую жизнь, написать можно на watsapp, telegram // Доброго времени суток, меня зовут Елизавета Я менеджер в модельной сфере. Имею многолетний опыт за спиной и много хороших отзывов. Я именно тот человек, который готов организовать тебе прибыльную тему*

и хорошее свидание. Чтобы ты чувствовала себя комфортно и безопасности – есть Security служба, которая будет контролировать тебя, когда ты поехала на тему. Что касательно клиентов – это наработанная база постояшек, которые уже много лет сотрудничают только со мной. Тебе не нужно переживать за свою конфиденциальность и анонимность – потому что я сотрудничаю с моделью строго с глазу на глаз. Чтобы обсудить более детально пиши мне на whatsapp, мы познакомимся поближе и договоримся. Основные направления – это Дубай / Стамбул / Париж/ РФ. Всегда буду рада девочкам, которые от жизни хотят взять многое – готова научить, посоветовать и быть твоим любимым наставником // ОЧЕНЬ НУЖНЫ ДЕВОЧКИ В ПАРИЖ!!!! ПАРИЖ💋👑 ✨Ищу молодых и амбициозных девушек✨ ✨Имею 5 лет опыта работы✨ ✨Поддержка 24/7✨ Я предлагаю Вам сотрудничество,а так же🤩 💷Выплаты сразу же! КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ 🦋Только ТОР клиенты. 🎁Чаевые и подарки – ВАШИ, все 100%. 🦋Индивидуальный график ,по Вашим потребностям. 🌃База постоянных клиентов. 🔥Хочешь заработать хорошие деньги без напряжения ,за короткий срок -пиши 📩 WhatsApp и т. п.

Другой вид рекламных объявлений представлен (1) в форме текста на сторонних сайтах, тематически никак не связанных со сферой сексуальных услуг (например сайт, рекламирующий моющие средства / связанный с недвижимостью, см. рис. 1), (2) на сторонних сайтах в виде комментариев, не связанных с темой обсуждения (см. рис. 2).

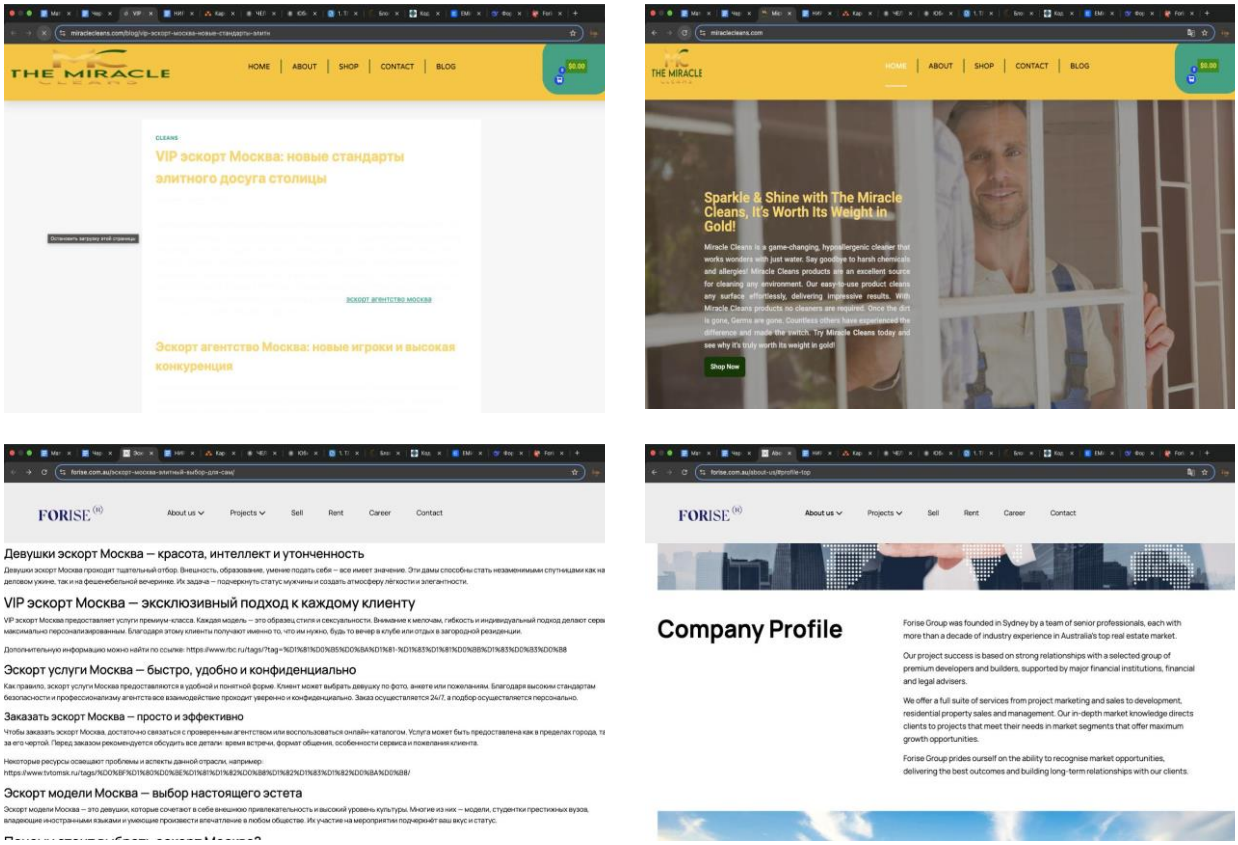

Рис. 1. Примеры рекламных объявлений в форме текста на сторонних сайтах

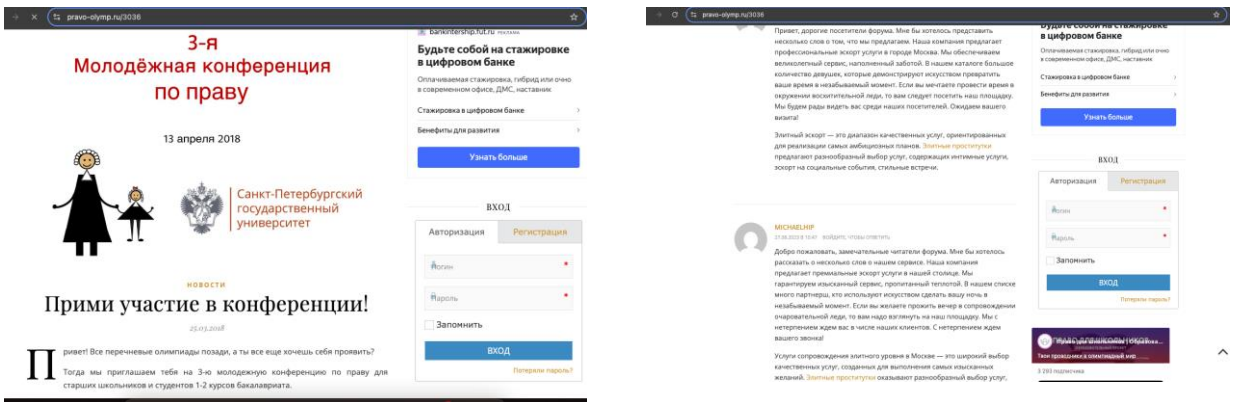

Рис. 2. Примеры рекламных объявлений в форме комментариев на сторонних сайтах

К отдельному виду рекламных объявлений относится ведение социальных сетей эскорт-агентством в виде постов, ориентированных на потенциальных сотрудников: «почему эскорт это не деградация, а развитие», «самые необычные подарки, которые девушки получали от клиентов (и мы тут тихо завидуем)», «Какие ошибки делают

новички в сфере эскорта и как их избежать», «5 ошибок, из-за которых девушки не зарабатывают». В этих постах заметна тенденция к дестигматизации – негативные коннотации, привычно ассоциируемые с проституцией, интимными услугами, снимаются. Представленная деятельность осмысляется в категориях социально приемлемых способов заработка (в постах описываются график, обязанности, доход, профессиональные риски, преимущества такой работы). Сам акт дестигматизации никак не маркируется в тексте, он служит предпосылкой для развертывания основного тезиса («как стать эскортницей»), создавая ощущение естественности предлагаемой модели восприятия сексуальных услуг как обыкновенной рабочей занятости.

В большинстве рекламных объявлений сексуальных услуг письменное сообщение комбинируется с фотографиями и эмоджи, восполняющими/дополняющими текстовую информацию. Другими словами, объявление интимного характера чаще всего является семиотически многослойным объектом, креолизованным текстом, содержание которого кодируется в разных знаках – вербальных и изобразительных [Чернявская 2009: 87], образует «структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 1992: 73], содержит элементы маскировки противоправного содержания.

Заключение

Отсутствие нормативного определения сексуальных услуг в законодательстве Российской Федерации позволяет закрытым дискурсивным группам рекламировать специальные услуги с помощью маскировки сообщений, содержание которых не выражено явно, но интуитивно угадывается потенциальным клиентом.

Объявления интимного характера предполагают коммерческий характер услуг и их тематическую соотнесенность с данной сферой. В зависимости от характера адресата и адресанта можно выделить клиентоориентированные и рекрутинговые объявления, место локализации которых конституирует их формальное и семантическое наполнение, предопределяет типовые свойства сообщения.

В интернет-дискурсе рекламные объявления интимного характера представлены (1) анкетами девушек, выступающих от лица компании или индивидуально; (2) описанием услуг массажных салонов / бань или категорий услуг при выборе «сопровождения» на сайтах эскорт-агентств; (3) открытыми вакансиями, обозначенными как «вакансии для девушек», «моделей», обещающими высокий заработок.

Основными способами коммуникативно-семиотической маскировки объявлений являются легевфемизация сообщений (смягчение или подмена понятий с целью минимизации правового риска) и семантическое свертывание значения за счет использования других семиотических кодов – фотографий и эмоджи, восполняющих или дополняющих содержание сообщения, что позволяет отнести рекламные объявления подобного характера к сложным, креолизованным текстам.

Литература

Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Вопросы языкознания. – 1992. – №1. – С. 71–78.

Афанасьев М. В., Петрова В. С. Уголовно-правовое противодействие эскорт-услугам: проблематика применения уголовного кодекса Российской Федерации / Вестник права. – 2024. – №1. – С. 4–9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-eskort-uslugam-problematika-primeneniya-sovremennogo-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii

Баранов А. Н. Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике "закрытых" дискурсов / Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2020. – №1. – С. 64–76 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-zhest-v-lingvisticheskih-ekspertizah-po-delam-o-vzyatkah-k-semantike-i-pragmatike-zakrytyh-diskursov

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / 4-е изд. М., 2012.

Галяшина Е. И. Криминалистические проблемы дешифровки криптолалической речи в интернет-коммуникации / Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи. Уфа, 2019. С. 44–48. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37634788

Дайлоф Е. Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы / Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 24–28 URL: https://legallinguistics.ru/article/view/%282019%291105/4201

Дегтярёва А. Р., Осадчий М. А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях / Вестник КемГУ. – 2012. – № 4(52), Т. 3. – С. 159-162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legevfemizm-kak-taktika-uhoda-ot-pravovyh-riskov-v-novostnyh-internet-izdaniyah

Джалыков Д. А. Правовое регулирование эскорт-услуг и проституции / Право и управление. – 2023. – №2. – С. 230–235. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-eskort-uslug-i-prostitutsii.

Зайцева О. В., Катышев П. А. Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания / Юрислингвистика. – 2023. – №30 (41). – С. 71–77. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pornomest-k-probleme-lingvisticheskogo-analiza-materialov-pornograficheskogo-soderzhaniya/.

Корнилова И. Г. Дискуссионные вопросы теоретико-методологического обоснования исследования информации порнографического характера / Научный портал МВД России. – 2020. – №1 (49). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-teoretiko-metodologicheskogo-obosnovaniya-issledovaniya-informatsii-pornograficheskogo-haraktera.
Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М., 2009.

References

Afanasyev, M. V., Petrova, V. S. (2024). Criminal law counteraction to escort services: problems of application of the modern criminal code of the Russian Federation. Bulletin of law, 1, 4-9. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-eskort-uslugam-problematika-primeneniya-sovremennogo-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (in Russian).
Anisimova, E. E. (1992). Paralinguistics and text. The problem of creolized and hybrid texts. Topics in the study of language, 1, 71-78 (in Russian).
Baranov, A. N. (2012). Linguistic expertise of the text: Theory and practice. A Study Guide. 4th ed. Moscow (in Russian).
Baranov, A. N. (2020). Speech and Gesture in Forensic Linguistics in Bribery Case: Towards Semantics and Pragmatics of "Closed" Discourses. Science Journal of Volgograd State University. Lunguistics, 1, 64-76. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-zhest-v-lingvisticheskih-ekspertizah-po-delam-o-vzyatkah-k-semantike-i-pragmatike-zakrytyh-diskursov (in Russian).
Chernyavskaya, V. E. (2009). Linguistics of Text: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity. A Study Guide. Moscow (in Russian).
Dailof, E. L. (2019). "Disguise" meaning in forensic linguistic expertise. Legal Linguistics, 11, 24-28 (in Russian).
Degtyareva, A. R., Osadchiy, M. A. (2012). Legeuphemisms as a tactics of legal risk avoidance in news internet media. Bulletin of Kemerovo State Iniversity, 4 (52), 3, 159-162. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/legevfemizm-kak-taktika-uhoda-ot-pravovyh-riskov-v-novostnyh-internet-izdaniyah/viewer (in Russian).
Dzhalykov, D. A. (2023). Legal regulation of escort services and prostitution. Law and Management, 2, 230-235. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-eskort-uslug-i-prostitutsii/viewer (in Russian).
Galyashina, E. I. (2019). Forensic Problems of Deciphering Creptolalic Speech in Internet Communication. Forensic Problems of the Effectiveness of Combating Crime and Other Offences among Youth. Ufa, 44-48. Available from: https://elibrary.ru/item.asp?id=37634788 (in Russian).
Kornilova, I. G. (2020). Controversial issues of theoretical-methodological justification of research information of a pornographic nature. Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior, 1, 79-85. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-teoretiko-metodologicheskogo-obosnovaniya-issledovaniya-informatsii-pornograficheskogo-haraktera (in Russian).
Zaytseva, O. V., Katyshev, P. A. (2023). Revenge Porn: On the Problem of Linguistic Analysis of Pornographic Content. Legal Linguistics, 30, 71-77. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/pornomest-k-probleme-lingvisticheskogo-analiza-materialov-pornograficheskogo-soderzhaniya/viewer (in Russian).

Citation:
Клёцкина А. А. Коммуникативно-семиотические механизмы маскировки содержания в рекламных объявлениях // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 84-90.
Kletskina A. A. (2026) Communicative and Semiotic Mechanisms of Content Masking in Advertisements. Legal Linguistics, 41, 84-90.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 91-94, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4115

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ *УДК 343.01, ББК 67.408, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.1*

Рецензия на книгу «Искусство (не)простого юридического письма» (А. В. Кнутов, А. В. Чаплинский, П. А. Мищенко, Д. Р. Алимпеев). - М.: "Проспект", 2026. – 192 с.

М. Е. Бабич

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45, 620144, Москва, Екатеринбург. E-mail: babich_me@usue.ru

Российской юридической науке хорошо знаком термин «юридическая техника». Им обозначают совокупность приемов и способов по разработке и систематизации нормативных правовых актов. В число таких приемов включаются правила о стиле изложения. Однако многочисленные учебные пособия по юридической технике не отвечают на один важный вопрос: как оценить качество языка нормативных актов? В большинстве случаев авторы формулируют требования к структуре нормативного акта, описывают нюансы юридических формулировок и советуют придерживаться официального, безэмоционального стиля. При этом задача оценки читаемости и понятности полученного текста обычно не ставится.

Анализ научной литературы показывает, что вопросы качества юридического языка рассматриваются юристами с точки зрения толкования отдельных терминов, используемых в законодательстве, разграничения содержания понятий, конструирования новых подходов к определению существующих или вновь принятых понятий [Краснянская 2025: 82-87], [Трубникова 2025: 58-63], [Рехтина 2025: 54-57]. Несколько реже можно встретить работы о качестве юридических текстов или особенностях юридического письма отдельных должностных лиц [Кучаков, Савельев 2025: 796-823], [Печатнова 2024: 52-56], [Белянская 2018: 23-34]. Развитие цифровых технологий и оцифровка большого массива тестовых данных, к которым также относятся тексты нормативных правовых актов, позволяет перейти на новый уровень исследования качества юридических текстов. В 2019-2021 гг. сотрудники Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ провели анализ синтаксической сложности юридических текстов методами компьютерной лингвистики. Результатом исследовательской работы стал вывод о постоянном повышении уровня синтаксической сложности российских нормативных правовых актов [Кнутов 2022: 399-426] и судебных решений [Чаплинский 2024: 159-177]. После выявления проблемы авторы перешли ко второму этапу проекта и предложили ряд приемов по упрощению правовых текстов. Первой ласточкой стали методические рекомендации, адресованные разработчикам проектов нормативных правовых актов [Методические рекомендации 2024: 86]. Через два года исследователи обобщили материал по другим видам юридических текстов и опубликовали учебное пособие «Искусство (не)простого юридического письма». Центральным понятием пособия является «юридический язык», который авторы предлагают считать подстилем официально-делового стиля. Рассматривая особенности юридического языка, авторы часто употребляют иные понятия: юридический текст, юридическое письмо, юридический стиль, язык юридических документов, язык права, правовой текст, канцелярский язык, юридическая техника. Указанные термины фигурируют в качестве предмета исследования или инструмента для пояснения его содержания.

Язык можно понимать как знаковую систему, систему словесного выражения мыслей и как стиль изложения. В этом смысле понятия «юридический язык» и «юридическое письмо» можно считать синонимичными. Возникает вопрос: а как соотносится «юридический стиль» и «юридическое письмо»? Юридическое письмо принято считать подвидом официально-делового стиля. По мнению авторов пособия, указанное не совсем справедливо по отношению к текстам правовой доктрины и публицистическим юридическим текстам. Вероятно, по этой причине в авторском определении понятия «юридического письма» фигурируют только такие тексты, которые предназначены для решения задач правового регулирования общественных отношений при установлении и применении норм права. Авторы исключили научные и публицистические тексты из содержания понятия «юридическое письмо», поскольку подобные тексты не решают задачу правового регулирования и правоприменения непосредственно. Такой подход к содержанию термина «юридическое письмо» отразился в структуре учебного пособия: тексты науки и публицистики в нем не рассматриваются.

Юридический язык не существует сам по себе, а имеет реальное выражение в юридических текстах – продуктах юридического письма. Авторы пособия сделали акцент на четырех видах текстов: нормативные правовые акты, процессуальные документы (судебные акты и исковые заявления), договоры и аналитические документы (юридические заключения и меморандумы). Указанная последовательность изложения оправдана, как минимум, двумя причинами. Первой можно назвать нормативность текста. В частности, нормативные правовые акты устанавливают правила поведения в обществе, рассчитаны на неоднократное применение неограниченным кругом лиц, являются инструментом государственного управления. Процессуальные документы и договоры необходимы для защиты прав конкретных участников правоотношения. Аналитические документы могут порождать правовые последствия только для ограниченного числа участников. Вторая причина – наличие формализованных правил юридической техники. Нормативный правовой акт является самым «зарегулированным» видом юридического текста. Качество языка процессуальных документов регламентировано весьма фрагментарно, а договоров и аналитических материалов не регламентировано вовсе. Следует отметить, что авторы, пусть и не всегда явно, придерживаются следующей концепции: юридическое письмо – это процесс написания текстов,

направленных на решение задач правового регулирования общественных отношений или применения норм права (юридический текст) посредством применения особых инструментов, присущих юридическому стилю (правил юридической техники).

Из указанного выше определения ясны цели юридического письма, но остается неясным, кто является адресатом юридических текстов. Авторы предлагают концепцию «целевого читателя» или «целевой аудитории», однако распространяют ее только на договоры и аналитические документы. По их словам, такие виды текстов должны быть понятны не только юристам, но и специалистам других сфер (директорам, бухгалтерам, маркетологам и другим). При составлении таких документов рекомендуется варьировать планку понятности текста в зависимости от квалификации и опыта работы целевого читателя. Примечательно, что относительно языка нормативных правовых актов и процессуальных документов авторы не используют концепцию «целевого читателя» или «целевой аудитории» открыто. Не возникает сомнений, что такие виды юридических текстов пишутся не в стол, а для людей. Нормативные правовые акты – для неопределенного круга лиц, большинство из которых не имеет высшего юридического образования. Процессуальные документы – для профессиональных юристов (судей, прокуроров, адвокатов) и участников судебного разбирательства. Если всегда ориентироваться на целевого читателя, получится, что нормативный правовой акт должен быть понятен каждому грамотному человеку (умеющему читать и писать), а процессуальный документ может быть написан посложнее, ведь он пишется юристами для юристов. Не означает ли это, что язык нормативных правовых актов должен быть образцом понятности, лаконичности, точности и недвусмысленности для рядового обывателя? И да, и нет. По мнению авторов пособия, юридический текст должен быть точным и исключать двойственность интерпретации. Однако во имя точности в таком тексте можно пожертвовать иными положительными характеристиками: простотой, ясностью, отсутствием повторов и т. д. Поскольку нормативный правовой акт является источником права, точность и недвусмысленность формулировок выходит на первый план и отодвигает понятность и лаконичность. Если перефразировать известный афоризм, недостатки юридического языка – это продолжение его достоинств. Избыточность абстрактных понятий, сложные синтаксические конструкции, недостаток глаголов, избыток существительных – все это дань точности, главной качественной характеристике юридического языка.

Рассмотрение видов юридических текстов с точки зрения концепции «целевого читателя» позволяет сформулировать требования к таким текстам. Если приравнять всех читателей к обывателям, то все юридические тексты следует писать максимально просто. Если признать существование читателей разной профессиональной подготовки, то критерии качества и понятности юридических текстов можно дифференцировать. К примеру, нормативные правовые акты пишутся для юристов, которые истолковывают их в иных юридических текстах. Последние должны быть понятными рядовым обывателям, первые – максимально точными. На первый взгляд это может показаться кощунственным. С другой стороны, простота интерпретации может быть достигнута только при одном условии – наличии письменного источника права, в котором все права и обязанности зафиксированы предельно полно и точно. Наличие объемного первоисточника позволяет юристу (толкователю) максимально упрощать текст заключения без потери смысла, поскольку большая часть этого смысла зафиксирована в нормативном правовом акте. Возможно, авторы пособия сознательно не акцентируют внимание на целевом читателе нормативных и процессуальных документов, чтобы не подсвечивать возникающее противоречие. Однако применение указанной концепции могло бы способствовать более полному обоснованию проблемы качества языка указанных юридических текстов и ограничений по ее решению [Шепелев 2012: 74-81].

Анализируемая работа содержит ряд конкретных рекомендаций по написанию разных видов юридических текстов. Некоторые из них могут показаться слишком прогрессивными. Например, запрет на злоупотребление цитатами из нормативных правовых актов в документах процессуального характера. Подобные практики нередко приводят к бесконечно длинным документам, информативность и понятность которых с каждой страницей только снижается. Другие советы предостерегают от чрезмерного упрощения юридического текста. В частности, не рекомендуется впадать в крайности и превращать текст договора в комикс. Несомненным достоинством пособия можно назвать практико-ориентированный подход. Многие из рекомендаций представляют собой правило, подкрепленное конкретным примером. Такое изложение материала позволяет читателю не утонуть в потоке теории и с интересом пройти квест по упрощению юридических текстов. Помимо примеров в каждой главе пособия есть практические задания, которые можно предложить студентам в качестве самостоятельной работы на занятии по юридической технике.

Особенностью представленного в пособии практического материала стоит назвать демонстрацию результатов применения авторского программного обеспечения «Сервис оценки синтаксической сложности» (https://lawreadability.hse.ru) (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №: RU 2022667138, дата регистрации: 10.09.2022) (далее – Сервис). Указанная программа может оценить сложность теста, написанного на русском языке, отразив этот параметр через индекс синтаксической сложности. Стоит подчеркнуть, что Сервис изначально ориентирован на анализ синтаксически осложненных текстов. Поэтому результат оценки одного и того же текста в Сервисе и других подобных программах может отличаться. К примеру, при первой проверке в Сервисе этой рецензии индекс сложности составил 41,88 баллов, что характерно для нормативного правового акта. Проверка рецензии на сайте «Простым языком» (https://plainrussian.ru) выдала результат от «сложно читать» (индекс по формуле Дэйла-Чейла 15.4) до «очень сложно читать» (индекс по формуле Flesch-Kincaid 19.22). Сервис от НИУ ВШЭ не только определил индекс сложности, но подсветил проблемные участки текста. Это позволило адресно поработать над текстом и упросить его. После второй проверки рецензии в Сервисе индекс сложности составил 36,79 баллов, что является адекватным показателем для научного юридического текста. Оценка текста на сайте «Простым языком» при повторной проверке существенного снижения сложности текста не выявила. Указанный пример демонстрирует преимущество Сервиса для анализа синтаксически осложненных текстов.

Стоит сказать, что авторы пособия весьма аккуратно говорят о возможности применения искусственного интеллекта в качестве инструмента написания юридических текстов. Одной из причин скептического отношения к данной технологии является риск «галлюцинаций», который проявляется в появлении в юридическом тексте реквизитов несуществующего

нормативно-правового акта или судебного решения. Вместе с тем юристы в практической работе уже применяют различные ИИ-агенты и осваивают навыки промптинга, что способствует постановке новых исследовательских задач. Хочется надеяться, что следующие публикации авторов пособия «Искусство (не)простого юридического письма» продемонстрируют возможности искусственного интеллекта в сфере оценки качества и упрощения языка юридических текстов.

Литература

Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – 10(4). – С. 610–625.

Белянская О. В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники» / Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – 2 (7) – С. 23-34.

Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? / Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 3(57). – С. 399-426.

Краснянская Т. Об особенностях толкования понятия оскорбительности в делах о неуважении к суду / Юрислингвистика. – 2025. – № 37(48). – С. 82-87.

Кучаков Р. К., Савельев Д. А. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов 1991-2023 годов / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 796-823.

Методические рекомендации по повышению удобочитаемости текстов: Как написать нормативный правовой акт простым языком? / под ред. А. В. Чаплинского. М., 2024.

Печатнова Ю. Стилевые особенности судебных решений американского судьи Ричарда Познера / Юрислингвистика. – 2024. – № 31(42). – С. 52-56.

Рехтина И. Категории «дистанционный труд» и «долголетие работника»: характер взаимосвязи / Юрислингвистика. – 2025. – № 37(48). – С. 54-57.

Трубникова О. О содержании понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование» в земельном праве России / Юрислингвистика. – 2025. – № 37(48). – С. 58-63.

Чаплинский А. В., Кнутов А. В., Алимпеев Д. Р. Понятность языка правосудия: опыт эмпирического исследования содержания и синтаксиса судебных решений / Закон. – 2024. – № 2. – С. 159-177.

Шепелев А. Н. Кому предназначены письменные формулировки закона? / Известия вузов. Правоведение. – № 3. – 2012. – С. 74–81.

References

Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Clarity of Legal Document Texts: Fiction or Presumption? Bulletin of St. Petersburg University. Law, 10 (4), 610-625 (in Russian).

Belyanskaya, O. V. (2018). Language and Style of Regulatory Acts as an Element of Legal Technique. Actual Problems of State and Law, 2 (7), 23-34 (in Russian).

Chaplinsky, A. V., Knutov, A. V., Alimpeev, D. R. (2024). Clarity of the Language of Justice: Experience of an Empirical Study of the Content and Syntax of Court Decisions. Law, 2, 159-177 (in Russian).

Knutov, A. V., Chaplinsky, A. V., Alimpeev, D. R. (2022). Language of Regulatory Legal Acts: Is It Time to Sound the Alarm? Bulletin of Perm University. Legal Sciences, 3 (57), 399-426 (in Russian).

Krasnyanskaya, T. (2025). On the Specifics of Interpreting the Concept of Insultancy in Cases of Contempt of Court. Jurislinguistics, 37 (48), 82-87 (in Russian).

Kuchakov, R. K., Savelyev, D. A. (2025). Complexity of Legal Acts in Russia: Lexical and Syntactic Quality of Texts from 1991-2023. Bulletin of St. Petersburg University. Law, 3, 796-823 (in Russian).

Methodological Recommendations for Improving the Readability of Texts: How to Write a Normative Legal Act in Simple Language? (2024). Edited by A. V. Chaplinsky (in Russian).

Pechatnova, Yu. (2024). Stylistic Features of Court Decisions of the American Judge Richard Posner. Jurislinguistics, 31 (42), 52-56 (in Russian).

Rekhtina, I. (2025). The Categories of "Remote Work" and "Employee Longevity": the Nature of the Relationship. Jurislinguistics, 37 (48), 54-57 (in Russian).

Shepelev, A. N. (2012). To whom are the written formulations of the law intended? News of universities. Jurisprudence, 3, 74–81 (in Russian).

Trubnikova, O. (2025). On the Content of the Concepts of "Intended Purpose" and "Permitted Use" in the Land Law of Russia. Jurislinguistics, 37 (48), 58-63 (in Russian).

Citation:

Бабич М. Е. Рецензия на книгу «Искусство (не)простого юридического письма» (А.В. Кнутов, А.В. Чаплинский, П.А. Мищенко, Д.Р. Алимпеев). - М.: "Проспект", 2026. - 192 с. // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 91-94.

Babich M. E. (2026) Review of the book "The Art of (Non)Simple Legal Writing" (A.V. Knutov, A.V. Chaplinsky, P.A. Mishchenko, D.R. Alimpeev). - M.: "Prospect", 2026. - 192 p. Legal Linguistics, 41, 91-94.

(cc) BY This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 95-97, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4116

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ *УДК 340.111.57, ББК 67.0, ГРНТИ 10.07.61, Код ВАК 5.1.1*

Рецензия на монографию В. М. Баранова, В. Е. Замальдинова «Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ»

А. А. Васильев[1], О. Е. Зацепина[2]

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: [1]anton_vasiliev@mail.ru, [2]zatsepina.olesya@yandex.ru

Повышение уровня российского правосознания и правовой культуры невозможно без уважения и доверия к сотрудникам органов внутренних дел со стороны населения. Одним из аспектов, из которых складывается положительное отношение к ним, является языковой, предполагающий наличие у таких сотрудников развитых коммуникативных навыков и грамотной и чистой речи, то есть речи, не содержащей ненормативную лексику и соответствующей нормам русского литературного языка.

Поэтому актуальность рецензируемой монографии В. М. Баранова и В. Е. Замальдинова [Баранов, Замальдинов 2025] не вызывает сомнений.

Под ненормативной лексикой (сниженной, бранной, нецензурной) авторы книги понимают слова и выражения, подлежащие исключению из публичного общения (употребления в общественных местах) и медийной коммуникации, обоснованно соглашаясь с В. А. Стерниным [Стернин, Калинкин 2023: 61] в том, что именно такое определение охватывает широкий круг явлений, минимизирует субъективизм и снижает дискуссионность, существующую в литературе относительно характеристики данного понятия.

На наш взгляд, данное определение концентрируется на том признаке ненормативной лексики, который является главным преимущественно в контексте рассмотрения вопроса экологичности русского языка, а именно на необходимости исключения из публичного общения, поэтому выбрано именно оно.

В начале рассматриваемой монографии авторы исследуют сниженную лексику, к которой относят общенациональный сленг, жаргонизмы, просторечие, вульгаризмы. При этом справедливо отмечают, что, хотя «с помощью данной лексики сотрудники органов внутренних дел реализуют стратегию близости к собеседнику», ее употребление дискредитирует представителей правоохранительных органов, свидетельствует об их вербальной агрессии, поэтому они должны более ответственно подходить к соблюдению норм русского литературного языка при общении в процессе осуществления своих полномочий.

Действительно, необходимость налаживания контакта с собеседником не должна служить оправданием для употребления сниженной лексики, кроме того, во многих случаях ее употребление может привести к обратному эффекту.

Далее авторы исследуют сквернословие и его виды – бранную (инвективную) и нецензурную лексику, а также приводят классификации инвективной лексики по различным основаниям и сожалеют о том, что такая лексика активно не осуждается обществом, что многие считают ее нормой, и предостерегают от такого подхода.

Первую главу монографии В. М. Баранов и В. Е. Замальдинов завершают тем, что знакомят читателей с юрислингвистикой как отраслью прикладной лингвистики, ее разделами и существующими научными школами, что, бесспорно, повышает научную значимость исследования.

Вторая глава работы посвящена анализу роли и функций ненормативной лексики в современных СМИ. Авторы справедливо отмечают, что журналисты используют сниженную лексику для выполнения контактоустанавливающей и оценочной функции, а у сквернословия выделяют следующие функции – эмоционально-катартическую (снятие стресса), понижения социального статуса носителя языка, самоуничижительную, аттрактивную (привлечение внимания читателей) и игровую функцию (словообразовательную).

Полагаем, выделение данных функций имеет огромную научную значимость, поскольку показывает разные аспекты исследуемого понятия, его неоднозначность и многогранность. Следует отметить, что иногда ненормативная лексика используется не только для снятия эмоционального напряжения и выплеска негативных эмоций, но и для выражения положительных эмоций, например восхищения, а также выполняет функцию не только самоуничижения, но и самовосхваления. Также, по нашему мнению, аттрактивная функция работает только относительно некоторых граждан и социальных групп, как правило, активно использующих ненормативную лексику в своей речи, а для людей, не употребляющих ее, такая лексика может иметь противоположное, отталкивающее значение.

Авторы рецензируемого исследования указывают, что в медийной коммуникации активно используется сквернословие, однако, по их мнению, адресант должен помнить, что, выражая свои эмоции таким способом, он умаляет собственное достоинство.

Третья глава монографии называется «Профилактика распространения ненормативной лексики в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел».

В первом и втором параграфах данной главы соответственно отмечается, что чистота речи является важным показателем коммуникативной компетентности органов внутренних, а речевой этикет – одним из главных факторов его успешного профессионального общения. Третий параграф третьей главы посвящен законодательной регламентации противодействия ненормативной лексике в современной России.

В нем анализируются такие нормативно-правовые акты, как Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» (плюс сравнивается с законодательством в Великобритании в данной сфере), Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2015 г. № 1336 «Об утверждении Правил размещения текстового предупреждения о наличии нецензурной брани на экземплярах отдельных видов продукции», Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», КоАП РФ, УК РФ и др., а также законопроект о регулировании платформенной экономики 2025 г. № 959244-8 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации (в части регулирования деятельности цифровых платформ)».

Особо следует отметить широкое использование авторами в качестве эмпирического материала различного рода материалов информационного характера, сложившихся в условиях цифровой коммуникации: материалов электронных СМИ и каналов информации в социальных сетях. Это позволило более полно и широко показать проблему речевого этикета в условиях цифровизации. По результатам данного анализа сделан вывод, что «в Российской Федерации носителям языка запрещено использовать ненормативную лексику в общественных местах, СМИ, рекламе, оскорблять религиозные чувства верующих, участников судебного разбирательства, представителя власти, военнослужащего».

Что касается профилактики распространения ненормативной лексики в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, то только в рамках анализа законодательства в этом параграфе указано, что в п. 7.2 приказа МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников внутренних дел Российской Федерации» говорится о том, что правоохранитель обязан «воздерживаться в устной и письменной речи от оскорблений, грубости, нецензурной брани, жаргона, уголовной лексики», о других мерах профилактики в работе не упоминается.

Полагаем, монографическое исследование выиграло бы, если бы вопросу профилактики было бы уделено большее внимание в соответствии с названием главы 3, предложено было бы введение конкретных новых мер противодействия распространению ненормативной лексики, проведение определенных профилактических мероприятий.

Кроме того, важным направлением исследований ненормативной лексики могло бы стать создание соответствующих словарей ненормативной лексики, в том числе русского мата, которые имели бы и правоприменительное значение.

Наконец, еще одним перспективным аспектом обозначенной проблематики могло бы стать использование ненормативной лексики в судебных актах: допустимость и подходы с точки зрения квалификации различного рода противоправных деяний.

Рецензируемая монография представляет собой качественное комплексное исследование ненормативной лексики, вносит большой вклад в науку, отвечает запросам современной практики, охватывает широкий круг вопросов. На наш взгляд, исследование может быть продолжено в различных направлениях и аспектах, например: историческом, юрислингвистическом, компаративистском, нормативном, правовой культуры, юридической психологии, юридической этики и других.

Полагаем, данная книга будет интересна обучающимся не только юридических и экономических специальностей, как указано в ее аннотации, но и изучающим филологию, языкознание и юрислингвистику, а также всем читателям, желающим изучить указанные сферы деятельности.

Литература

Баранов В. М., Замальдинов В. Е. Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ: монография. М., 2025.

Стернин И. А., Калинкин С. В. Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления (ст. 297, 319 УК РФ) / Лингвистическая экспертиза в трудах Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов: монография. Воронеж, 2023.

References

Baranov, V. M., Zamal'tdinov, V. E. (2025). Profanity of the Russian language: the legal linguistic analysis: monograph. Moscow (in Russian).
Sternin, I. A., Kalinkin, S. V. (2023). Some issues of the criminal-legal qualification of insult (Articles 297 and 319 of the Criminal Code of the Russian Federation). Linguistic expertise in the works of the Voronezh Association of linguistic experts: monograph. Voronezh (in Russian).

Citation:
Васильев А. А., Зацепина О. Е. Рецензия на монографию В.М. Баранова, В.Е. Замальдинова «Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ» // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 95-97.
Vasiliev A. A., Zatsepina O. E. (2026) Review of the Monograph by V.M. Baranova, V.E. Zamaldinova «Obscene vocabulary of the Russian language: the Legal Linguistic Analysis». Legal Linguistics, 41, 95-97.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистика

Legal Linguistics, 2026, 41, 98-100, doi: https://doi.org/10.14258/leglin(2026)4117

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

На стыке языка и права (к 80-летию Николая Даниловича Голева)

С. В. Доронина

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

наб. Макарова 8, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Развитие нового прикладного направления лингвистики, появившегося на рубеже XX и XXI века, вне всякого сомнения тесно связано с именем доктора филологических наук, профессора Николая Даниловича Голева. Социальные изменения, вызвавшие всплеск общественного интереса к правовым вопросам, подняли в общественном поле многоаспектный комплекс проблем функционирования языка в правовом поле. Детальный аспектный анализ этой области требовал весьма значительных усилий всего научного сообщества, и Николай Данилович был одним из тех, кто первым очертил границы нового направления лингвистики, предложил методы изучения его основных объектов и термин для его обозначения.

Основные проблемы юрислингвистики как научного направления сформулированы Н. Д. Голевым в одноименной словарной статье словаря-справочника «Эффективное речевое общение (Базовые компетенции)» под редакцией А. П. Сковородникова. По мнению автора, к ним относятся: создание на базе естественного языка специального юридического языка как важнейшего инструмента законотворческой деятельности и толкования закона, юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка (оскорбление, манипуляции, призывы к насилию, плагиат и т. п.), регулирование социально-языковых внутригосударственных отношений в федеративном государстве (проблемы государственного языка, языка межнационального общения, лингвоэкологии и т. п.) и межгосударственных отношений, терминологическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности, лингвистическое образование специалистов в области права, лингво-юридическое просвещение населения, изучение обыденного языко-правового сознания. Именно этот круг научных вопросов определил структуру научно-практического журнала «Юрислингвистика», основанного Николаем Даниловичем в 1999 году. Можно сказать, что, пройдя испытание временем, журнал стал не только эффективной платформой для научного диалога специалистов различных областей знания, но и отражением этапов становления юрислингвистики как науки, фиксируя наиболее актуальные вопросы судебного речеведения и правовой коммуникации в разные периоды.

В изучении речевых конфликтов в правовом поле Н. Д. Голев придерживается антиномического подхода, учитывающего фундаментальные противоречия в структуре языка и его функционировании: конечность языковых средств и бесконечность выражаемых смыслов, устойчивость и одновременную изменчивость языковой системы, социальные условия бытования языка и индивидуально-психологические черты идиолектов. Антиномии дают возможность выбора вариантов речевого поведения, который регулируется нормами, в том числе и нормами права. Такой подход оказался наиболее продуктивным в исследовании инвективы – области, ранее не попадавшей в поле пристального внимания лингвистов и потому ставшей объектом наиболее активного обсуждения. Оказалось, что для решения правовых вопросов об оскорблении необходима разработка критериев оценки речевого акта инвективы и шкалы оценки инвективных средств языка, не совпадающей с традиционной системой стилистических помет. Н. Д. Голев предлагает говорить об инвективном потенциале языковых единиц и о его реализации в естественной речи, поскольку прагматическое значение инвективной единицы может игнорироваться в коммуникативном акте, и напротив, слово, не содержащее в своем значении негативных коннотаций, в особых коммуникативных условиях может приобрести инвективное звучание. Эта идея легла в основу специализированного словаря русской инвективной лексики, в котором инвективная окрашенность слов описывается как диапазон возможных коннотаций. Шкала инвективности для каждого слова строится с опорой на данные различных словарей русского языка и результаты социолингвистического опроса носителей языка, отражающего обыденное метаязыковое сознание. Предпринятая попытка лексикографического портретирования инвектив позволила сделать ценные наблюдения над семантической группой, ранее никогда не становившейся специальным предметом исследования лингвистики. Созданная классификация продемонстрировала не только разную степень эмоциональной негативной оценки лица, но и их различную диффузность (способность изменять степень инвективности в зависимости от контекста и

коммуникативной ситуации). Словарь также позволил выделить некоторые семантические и лексико-грамматические признаки, обусловливающие появление у слов инвективной окраски.

Значительное место в научном творчестве Николая Даниловича Голева занимают вопросы юридической техники. В своих работах он отстаивает мысль о том, что требования точности, однозначности и ясности, традиционно предъявляемые к тексту закона, в современной правовой коммуникации соблюдаются не в полной мере. Более того, точность и ясность – это характеристики, направленные на разных участников правовой коммуникации. Для специалистов в области юриспруденции преимущественное значение имеет точность, понимаемая как единообразие в использовании правовых понятий и преемственность и непротиворечивость в толковании нормативно-правовых актов. При соблюдении этих принципов специалистами-правоведами категория ясности является производной от точности и в некотором роде избыточной. Для рядовых граждан, напротив, категория ясности является основополагающей. Принципиальное значение в данном отношении имеет неизбежное различие презумпций, лежащих в основе профессионального юридического и обыденного сознания. Юрист воспринимает и интерпретирует законодательный текст посредством системы специальных юридических знаний, профессиональных категорий и установившихся способов толкования права, в то время как рядовой гражданин опирается на значения и представления, сформированные обыденным языком, повседневным опытом и общенародными представлениями о морали. Следовательно, один и тот же текст может актуализировать у участников правовой коммуникации различные смыслы и вызвать расхождение между установкой, которую вкладывает в текст законодатель, и смыслом, который извлекает из него исполнитель закона. Однако при этом ни в юриспруденции, ни в лингвистике нет четкого представления о том, какими качествами должен обладать правовой документ, чтобы быть понятным неспециалистам. Поэтому совершенствование юридического текста со стороны его создателя не обязательно приводит к повышению эффективности его восприятия обществом, что делает необходимым учет не только формально-языковой организации, но и перлокутивной составляющей правовой коммуникации.

Вместе с тем, по словам Н. Д. Голева, радикальное упрощение законодательного языка не может рассматриваться как универсальное решение данной проблемы. Правовое содержание предполагает использование специализированных понятий и терминов, без которых невозможно обеспечить необходимую юридическую точность и системность нормативного регулирования. Поэтому задача заключается не в механическом отказе от специальной юридической лексики, а в поиске баланса, позволяющего сочетать сохранение необходимого правового содержания с обеспечением его доступности для неспециалиста. В попытке устранить противоречие между естественным и специальным языком общее движение юридической техники происходит в сторону упрощения синтаксиса языка закона при сохранении лексического состава, отражающего терминосистему данной правовой области. Однако Н. Д. Голев предлагает оригинальный метод обнаружения особо затруднительных для понимания отрывков юридического текста – метод обратного машинного перевода. По мнению ученого, он является надежным критерием, измеряющим недостаточную ясность правового документа.

Признак ясности, являющийся по своей природе субъективным, базируется на формализуемых текстовых характеристиках: четкой, логичной структуре и однозначности. Эти критерии являются проверяемыми с помощью искусственного интеллекта. Если при двойном применении машинных алгоритмов перевода получается текст, лишенный смысловой эквивалентности с исходным, то это является сигналом недостаточной ясности исходного текста и требует поиска источников двусмысленности. Таким образом, анализ трансформаций, возникающих в процессе двойного машинного перевода, может рассматриваться как дополнительный инструмент моделирования тех смысловых преобразований, которые потенциально возникают при восприятии сложного юридического текста рядовым носителем языка. Данная идея, выдвинутая Николаем Даниловичем, в настоящее время успешно апробирована на различных нормативно-правовых актах и вполне может быть внедрена в практику законотворческой деятельности в будущем.

Николай Данилович Голев является не только автором оригинальных научных концепций, но и основателем целой школы исследователей юрислингвистики и профессиональных судебных экспертов. Его учебное пособие «Юрислингвистика, вводный очерк теории» является результатом многолетней педагогической работы и своеобразным отражением истории становления юрислингвистики как самостоятельной науки.

Труды Николая Даниловича продолжают жить и развиваться в исследованиях учеников и коллег. Под его руководством защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Работы профессора Голева сохраняют свое значение для отечественной науки и будущих поколений филологов, поскольку в них глубоко и последовательно исследуются важнейшие проблемы юридической лингвистики. Многие положения, сформулированные ученым, служат основой для дальнейших научных поисков и дискуссий, остаются ценным источником знаний и вдохновения для молодых исследователей, способствуя развитию отечественной филологической науки.

Литература

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Юрислингвистика–1. Барнаул, 1999. С. 11–58.

Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Юрислингвистика–3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2002. С. 14–29.

Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. С. 110–123.

Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) / Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003. С. 92–98.
Голев Н. Д., Головачева О. В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка / Юрислингвистика. – 2005. – № 6. – С. 123–130.
Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Юрислингвистика. – 2006. – № 7. – С. 8–39.
Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика: Русский язык и современное российское право. – 2007. – №8. – С. 92–104.
Голев Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 137–156.
Голев Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 5–15.
Голев Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (Казань, 04-08 октября 2016 г.). – 2016. – № 5. – С. 132–136.
Голев Н. Д., Иркова А. В. Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивносемантический анализ лексем с корнями -чест- и -добр-) / Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 4. – С. 212–242.
Голев Н. Д. Компьютерное измерение сложности юридического текста / Проблемы и перспективы современной научной мысли в России и за рубежом. Сборник тезисов II Международной конференции. Под общей редакцией О. С. Советовой, А. М. Попова. М., 2020. С. 8–13.
Голев Н. Д. Перлокутивная экспертиза текста законопроекта с использованием компьютерных технологий (на материале статьи 32 «Лесного кодекса РФ» от 04.12.2006 № 200-ФЗ) / Современные тенденции развития науки: сборник тезисов III национальной конференции (Кемерово, 25 декабря 2020 г.) / под ред. С. О. Гаврилова, Д. М. Бородулина. Кемерово, 2020. С. 11–13.
Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории: учебное пособие. Кемерово, 2021.
Голев Н. Д., Лоншакова К. А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор / Юрислингвистика. – 2023. – № 29. – С. 86–97.
Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии» / Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 201–215.
Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет. Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 772–773.

Citation:
Доронина С. В. На стыке языка и права (к 80-летию Николая Даниловича Голева) // Юрислингвистика. – 2026. – 41. – С. 98-100.
Doronina S. V. (2026) Where Language and Law Meet (On the 80th Anniversary of Nikolai Danilovich Golev). Legal Linguistics, 41, 98-100.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 25.09.2026 г.

Дата публикации издания 01.10.2026 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2026